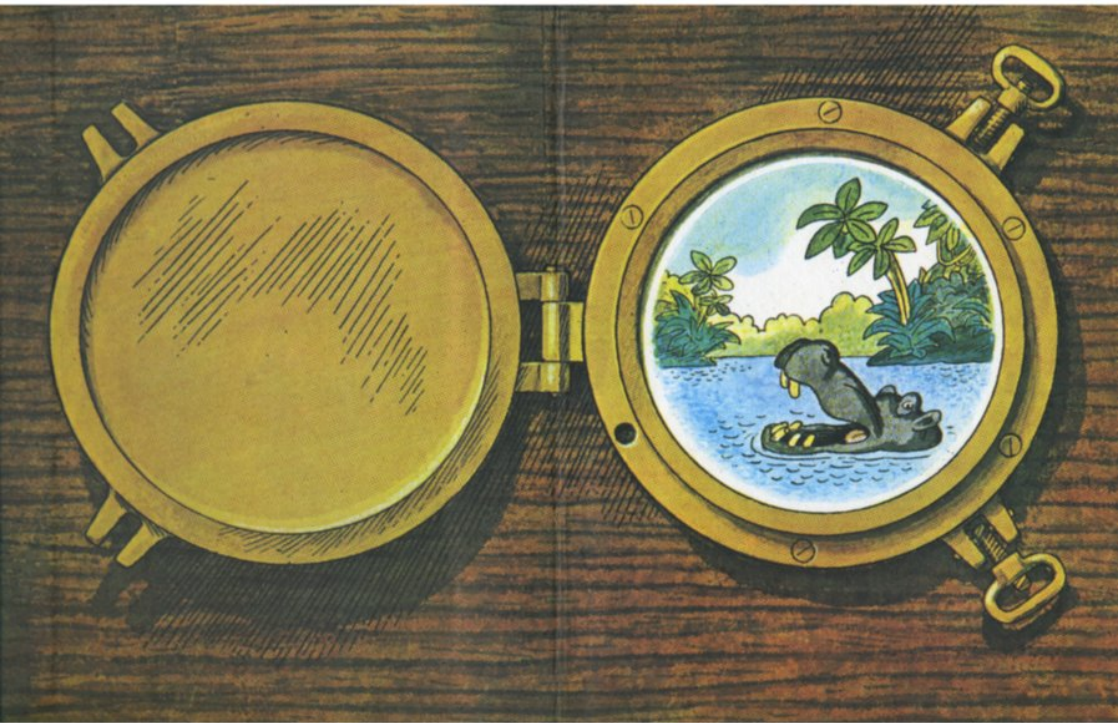

А. НЕКРАСОВ

Приключения
капитана Врунгеля

Лениздат
1982

А. НЕКРАСОВ

*Приключения
капитана Врунгеля*

Рисунки В. БОКОВНИ

*Лениздат
1982*

84. 3(2) 7
H48

4803000000—148
H $\frac{4803000000-148}{171(03)-82}$ 217—82
M 171(03)—82

© Издательство «Детская литература», 1980,
вступ. слово.

© Лениздат, 1982, оформление, иллюстрации

Больше сорока лет назад я, тогда еще в рукописи, прочитал повесть Андрея Некрасова «Приключения капитана Врунгеля». Так я узнал, что отважный капитан со своими неунывающими спутниками Ломом и Фуксом на парусной яхте «Беда» отправился в кругосветное плавание.

С тех пор многое изменилось в мире. Иной стала карта нашей планеты, человек вышел в космос, атомные корабли проложили дороги в непроходимых прежде льдах... Новые радости пришли к людям и новые заботы. Множество новых книг появилось за это время.

А маленькая яхта «Беда» до сих пор не затерялась в огромном океане детской литературы. Оставив за кормой многие литературные суденышки, капитан Врунгель, по-прежнему не сбиваясь с курса, уверенно находит дорогу к сердцам своих читателей.

Для миллионов мальчишек и девчонок капитан Врунгель стал признанным героем, таким, как хвастливый Мюнхгаузен, отважный Робинзон или озорной Том Сойер.

Многие из первых читателей «Приключений капитана Врунгеля» сегодня — дедушки и бабушки. Первые издания этой книги стали библиографической редкостью. А сам капитан Врунгель не собирается еще на пенсию. Он и сегодня делает свою очень важную и нужную работу: дарит веселые минуты читателям и учит их с улыбкой переносить невзгоды и трудности.

Тем, кто впервые открывает эту книжку, я немножко завидую: они узнают много интересного, наверное, полюбят море и во всяком случае посмеются от души.

Сергей МИХАЛКОВ,

Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

Не забыть кошку!

Поставить новую паруса!

Надеть новый борта!

укоротить киль!

КАТЕРИНА

Покрасить!

3/4

16/45

404

АРХИВ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

БЕАР Т. 1911

Х Врунгель

20.11

ГЛАВА I,

*в которой автор знакомит читателя с героем
и в которой нет ничего необычного*

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

— Навигация,— сказал он на первом уроке,— это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация,— добавил он напоследок,— наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель — не иначе как старый морской волк на покое. Навигацию он знал блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избороздил все моря и океаны.

Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор, в отличие от прочих навигаторов, сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приводили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

— Ну что вы! Не время сейчас,— возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что, в отличие от прочих навигаторов, Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнейшее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно не посчастливилось услышать от самого Врунгеля рассказ о его кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае калоши, промочил ноги, простудился и слег в постель. А время стояло горячее: весна, зачеты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.

Я отправился. Без труда нашел квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... оstoneбенел от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые растрепанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он и действительно покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Врунгелем в специальной стойке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант. Небрежно брошенный сверток карт наполовину закрывал сушеный акулий плавник. На полу вместо ковра распласталась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками ржавой цепи, на стене висел кривой меч, а рядом с ним — зверобойный гарпун. Было еще что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.

— Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич,— произнес он громовым басом, протягивая мне руку.— Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

— Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчет тетрадок... ребята прислали... — начал было я.

— Виноват,— перебил он меня,— виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Стар стал, ничего не поделаешь... Да... так, говорите, за тетрадами? — переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столом.

Наконец он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

— Вот, извольте,— сказал он, предварительно громко, со вкусом, чихнув,— у всех «отлично»... Да-с, «отлично»! Поздравляю! С полным знанием науки кораблевождения пойдете бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждет вас впереди! Тропики, полюса, плавание по дуге большого круга... — прибавил он мечтательно.— Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не поплавал.

— А вы разве плавали? — не подумав, воскликнул я.

— А как же! — обиделся Врунгель.— Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение,— добавил он, помолчав.— Многое, так сказать, предстает теперь в ином свете, но все же, знаете, оглянись вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятного и поучительного в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте...

С этими словами Христофор Бонифатьевич пододвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как на кресло, а Врунгель стал рассказывать.

ГЛАВА II,

в которой капитан Врунгель рассказывает о том, как его старший помощник Лом изучал английский язык, и о некоторых частных случаях практики судовождения

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной — и тряхнул. Так тряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. Да-с. Вам, простите, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнем по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так чтобы вовсе мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воробей, на хорошем счету, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил: пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка — пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашел. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили.

Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением ее в два счета привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль на два фута, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта — игрушечка! Сорок футов по палубе. Как говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

Успех подобного предприятия, как вы знаете, во многом зависит от личного состава экспедиции. Поэтому я особенно тщательно выбирал своего спутника — единственного помощника и товарища в этом долгом и трудном пути. И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос — как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всем том отличное знание дела, поразительная скромность — словом, все, что требуется первоклассному моряку. Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьезный: полное незнание иностранных языков. Это, конечно, важный порок, но это не остановило меня. Я взвесил положение, подумал, прикинул и приказал Лому в срочном порядке овладеть английской разговорной речью. И, знаете, Лом овладел. Не без трудностей, но овладел за три недели.

Для этой цели я избрал особый, дотоле неизвестный метод преподавания: я пригласил для моего старшего помощника двух преподавателей. При этом один обучал его с начала, с азбуки, а другой с конца. И, представьте, с азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно с произношением. Дни и ночи напролет мой старший помощник Лом разучивал трудные английские буквы. И, знаете, не обошлось без неприятностей. Вот так однажды он сидел за столом, изучая девятую букву английского алфавита — «ай».

— Ай... ай... ай... — твердил он на все лады, все громче и громче.

Соседка услышала, заглянула, видит: здоровый детина сидит, кричит «ай!». Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скорую помощь». Приехали. Накинули на парня смиренительную рубашку, и я с трудом на другой день вызволил его из лечебницы. Впрочем, кончилось все благополучно: ровно через три недели мой старший помощник

Лом донес мне рапортом, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот наконец долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. Сенсация, так сказать. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запрудили берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль и скомандовал:

— Поднять паруса, отдать носовой, руль на правую!

Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит. Отдали кормовой конец — все равно стоит. Ну, вижу — нужно принимать решительные меры. А тут как раз буксир шел мимо. Я схватил рупор, кричу:

— Эй, на буксире! Прими конец, черт побирай!

Буксир потянул, пыхтит, мылит воду за кормой, только что на дыбы не встает, а яхта — ни с места... Что за притча?

Вдруг что-то ухнуло, яхта накренилась, я на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — конфигурация берегов резко изменилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же плавает будка с мороженым, верхом на ней сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.

А под бортом у нас целый зеленый остров. Я посмотрел — и все понял: плотники недоглядели, поставили свежий лес. И, представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла. А я еще удивлялся: откуда такие красивые кустики на берегу? Да. А яхта построена крепко, буксир добрый, канат прочный. Как дернули, так полберега и отнесло вместе с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, все кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, понятно, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форсмажор» — непредвиденное обстоятельство. Пришлось стать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь — рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признаться, изрядно, вымокли, замерзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звезды высыпали на небе, на судах бьют полночную склянку. Я отпустил Лома спать, а сам остался на вахте. Стою, размышляю о трудностях и прелестях предстоящего похода. И так это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сутки хода потерял с этой аварией — я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля — то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был — Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» — перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назвать свое судно «Корыто» — оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имен, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля! Вот

имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнем горели. За полмили можно было прочесть: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль, порт еще не проснулся, после бессонной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу: пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и — хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок. Но все мы люди, все человеки, как говорится, и каждому приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...»

Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чем разговор. Хватаю другую газету, третью... Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посередине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Беда», на которой он отправляется...»

Тогда я все понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы — «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделать уже ничего невозможно: у газетчиков длинные языки. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».

Но долго горевать не пришлось. С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лома и стал поднимать якорь.

И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как назло, кричали:

— Эй, на «Беде», счастливого плавания!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Беде» и пошли.

Вышли в море. Я еще не успел оправиться от огорчения. И все-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете, еще древние греки говаривали, что море все невзгоды смывает с души человека.

Идем. Тишина, только волны шелестят вдоль бортов, мачта поскрипывает, а берег уходит, тает за кормой. Погода свежеет, белячки пошли по волнам, откуда-то прилетели буревестники, ветерок стал крепчать. Работает, свистит в снастях настоящий морской, соленый ветер. Вот и последний маяк остался позади, берегов как не бывало, только море кругом; куда ни взглянешь — везде море.

Я проложил курс, сдал командование Лому, постоял еще минутку на палубе и пошел вниз, в каюту — вздремнуть часок-другой перед вахтой. Недаром у нас, у моряков, говорится: «Не выспаться всегда успеешь».

Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лег на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаюсь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперед... и в глазах у меня потемнело.

На первый взгляд — ничего, конечно, особенного: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но впереди, прямо перед носом «Беды», — едва заметная, как ниточка, встает над горизонтом полоска берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагается быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразие. Стыд и позор для вас! Я был потрясен, возмущен и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать — так заедешь, что и не выберешься, особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вы-

шло, но тут, к счастью, все объяснилось. Лома выдал нос. Мой старший помощник все время сворачивал нос налево, жадно втягивал воздух и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я все понял: в моей каюте, по левому борту, осталась назакупоренная бутылка прекрасного рому. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так — значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой. Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенес бутылку на правый борт. Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатилося туда же, а два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку впереди, у мачты, и Лом больше не сбивался с курса. Он вел «Беду», как по ниточке, и только один раз особенно жадно втянул воздух и спросил:

— А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Вот таким образом и началось наше дальнейшее плавание.

ГЛАВА III

О том, как техника и находчивость могут возместить недостаток храбрости, и о том, как в плавании надо использовать все обстоятельства, вплоть до личного недомогания

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А плавание? Плавание — это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И все же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чем тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетелями которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас превратная судьба мореплавателя.

Но в море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер главным образом.

А что вы можете пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простои на мелях... Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествия, и в нашем походе их было немало, но в основном про воду, про ветер, про туманы и мели много не расскажешь.

Рассказать-то, положим, можно бы. Рассказать есть что: бывают, допустим, смерчи, тайфуны, жемчужные отмели — мало ли что! Все это поразительно интересно. Ну, рыбы там, корабли, спруты — тоже и об этом можно рассказать. Да вот беда: столько уж об этом порассказано, что не успеете рот раскрыть — все ваши слушатели сразу разбегутся, как караси от акулы.

Другое дело — заходы, новые берега, так сказать. Там, знаете, есть на что посмотреть, есть чему удивиться. Да-с. Недаром говорят: «Что город, то норов».

Вот поэтому такой моряк, как я, любознательный и не связанный коммерческими интересами, старается всячески разнообразить свое плавание заходами в чужие страны. И в этом отношении плавание на маленькой яхте представляет бесчисленные преимущества.

А как же, знаете! Встали вы, допустим, на вахту, склонились над картой. Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам не велит? Руль на борт... и вот уже входной маяк на горизонте! Вот так-то!

Да-с. Мы шли с попутным ветром, туман лежал над морем, и «Беда» бесшумно, как призрак, милю за милей глотала пространство. Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак... Я не мог нарадоваться на ходовые качества яхты. И вот на пятые сутки, на рассвете, туман рассеялся, и по правому борту у нас открылись берега Норвегии.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я командовал:

— Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде.

Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры, другими словами, — это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутанные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мохом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торже-

ственное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

— А что, Лом,— предложил я,— не сойти ли нам погулять до обеда?

— Есть погулять до обеда! — гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Бéда... бéда... бéда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударение не там, но всё же, знаете, приятно и удивительно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиордах... Да одно ли эхо! Там, батенька, сказочные места и сказочные бывают происшествия. Вы послушайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошел переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я уже совсем готов, шнурую ботинки — вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встревоженный, вскакиваю, пулей вылетаю на палубу, и глазам моим представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

Я понял, что сам виноват: не учел особенностей грунта, а главное — прилив прозевал. Якорь зацепился, держится, как влитой, а вода подпирает. И цепь потравить невозможно: весь нос в воде, поди-ка ныряй к брашпилю. Куда там!

Едва мы успели задраить наглухо вход в каюту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Ну и пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь. Спаслись на корме. Так там и пересидели до вечера, пока вода начала спадать. Вот так.

А вечером, умудренный опытом, я ввел судно в узкий пролив и причалил к берегу. Так-то, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, зажгли огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

— Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

Я спросонья не сразу и понял, о чем он говорит.

— То есть как это «за отсутствием»? — спрашиваю. — Куда же она девалась?

— Ушла с отливом, — рапортует Лом. — Судно заклинило между скалами и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Вышел я, вижу — та же песня, да на новый лад. То прилив нас попутал, теперь отлив шутки шутит. То, что принял я за проливчик, оказалось ущельем. К утру вода сошла, и мы встали на твердый грунт, как в сухом доке. Под килем — пропасть в сорок футов, выбраться нет никакой возможности. Куда там выбраться! Одно остается — сидеть, ждать погоды, прилива, вернее сказать.

Но я не привык тратить время по-пустому. Осмотрел яхту со всех сторон, бросил за борт шторм-трап, взял топор, рубанок, кисть. Заподлицо обтесал борта в тех местах, где остались сучья, закрасил. А когда вода пошла на прибыль, Лом закинул с кормы удочку и наловил рыбы на уху. Так что, видите, даже такое неприятное обстоятельство, если с умом взяться, можно обернуть на пользу делу, так сказать.

После всех этих событий благоразумие подсказывало покинуть этот предательский фиорд. Кто же его знает, какие он еще готовит сюрпризы? Но я человек, как вы знаете, смелый, настойчивый, даже несколько упрямый,

если хотите, и не привык отказываться от принятых решений.

Так и в тот раз: решил гулять — значит, гулять. И как только «Беда» встала на воду, я перевел ее на новое, безопасное место. Вытравил цепь подлиннее, и мы отправились.

Идем между скалами по тропинке, и чем дальше идем, тем поразительнее окружающая природа. На деревьях белки, птички какие-то: «чик-чирик», а под ногами сухие сучья трещат, и кажется: сейчас выйдет медведь и заревет... Тут же ягоды, земляники. Я, знаете, нигде не видел такой земляники. Крупная, с орех! Ну, мы увлеклись, углубились в лес, забыли совсем про обед, а когда спохватились, смотрим — поздно. Уже солнце склонилось, тянет прохладой. И куда идти, неизвестно. Кругом лес. Куда ни помотришь, везде ягоды, ягоды, одни ягоды...

Спустились вниз, к фиорду, видим — не тот фиорд. А время уже к ночи. Делать нечего, развели костер, ночь кое-как прошла, а утром полезли на гору. Может быть, думаем, оттуда, сверху, увидим «Беду».

Лезем в гору, нелегко при моей комплекции, но лезем, подкрепляемся земляникой. Вдруг слышим сзади какой-то шум. Не то ветер, не то водопад, трещит что-то все громче, и как будто пахнет дымком.

Я обернулся, гляжу — так и есть: огонь! Обступает со всех сторон, стеной идет занами. Тут уж, знаете, не до ягод.

Белки побросали гнезда, прыгают с ветки на ветку, всё выше по склону. Птицы поднялись, кричат. Шум, паника...

Я не привык бегать от опасности, но тут, делать нечего, надо спасаться. И полным ходом за белками, на вершину скалы, — больше некуда.

Вылезли, отдышались, осмотрелись кругом. Положение, доложу вам, безвыходное: с трех сторон огонь, с четвертой — крутая скала... Я посмотрел вниз — высоко, даже дух захватило. Картинка, в общем, безрадостная,

и единственное отрадное пятно на этом мрачном горизонте — наша «Беда»-красавица. Стоит как раз под нами, чуть качается на волне и мачтой, как пальчиком, манит к себе на палубу.

А огонь все ближе. Белок кругом видимо-невидимо. Осмелели. У других, знаете, хвосты в огне пообгорели, так те особенно храбрые, нахальные, проще сказать: лезут прямо на нас, толкаются, нажимают, того и гляди, спихнут в огонь. Вот оно как костры-то разводить!

Лом в отчаянии. Белки тоже в отчаянии. Признаться, и мне несладко, но я не подаю виду, креплюсь — капитан не должен поддаваться унынию. А как же!

Вдруг смотрю — одна белка нацелилась, хвост распушила и прыг прямо на «Беду», на палубу. За ней другая, третья, и гляжу, — как горох, посыпались. В пять минут у нас на скале стало чисто.

А мы что, хуже белок, что ли? Я решил тоже прыгать. Ну, искупаемся в крайнем случае. Подумаешь, велика важность! Это даже полезно перед завтраком — искупаться. А у меня так: решено — значит, сделано.

— Старший помощник, за белками — полный вперед! — скомандовал я.

Лом шагнул, занес уже ногу над пропастью, но вдруг извернулся, как кошка, и назад.

— Не могу, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, увольте! Не буду прыгать, я лучше сгорю...

И я вижу: действительно сгорит человек, а прыгать не станет. Естественная боязнь высоты, болезнь своего рода... Ну что тут делать! Не бросать же беднягу Лома!

Другой бы растерялся на моем месте, но я не таков. Я нашел выход.

У меня с собой оказался бинокль. Прекрасный морской бинокль с двенадцатикратным приближением. Я приказал Лому поставить бинокль по глазам, подвел его к краю скалы и строгим голосом спрашиваю:

— Старший помощник, сколько белок у вас на палубе? Лом принялся считать:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Отставить! — крикнул я. — Без счета принять, загнать в трюм!

Тут чувство служебного долга взяло верх над сознанием опасности, да и бинокль, как ни говорите, помог: приблизил палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть...

Я глянул вслед — только брызги поднялись столбом. А минуту спустя мой старший помощник Лом уже вскарабкался на борт и принялся загонять белок.

Тогда и я последовал тем же путем. Но мне, знаете, легче: я человек бывалый, могу без бинокля.

А вы, молодой человек, учтите этот урок, при случае пригодится: соберетесь, к примеру, с парашютом прыгать, непременно возьмите бинокль, хоть плохонький, какой-никакой, а все-таки, знаете, как-то легче, не так высоко.

Ну, прыгнул. Вынырнул. Забрался и я на палубу. Хотел Лому помочь, да он парень расторопный, один справился. Не успел я отдышаться, а он уже захлопнул люк, встал во фронт и рапортует:

— Принято без счета полный груз белок живьем! Какие последуют распоряжения?

Вот тут, знаете, подумаешь, какие распоряжения.

На первое время ясно: поднимать якорь, ставить паруса да уходить подобра-поздорову от этой горящей горы. Ну его к дьяволу, этот фиорд. Смотреть тут нечего больше, да и жарко стало к тому же... Так что по этому вопросу у меня сомнений не возникло. А вот что с белками делать? Тут, знаете, похуже положение. Черт их знает, что с ними делать? Хорошо, еще вовремя в трюм загнали, а то, знаете, проголодались негодные зверюшки, принялись грызть снасти. Еще бы чуть — и ставь заново весь такелаж.

Ну конечно, можно бы ободрать с белок шкурки и сдать в любом порту. Меха ценный, добротный. Не без выгоды можно бы провести операцию. Но это как-то нехорошо: они нас спасли, во всяком случае указали путь к спасению, а мы с них последние шкурки! Не в моих это правилах. А с другой стороны, везти с собой всю эту компанию вокруг света — тоже удовольствие не из приятных. Ведь это значит кормить, поить, ухаживать. А как же — это закон: принял пассажиров — создай условия. Тут, знаете, хлопот не оберешься.

Ну, я решил так: дома разберемся. А у нас, у моряков, где дом? В море. Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море — значит дома». Вот и я так. Ладно, думаю, выйдем в море, а там подумаем. Запросим в крайнем случае инструкции в порту отправления. Да-с.

Вот и пошли. Идем. Встречаемся с рыбаками, с пароходами. Хорошо! А к вечеру ветерок закрепчал, начался настоящий шторм — баллов десять. Море бушует. Как поднимет нашу «Беду», как швырнет вниз!.. Снасти стонут, мачта скрипит. Белки в трюме укачались с непривычки, а я радуюсь: «Беда» моя держится молодцом, на пять с плюсом сдает штормовой экзамен. И Лом — героем: надел зюйдвестку, стоит, как влитой, у руля и твердой рукой держит штурвал. Ну, я постоял еще, посмотрел, полюбовался на разбушевавшуюся стихию и пошел к себе в каюту. Сел к столу, включил приемник, надел наушники и слушаю, что там в эфире творится.

Чудесная это штука — радио. Нажмешь кнопку, повернешь рукоятку — и на-ка, все к твоим услугам: музыка, погода на завтра, последние новости. Другие, знаете, болеют насчет футбола — так тоже, извольте: «Удар! Еще удар!.. И вратарь вынимает мяч из сетки...» Словом, не мне вам рассказывать: радио — великая вещь! Но я в тот раз как-то неудачно попал. Поймал Москву, настроился, слышу: «Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна...

Семен... Кирилл...» — точно в гости пришел и познакомишься. Прямо хоть не слушай. А у меня еще зуб был с дуплом, разболелся что-то... должно быть, после купанья,— так разболелся, хоть плачь.

Ну, я решил прилечь, отдохнуть. Совсем было снял наушники, вдруг слышу: никак SOS? Прислушался: «Т-Т-Т... Та, Та, Та, Т-Т-Т...» Так и есть: сигнал бедствия. Судно гибнет, и здесь где-то, близко. Я замер, ловлю каждый звук, хочу узнать поподробнее: где? что? В это время накатила волна, да так поддала «Беду», что она, бедняжка, совсем легла на борт. Белки взвыли. Но это бы еще ничего. Тут гораздо хуже получилось: приемник прыг со стола, сорвался, знаете, хлоп о переборку и разлетелся в куски. И вижу: не соберешь. Передачу, конечно, как ножом отрезало. И такое тяжелое чувство: рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто — неизвестно.

Надо идти выручать, а куда идти — кто его знает? И зуб еще хуже разболелся.

И вот представьте: он-то меня и выручил! Я недолго думая хватаю конец антенны — и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато прием опять наладился. Музыки, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А морзе зато — лучше и не придумаешь: точка — кольнет незаметно, как булавочкой, а уж тире — точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не нужно, и никакой настройки — больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью. Терпеть трудно, конечно, но что поделаешь: в таком положении приходится жертвовать собой.

И, поверите ли, так всю передачу до конца на зуб и принял. Записал, разобрал, перевел. Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию: сел на мель на Доггербанке, получил пробоину, вот-вот пойдет ко дну.

Тут думать некогда, надо идти выручать. Я забыл про зубную боль и сам стал распоряжаться спасением. Поднялся на палубу, стал к штурвалу.

Идем. Ночь кругом, холодное море, волны хлещут, ветер свистит...

Ну, с полчаса прошли, отыскиали норвежцев, осветили ракетами. Я вижу — дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не станешь — разобьет. Шлюпки у них все снесло, а на концах перетаскивать людей в такую погоду тоже рискованно: перетопишь, чего доброго.

Зашел с одной стороны, зашел с другой — ничего не выходит. А шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суднишко волна, так его и не видно совсем. Перекатывает через палубу, одни мачты торчат... Стоп, думаю, это нам на руку.

Я решил рискнуть. Зашел на ветер, повернул оверштаг и вместе с волной на всех парусах пошел фордевинд полным ходом.

Расчет тут был самый простой: у «Беды» осадка небольшая, а волны — как горы. Удержимся на гребне — как раз и проскочим над палубой.

Ну, знаете, норвежцы уже отчаялись, а я тут как тут. Стою в руле, правлю так, чтобы не зацепить за мачты, а Лом ловит потерпевших прямо за шиворот, сразу по двое. Восемь раз так прошли и вытащили всех — шестнадцать человек во главе с капитаном.

Капитан немножко обиделся: ему последнему полагается покидать судно, а Лом в спешке да в темноте не разобрал, подцепил его первым. Некрасиво получилось, конечно, ну да ничего, бывает... И только сняли последнюю пару, смотрю: катит девятый вал. Налетел, ухнул — только щепки полетели от несчастного суднишка.

Норвежцы сняли шапки, стоят дрожат на палубе. Ну, и мы посмотрели... Потом развернулись, легли на курс и пошли полным ходом назад, в Норвегию.

На палубе теснота — не повернешься, но норвежцы ничего, довольны даже. Да и понятно: конечно, и тесно и холодно, а все лучше, чем купаться в такую погоду.

Да... Выручил, спас норвежцев. Вот тебе и «Беда»! Для кого беда, а для кого чудесное, так сказать, избавление от гибели.

А все находчивость! В дальнем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности, используйте все для пользы дела, даже личное недомогание, если к тому представится случай. Вот так-то!

ГЛАВА IV

О нравах скандинавских народов, о неправильном произношении некоторых географических названий и о применении белок в морском деле

Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно.

Меня и Лома поместили в лучшей гостинице, яхту за свой счет покрасили самой дорогой краской. Да что там яхту — белок и тех не забыли: выписали на них документы, оформили как груз, а потом приходят и спрашивают:

— Чем прикажете кормить ваших милых животных?

А чем их кормить? Я в этом деле ничего не понимаю, никогда белок не разводил. Спросил у Лома, тот говорит:

— Точно не скажу, но, помнится, орехами и сосновыми шишками.

И вот, представляете, какая случайность: я свободно объясняюсь по-норвежски, а вот эти два слова забыл.

Вертятся на языке, а вспомнить не могу. Как отшибло. Думал, думал: как быть? Ну и придумал: послал Лома вместе с норвежцами в бакалейную лавочку.

— Посмотрите,— говорю,— может быть, и найдете что подходящее.

Пошел он. Потом вернулся, доложил, что все в порядке: нашел, мол, и орехи и шишки. Меня, признаться, несколько удивило, что в лавке торгуют шишками, но, знаете, в чужой стране чего не бывает! Может, думаю, для самоваров или там елки украшать, мало ли для чего?

А вечером прихожу на «Беду» — посмотреть, как идет окраска, заглянул в трюм к белкам — и что бы вы думали! Лом ошибся, но до чего же удачно ошибся!

Гляжу: сидят мои белки, как на именинах, и за обе щеки уплетают ореховую халву. Халва в банках, и на каждой, на крышке, нарисован орех. А с шишками еще лучше: вместо шишек привезли ананасы. Ну и действительно, кто не знает, легко может спутать. Ананасы, правда, размером побольше, а в остальном похожи, и запах тот же. Лом там, в лавочке, как увидел, ткнул пальцем туда-сюда,— вот оно так и получилось.

Ну, стали нас водить по театрам, музеям, показывать различные достопримечательности. Показали, между прочим, живую лошадь. Это у них большая редкость. Ездят там на автомобилях, еще больше ходят пешком. Пахали в то время своими силами, вручную, так что лошади были им ни к чему. Каких помоложе — повывезли, постарше — так передохли, а которые остались, так те стоят в зоопарках, жуют сено и мечтают.

И если выведут лошадь на прогулку, сейчас же собирается толпа, все смотрят, кричат, нарушают уличное движение. Все равно как у нас пошел бы жираф по улице, так тоже, я думаю, старшина не знал бы, какой свет на светофоре зажигать.

Ну, а нам лошадь не в диковинку. Я даже решил удивить норвежцев: схватил ее за холку, вскочил, прищипнул каблуками.

Норвежцы ахнули, а на другое утро все газеты поместили статью о моей храбрости и фотографию: мчится лошадь вскачь и я на ней. Без седла, китель расстегнулся, трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост трубой...

После я понял: неважная фотография, недостойная моряка, но тогда сгоряча не обратил внимания и был даже доволен.

И норвежцы остались довольны.

Вообще нужно сказать, приятная эта страна. И народ там хороший, такой, знаете, тихий народ, приветливый, добродушный.

Я там, в Норвегии, не раз, конечно, и прежде бывал, и смолоду, помню, такой у меня вышел случай.

Высадились мы в одном порту, а оттуда мой путь лежал по железной дороге.

Ну-с, прихожу на станцию. Поезд не скоро. С чемоданами гулять, прямо скажем,— затруднительно и неудобно.

Разыскал я начальника станции, спрашиваю:

— Где тут у вас камера хранения?

А начальник, славный такой старичок, развел руками.

— Извините,— говорит,— специального помещения для хранения ручной клади у нас не предусмотрено. Но это ничего, вы,— говорит,— не стесняйтесь, оставьте тут ваши чемоданчики, они никому не помешают, уверяю вас...

Вот так-то. А недавно дружок мой оттуда прибыл. У него, представьте, в поезде из купе увели чемодан. Да что там говорить: многое изменилось и в нравах и в обращении. Ну как же, знаете: в войну немцы там побывали — новый порядок наводили. И сейчас посещают страну

разные просветители, поднимают образ жизни на должную высоту. Ну, и конечно, пообтерся народ, стал порасторопнее. Теперь уж и там понимают, что где плохо лежит. Культура!

Ну, а в то время жили там еще по старинке. Тихо жили. Но не все. Были и тогда в Норвегии люди, так сказать, передовые, вкусившие от древа познания добра и зла. Вот, допустим, владельцы крупных магазинов, заведений, фабрик. Эти и тогда понимали, где что плохо лежит.

И меня это тоже коснулось самым, так сказать, непосредственным образом. Есть там фирма одна — производит телефоны, радиоприемники... Так вот, пронюхали эти фабриканты про мой зуб и забеспокоились. Да и понятно: ведь если все станут на зуб принимать, никто и приемников покупать не будет. Урон-то какой! Тут забеспокоишься. Ну, и решили недолго думая завладеть моим изобретением, да и моим зубом заодно. Сначала, знаете, так это, по-хорошему, прислали деловое письмо с предложением продать мой дефектный зуб. А я рассудил, думаю: «С какой же стати?» Зуб еще ничего, кусать можно, а что с дуплом, так это уж, извините, мое дело. У меня вот один знакомый есть, так он даже любит, когда зубы болят.

— Конечно,— говорит,— когда болят, действительно и больно и неприятно, но зато, когда пройдут, уж больно хорошо!

Да. Ну, я ответил, что не продаю зуб, и все тут...

Так, думаете, они успокоились? Как бы не так! Решили выкрасть мой зуб. Появились какие-то негодяи, ходят по пятам за мной, заглядывают в рот, шепчутся... Ну и стало мне не по себе: хорошо, как один зуб, так уж и быть, а ну как для верности заберут совсем, с головой? Куда я без головы пойду плавать?

Вот я и решил уйти от греха. Запросил в порту отправления инструкции по вопросу о белках, а сам, чтобы

защититься от злоумышленников, принял особые меры: взял дубовую сходню, один конец засунул под ворота пакгауза, другой под дверь кубрика и приказал Лому грузить «Беду» балластом.

Яхта осела до фальшборта, сходня согнулась, как пружина, одним только краешком держится под дверью. Я перед сном осмотрел, проверил готовность этого сооружения и спокойно улегся спать. Даже вахту не выставил: незачем. И вот, знаете, под утро пришли. Я слышу осторожные шаги, скрип двери, потом вдруг — трах! — сходня выскочила из-под двери, разогнулась...

Я выхожу — и вижу: подействовала моя катапульта, да еще как! Тут на берегу была радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку, на мачту. Они там зацепились штанами, висят и орут на весь город.

Как уж их снимали, не могу вам сказать — не видел.

Тут как раз пришел и ответ из порта с предписанием сдать белок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека, так он скупал различных зверей.

Я вам уже имел случай докладывать о некоторых преимуществах спортивного плавания. В спортивном плавании сам себе хозяин: куда хочешь, туда и идешь. А уж если связался с грузом, тогда все равно как извозчик: вожжи в руках, а везешь — куда прикажут.

Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошел бы туда по своей охоте! Чего я там не видел? Шуцманов, что ли? Ну, и опять же, знаете, усложняется плавание, появляется всяческая коммерческая переписка, соображения сохранности груза, таможенные формальности, тем более в Гамбурге... Народ там, не в пример норвежцам, тертый, невежливый — того и гляди, обдерут, как липку.

Кстати, знаете, никак не пойму, почему это у нас твердо так произносится: «Гамбург»? Неправильно это, тамошние жители называют свой город «Хамбург». Оно

и звучит помягче, а главное, больше соответствует действительности.

Да, но раз приказано, надо подчиняться. Привел в Гамбург «Беду», поставил у стенки, сам оделся почище и пошел разыскивать Гаденбека. Прихожу в зверинец. Там, знаете, и слоны, и тигры, и крокодил, и птица марабу, и белка эта самая висит тут же в клетке. Да какая еще белка, не моим чета! Мои, бездельницы, сидят в трюме, объедаются халвой, а у этой сделана вертушка, и она там все время, как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится. Заглядишься!

Ну-с, разыскал я самого Гаденбека, представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок, живьем, по сходной цене.

Гаденбек посмотрел в потолок, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Белки,— говорит,— это такие с хвостиками и с ушками? Как же, знаю. Так у вас белки? Ну что же, я возьму. Только, знаете, у нас очень строго с контрабандой. Документы на них в порядке?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил на стол документы.

Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возмись, хамелеон. Прыг на стол, высунул свой язычище, слизнул бумагу и был таков. Я за ним. Да где там!

А Гаденбек сложил свои очки, развел руками.

— Без документов,— говорит,— не могу. Рад бы, да не могу. У нас насчет этого очень строго.

Я расстроился, начал было спорить. Ну, вижу, делать нечего, ушел. Подхожу к пристани, смотрю — на «Беде» что-то неладно. Толпа зевак кругом, на борту шуцманы, таможенники, портовые чиновники... Наседают на Лома, а тот стоит в середине и кое-как отругивается.

Я протолкался, успокоил их и разузнал, в чем дело. А дело приняло самый неожиданный и неприятный оборот. Гаденбек, оказывается, уже позвонил в таможенную, а там подобрали статью, обвинили меня в незаконном ввозе скота и грозят отобрать судно вместе с грузом...

А мне и возразить нечего: действительно, документы утрачены, специального разрешения на ввоз белок я не получал. Если правду сказать, кто же поверит? Доказательств нет никаких, а смолчать — еще хуже.

Словом, вижу: дело дрянь.

«Эх,— думаю,— куда ни шло! Вы так, и я так!»

Одернул китель, выпрямился во весь рост и самому главному чиновнику заявляю:

— Требования ваши, господа чиновники, необоснованны, поскольку в международных морских законах прямо предусмотрен пункт, согласно которому непременные принадлежности судна, как-то: якоря, шлюпки, разгрузочные и спасательные приспособления, средства связи, сигнальные устройства, топливо и ходовые машины в количестве, необходимом для безопасного плавания, никакими портовыми сборами не облагаются и специальному оформлению не подлежат.

— Совершенно с вами согласен,— отвечает тот,— но не откажитесь объяснить, капитан, к какой именно категории названных предметов относите вы своих животных?

Я было стал в тупик, но, вижу, отступить уже поздно.

— К последней, господин чиновник: к категории ходовых машин,— ответил я и повернулся на каблуках.

Чиновники сначала опешили, потом пошептались между собой, и опять главный выступил вперед.

— Мы,— говорит,— охотно откажемся от наших законных претензий, если вы сумеете доказать, что имеющийся на борту вашего судна скот действительно служит вам ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь нелегко. Где там доказывать — время оттянуть бы!

— Видите ли,— говорю я,— ответственные части двигателя находятся на берегу, в ремонте, а завтра, извольте, представлю вам доказательства.

Ну, ушли они. Но тут же, рядом с «Бедой», смотрю, поставили полицейский катер под парами, чтобы я не удрал под шумок.

А я, понимаете, забился в каюту, вспомнил ту белку, что у Гаденбека, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу и заказали ему два колеса, как у парохода, а третье вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку. Кузнец попался расторопный, понятливый. Сделал все к сроку.

На другой день, с утра, привезли все это хозяйство на «Беду». Пароходные колеса пристроили по бортам, мельничное посередине, соединили все три колеса общим валом и запустили белок.

Грызуны, знаете, ошалели от света, от свежего воздуха, понеслись как бешеные одна за одной по ступенькам внутри колеса. Вся наша машина закрутилась, и «Беда» без парусов пошла так, что полицейские на своем катере насили за нами угнались.

Со всех кораблей на нас смотрят в бинокли, на берегу толпы народа, а мы идем, только волны разбегаются в стороны.

Потом развернулись, встали назад, к причалу. Этот самый чиновник пришел, расстроился совсем. Бранится, кричит, а сделать ничего не может.

А вечером на автомобиле прикатил сам Гаденбек. Вылез из машины, встал, посмотрел, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Капитан Врунгель,— говорит,— это у вас белки? Как же, помню. Во сколько вы их оцениваете?

— Так, видите ли,— говорю я,— не в цене дело. Вы же знаете, документы на них утрачены.

— Э, полно,— возражает он,— не тревожьтесь, капитан, вы не мальчик, должны понимать — у нас с этим делом просто. Вы цену скажите...

Ну, я назвал хорошую цену; он поморщился, но, не торгуясь, тут же расплатился, забрал белок вместе с колесами, а напоследок спрашивает:

— Чем вы их кормите?

— Халвой и ананасами,— ответил я и распрощался.

Не понравился мне этот Гаденбек. Да и Гамбург вообще не понравился.

ГЛАВА V

О селедках и о картах

В Голландию я совсем не хотел заходить. Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажа, голландский сыр и голландские селедки.

Меня как моряка, понятно, заинтересовало это последнее, и я решил завернуть в Роттердам, познакомиться с селедочным делом.

У них там оно поставлено на широкую ногу. Там селедок ловят, солят, маринуют, и свежую селедку морозят, и живую селедку можете купить и посадить в аквариум.

И вот что в этом деле особенно поразительно: голландцы, видимо, знают какой-то секрет. Иначе как же вы объясните такую несправедливость: вот шотландцы, например, пробовали ловить. Закинули сети, подняли —

полно селедок. Ну, и обрадовались, понятно, но, когда разобрались хорошенько, разглядели, распробовали, обнаружилось, что селедки-то попались все, как есть, шотландские.

Норвежцы тоже пытались. Норвежцы — прославленные, первоклассные рыбаки, но на этот раз и у них ничего не вышло. Тоже забросили сети, подняли, посмотрели — есть селедка, да только все сплошь норвежская.

А голландцы ловят и ловят уж который год, и им все попадается голландская селедка различных сортов. Ну, и конечно, они этим пользуются: продают свои селедки направо и налево — и в Южную Африку и в Северную Америку...

Я углубился в изучение этого вопроса, и тут мне совершенно неожиданно удалось сделать одно важное открытие, которое коренным образом изменило первоначальный план моего похода. После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селедка — рыба, но не каждая рыба — селедка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем тратить огромные средства, незачем набивать селедок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова, где это понадобится. Не проще ли согнать селедок в табун или в стадо — как хотите назовите — и гнать живьем до места назначения?

Раз каждая селедка — рыба, значит, утонуть она не может. Ведь рыбам свойственно плавать, не так ли? А с другой стороны, если прибьется какая посторонняя рыба, так ведь не каждая рыба — селедка. Ее, значит, ничего не стоит обнаружить, отличить, отогнать, уничтожить, наконец.

И там, где при старом способе перевозки нужен был огромный грузовой пароход с большой командой, со сложными механизмами, при новой системе может справиться любое суденышко не больше моей «Беды».

Это теория, так сказать. Но теория заманчивая, и я решил на практике проверить свои соображения. А тут как раз и случай представился: в Северную Африку, в Александрию, отправляли партию селедок. Их уже поймали, собирались солить, но я приостановил это дело. Селедок выпустили, согнали в табун, мы с Ломом подняли паруса и пошли. Лом встал в руль, а я уселся на самый нос, на бушприт, взял длинный хлыст, и, как только замечу какую постороннюю рыбину, я ее по губам, по губам!

И, знаете, прекрасно получилось: идут наши селедки, не тонут, резво идут. Мы за ними едва поспеваем. И посторонняя рыба не лезет. День так прошли — ничего. А к ночи я чувствую — тяжело: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Один с селедками занят, другой в руле только успевай поворачиваться. Ну хорошо бы день, два, уж как-нибудь постарались бы, а то путь далекий, впереди океан, тропические широты... Словом, чувствую, не справимся, все дело провалим.

Ну, я рассудил и решил взять на судно еще одного человека — матроса. И как раз, знаете, место удобное: в то время мы уже вошли в Английский канал, тут Франция под боком, порт Кале, а в Кале всегда полно безработных моряков. Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. Я недолго думая подошел поближе к берегу, «Беду» положил в дрейф, вызвал лоцманский катер и откомандировал Лома на берег за матросом.

Тут, конечно, я допустил ошибку: набор команды — дело серьезное, ответственное. Лом, конечно, парень старательный, но молод, опыта нет. Нужно бы самому этим заняться, но, с другой стороны, и тут, на борту, тоже, знаете, ушами хлопать некогда. Ведь как-никак перегонка селедок живьем — дело новое. И, как во всяком новом деле, есть тут свои трудности. Нужен глаз да глаз. Уйдешь, недоглядишь, а тут весь табун разбежится. А тогда с убит-

ками не считаешься, опозоришься на весь мир, а главное, загубишь это прекрасное и полезное начинание.

Ведь знаете, как это бывает: не выйдет с первого раза, а в другой и не доверит никто, и попробовать не дадут.

Да. Ну ладно. Отправил я Лома в Кале, выставил кресло на палубу, лежу. Одним глазом читаю, другим поглядываю на селедок. Пасутся рыбки, резвятся, сверкают на солнце чешуйками.

А к вечеру возвращается Лом и привозит с собой матроса.

Я смотрю — на вид парень ничего. Не очень молодой, но и не очень старый; ростом, правда, маловат, но по глазам видно — шустрый, и борода у него как у морского разбойника. Только те, по слухам, всё больше рыжие, а этот типичный брюнет. Грамотный, некурящий, одет чисто, знает четыре языка — английский, немецкий, французский и русский. Это Лома особенно прельстило: он к тому времени, грешным делом, стал уже забывать английскую речь. Фамилия у нового матроса несколько странная — Фукс, но, знаете, фамилия — дело наживное, а мне еще Лом на ушко шепнул, что Фукс этот — клад, а не матрос: прекрасно разбирается в картах.

Тут уж я совсем успокоился: раз в картах разбирается — значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, и вахту при случае может нести самостоятельно.

Словом, я согласился. Записал Фукса в судовую роль, объяснил обязанности, приказал Лому отвести ему место в трюме. Ну, потом подняли паруса, развернулись и пошли дальше.

И, знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер все время дул в корму, чистый фордевинд. А тут задул прямо в нос — «вмордувинд», как говорится. В другое время я, может быть, поберег бы силы, остался бы в дрейфе или якорь бросил, но тут, сами понимаете: селедки. Им-то ветер нипочем, идут как ни

в чем не бывало полным ходом, и нам, значит, нельзя отставать. Ну и пришлось идти в лавировку, зигзагами. Я высвистал всех наверх. Лома поставил пасти селедок, сам встал у штурвала, набрал ходу и скомандовал:

— К повороту приготовиться!

Смотрю — этот Фукс стоит, как свечка, руки в карманах, с интересом смотрит на паруса.

Ну, тут уж я прямо к нему обратился.

— Фукс, — кричу, — набивайте грот!

Он вострепнулся, посмотрел этак растерянно — и давай всё подряд запихивать в кубрик: спасательные круги, запасной трос, фонари. Поворот, конечно, не вышел, прозевали...

— Отставить! — кричу я.

Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта.

Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло.

— Эй вы, Фукс, — говорю я, — какой же вы, к черту, матрос?

— А я, — ответил он, — не матрос, я сейчас просто так, застрял на мели, а друзья мне посоветовали климат переменить...

— Позвольте, — перебил я, — а как же мне Лом говорил, что вы в картах умеете разбираться?

— О, это сколько угодно, — отвечает он. — Карты — это моя специальность, карты — это мой хлеб, только не морские, а, простите, игральные карты. Я, если хотите знать, карточный шулер по профессии.

Я так и сел.

Ну, посудите сами, что мне с ним делать?

Списывать на берег — это еще сутки потерять. Ветер крепчает — того и гляди, поднимется шторм, тут селедки разбегутся. А с другой стороны, возить с собой этого шулера балластом — тоже неинтересно: он не только

морской команды, он ни одной снасти не знает. Я было растерялся.

Но тут мне пришла блестящая мысль. Я, знаете, люблю иногда разложить пасьянс на досуге, и у меня нашлась на судне колода карт. Так я на каждую снасть привязал поскорее по карте, привел яхту к ветру и повторил маневр.

— К повороту приготовиться! Развязать тройку пик, подтянуть валета червей, смотать десятку треф...

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разбирался, что в темноте другой раз и то масти не путал.

Вот так и пошли дальше. Идем, лавируем. Ветер крепчает. Так бы оно ничего, но селедки меня беспокоят. Кто их знает, как они переносят погоду? А мне не к спеху, груз не срочный, так зачем рисковать? Я решил отстояться в порту.

ГЛАВА VI,

*которая начинается недоразумением,
а кончается неожиданным купанием*

Близ острова Уайт я свернул направо и пошел в Саутгемптон, в Англию. Бросил якорь на рейде, Лома оставил сторожить селедок, а мы с Фуксом сели на ялик и причалили к берегу. В прекрасном местечке высадились: трава подстрижена под гребеночку, дорожки посыпаны песком, и всюду такие красивые загородочки и надписи: «Здесь не ходить, усадьба Арчибальда Денди».

Только мы высадились, не успели шагу шагнуть, нас окружили джентльмены во фраках, в котелках, в белых галстуках. Не то мистер Денди со своим семейством, не то министр иностранных дел со свитой, не то агенты тайной полиции — по костюму не разберешь. Ну, подошли по-

ближе, поздоровались, разговорились, и знаете, что оказалось? Оказалось, что это у них нищие. В Англии так просто попрошайничать строжайше запрещено законом, а во фраке — пожалуйста. Если кто и подаст, считается, что нищих нет, а просто помог джентльмен джентльмену.

Ну, я роздал им кое-какую мелочь, иду дальше. Вдруг навстречу — еще один. Длинный, точно версту проглотил. Поравнялись. Он обнажает голову, раскланивается самым церемонным манером. Ну, я, понятно, пошарил в кармане, выудил две копейки и прямо ему в цилиндр. Я ждал благодарности, а он, представьте себе, вспыхнул, фыркнул, вставил в глаз монокль и очень внушительно произнес:

— Арчибальд Денди, эсквайр. С кем имею честь?

— Капитан дальнего плавания Христофор Врунгель, — представился я.

— Очень приятно, — говорит он. — Защищайтесь, капитан!

Я было стал извиняться, да где там! Вижу — поздно. Какие уж тут извинения! Он поставил цилиндр на травку, сбросил фрак... Ну, и я, знаете, решил постоять за себя: скинул китель, занял боевую позицию.

Фукс тоже не растерялся, взял на себя роль судьи, отошел чуть в сторонку и во все горло крикнул:

— Секунданты, аут! Гонг!

Мистер Денди запрыгал, запыхтел, завертел кулаками. Похоже, как, знаете, мальчишки в паровоз играют. Ринулся на меня. Пришлось и мне поработать кулаками.

Я не люблю давать волю рукам, но тут бокс, благородная схватка, — я размахнулся... и едва успел задержать удар.

Вижу — скверная штука: при разности пропорций наших фигур я, куда бы ни метил, все равно попаду ниже пояса. А это, знаете, не по правилам. Он же, напротив,

лупит воздух у меня над фуражкой. И тоже все впустую. Первый раунд так и окончился без результата.

Но решать бой все равно как-то нужно было, и тут нас выручил Фукс.

— Пожалуйте, капитан,— говорит он и подставляет плечи.

Я вскочил на него верхом и вижу — совсем другое дело. Я теперь на уровне противника, так сказать, и могу вступить в бой на законных основаниях. Фукс подо мной прыгает, рвется в бой. Ну, я вижу, пора действовать.

— Давайте, Фукс! — говорю.

Ему, видимо, было нелегко, но он бодро прохрипел:

— Гонг!

И мы начали снова...

Мистер Денди дрался блестяще. Я получил жестокий удар в переносицу, но тут вспомнил молодость, пришпорил Фукса, перешел в инфайтинг и нанес противнику сокрушительный апперкот.

Он замер на секунду, закрыл глаза, опустил руки по швам и вдруг рухнул, как мачта. Фукс достал у него из жилетного кармана часы и стал громко отсчитывать секунды. Минут через сорок мистер Денди очнулся. Потер скулу, удивленно посмотрел по сторонам, заметил нас с Фуксом, вскочил и стал приводить в порядок одежду.

Я вторично представился, извинился, объяснил причину недоразумения. Ну, и, знаете, помирились. Познакомились. Пожали друг другу руки, разговорились, подружились даже. Потом осмотрели его усадьбу, зашли домой, выпили по чашке чаю, посидели у камина и отправились ко мне на «Беду».

Мистер Денди осмотрел мою яхту, пришел в восторг и принялся считать по пальцам:

— Сегодня четверг... значит, завтра пятница, послезавтра суббота... Мистер Врунгель,— воскликнул он неожиданно,— вас послало само провидение! В воскресенье

большие национальные гонки. Вы должны их выиграть. Я сам пойду с вами, и на этот раз мистер Болдуин будет посрамлен.

Я, сказать по правде, не сразу понял, о чем идет речь, но мистер Денди мне все разъяснил. У него там, оказывается, есть сосед, мистер Болдуин. И вот они с этим Болдуином во всем соревнуются: кто знатнее, у кого галстук красивее завязан, у кого трубка лучше... Но это все так, между прочим, а главный-то спор идет у них о яхтах. Оба, оказывается, заядлые парусники, и как гонки — всё готовы отдать, только бы утереть нос друг другу.

Ну, и, знаете, этот Денди взглянул на мою «Беду» глазом знатока, оценил ее качества и понял, что с таким судном в любых гонках, при любой погоде победа обеспечена. Да-с!

В общем, уговаривает меня принять участие.

— Пойдемте,— говорит.— Гонки интересные, судно у вас превосходное, и, поверьте слову джентльмена, вы возьмете большой королевский приз и малый приз адмирала Нельсона.

Я за призами не очень гоняюсь, но так, в гонках, почему же не выступить? Судно прекрасное, команда надежная, ну, да и я не первый раз за рулем. Шансы есть...

Я было уже и согласился, да тут вспомнил: селедки... Их-то куда девать? Ну, объяснил мистеру Денди, что не могу распорядиться судном, что связан селедками по рукам и по ногам. Он сперва расстроился, но потом обещал и это уладить. И, представьте, уладил действительно. В тот же день я получил разрешение и ввел весь табун в портсмутский адмиралтейский док.

Потом мы подготовили яхту: борта смазали салом, убрали все лишнее, как перед боем, обтянули такелаж. А утром в день гонок мистер Денди пришел на «Беду» в белом кителе, с трубкой в зубах. Он приказал погрузить на «Беду» два ящика сода-виски на случай неожиданного

поражения, вставил в глаз монокль, закурил и уселся на корме.

Ну, знаете, как это всегда на гонках: мачты, паруса, вымпелы, на берегу зрители. Обстановка волнующая. Я уж на что спокойный человек, а тоже немножко нервничаю. Вышли на старт. Ждем сигнала. Пошли! Паруса наполнились ветром, яхты понеслись. И должен вам без хвастовства сказать: старт я взял блестяще. Всех оставил позади. Иду, рассекаю воду, предвкушаю победу.

Почти всю дистанцию так и прошел лидером. Но у самого финиша мы сплеховали: не рассчитали немножко, зашли под бережок, попали в полосу безветрия, зашили. Паруса обвисли, болтаются, некрасиво так, хоть ноздрей поддувай. Лом мачту скребет, зазывает ветер, Фукс свистит с той же целью, но это все, знаете, предрассудки, ерунда. Не верю я в это. А «Беда» стоит, конкуренты подпирают, и впереди — мистер Болдуин на своей посудине.

Мистер Денди посмотрел за корму и загрустил: выругался, сорвал крышку с ящика, извлек бутылку — и хлоп в донышко!

Пробка вылетела, как из пушки. При этом «Беда» получила такой толчок, что заметно продвинулась вперед.

А я, даром что был расстроен, учел это и сделал должные выводы. Пока мистер Денди заливал свое горе, я вспомнил старую нашу поговорку. Знаете, говорят: «Нет плохих судов, нет плохих ветров, есть плохие капитаны».

Но меня-то уж никак нельзя причислить к этому последнему разряду. Не хвастаясь, скажу — я капитан хороший. Эх, думаю, была не была. Объяснил задачу, дал команду...

Мы все трое встали на корме и одну за другой принялись вышибать пробки.

Тут и мистер Денди несколько оживился. Достал из кармана платочек, принялся командовать. И, знаете, с командой пошло еще лучше.

— Кормовая башня, огонь! — кричит он.

Три пробки залпом вылетают с громоподобным звуком, падают в море подбитые чайки, содовая льется, вода за кормой кипит. Мистер Денди машет платком все чаще, все громче кричит:

— Кормовая, огонь! Огонь!

Прямо Трафальгарская битва. Куда там...

А «Беда» между тем движется вперед по ракетному принципу, набирает ход.

Вот уже и мысок позади, паруса взяли ветер, снасти обтянулись, зазвенели.

И вот мы вновь отвоевываем ускользнувшую было победу, одного за другим обходим всех конкурентов. На берегу болельщики волнуются, кричат. Вот один Болдуин впереди... Вот сравнялись, обошли на полномасштабном, на корпус... Тут оркестр на берегу ударил туш, мистер Денди улыбнулся, скомандовал:

— Кормовая башня, салют! — и лег пластом.

На другой день только и разговоров было что о нашей победе. В газетах заголовки на всю страницу, подробные описания этой удивительной гонки. Откуда-то у нас появились друзья, пришли с поздравлениями. Но мы не только друзей, мы и врагов нажили с этой победой.

Мистер Болдуин постарался, и пошел, знаете, шепоток, разговорчики, начались интриги. И в конце концов разыгрался настоящий скандал. Однако скандал этот готовился втайне, и мы, ничего не подозревая, пошли получать призы.

Обстановка была самая торжественная. Королевский яхт-клуб в полном составе собрался в здании старинной таможни в весовом зале.

Там особо почетным считается, когда призы весят больше призера. Мне тоже предложили встать на весы, но я столько призов набрал, что решил взвешивать сразу всю команду. Так и встали по росту: мистер Денди, Лом, я и Фукс. А на другой чашке расставили целый посудохозяйственный магазин: золотые ушаты, вазы, кубки, стаканы, рюмочки. Потом подсыпали медалей, жетонов, каких-то безделушек. И вот в тот момент, когда чашки весов уравновесились, председатель яхт-клуба стал произносить торжественный спич. Что уж он говорил, не припомню сейчас, но слова были самые теплые и содержание достойное: «Бескровная победа... лучшие из лучших... пример для молодежи...»

Я расчувствовался, чуть слезу не пустил.

Но не успел председатель закончить, как поднялся мистер Болдуин.

— А известно ли уважаемому лорду председателю, что призер, капитан Врунгель, в нарушение неписаной традиции нашего клуба, в морском мундире гарцевал на коне? — спросил он и пустил по рукам норвежскую газету с моей фотографией, где я на лошади.

Фотография, как я уже говорил, действительно не вполне приличная для моряка, и я не удивился, когда в зале поднялся ропот. Но гонку-то я все-таки выиграл, а победителей, как говорится, не судят. В этом смысле и председатель ответил. Шум утих. Я уже думал, что все обойдется, но не тут-то было. Не обошлось... Этот Болдуин опять взял слово.

— А известно ли лорду председателю, — продолжал он, — что указанный мистер Врунгель перехватил груз селедок, адресованный подданным ее величества — английской королевы, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам — подданным его величества английского короля?

Это, знаете, был козырь посильнее фотографии. Традиции традициями, мундир мундиром — это все, конечно, очень почитается в Англии, но торговые интересы ставятся там несравненно выше. И нет ничего удивительного, что шум в зале усилился. Уже трудно было различать отдельные голоса и реплики, но мистер Болдуин и тут не успокоился. Он возвысил голос и продолжал:

— А известно ли лорду председателю, что указанные селетки, которые, как было установлено, наносят ущерб английским судовладельцам, по протекции Арчибальда Денди, эсквайра, и при его прямом содействии отстаиваются в адмиралтейских доках его величества? Известно ли, наконец, что указанный Денди, эсквайр, предав забвению долг и честь британца, вступил на путь порока и преступления, пошел против бога и короля и с недавних пор является тайным агентом Москвы?..

Ну, знаете, точно бомба взорвалась в таможне. В зале поднялась паника. Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.

Тогда и мистер Денди не выдержал. Спрыгнул с весов и с громким криком налетел на мистера Болдуина. Тут началась всеобщая потасовка. Несдобровать бы и нам, но спасли призы. Недаром мы их зарабатывали!

Как только мистер Денди спрыгнул, наша чашка взвилась под самые стропила, и мы оттуда, как из ложи, наблюдали побоище.

А побоище, доложу вам, получилось изрядное. Кругом пыль столбом, треск добротных английский лбов, хруст старинной английской мебели...

Джентльмены разошлись, бьют друг друга по чем попало, весь зал усыпан выбитыми зубами, манжетами, воротничками. Бойцы падают один за другим. Страшное было зрелище!

Вскоре, однако, толпы бойцов поредели, битва утихла, мы спустились по грудам бездыханных тел и направились к выходу.

В этот миг мистер Болдуин шевельнулся, тяжело вздохнул.

— А известно ли... — прохрипел он сердито.

Тогда и председатель очнулся, приподнялся на локтях, позвонил в колокольчик.

— Нет, не известно, ничего не известно! — смиренно произнес он и рухнул замертво.

Снова стало тихо. Мы вышли, вздохнули полной грудью, осмотрелись кругом и побежали на «Беду».

А там подняли якорь, поставили паруса и полным ходом пошли в Портсмут — выручать наш табун.

К счастью, в доки еще не пришла весть о последних событиях. Нам открыли порты, выпустили селедок и даже пожелали счастливого плавания. Ну, мы пошли не спеша, а через час на горизонте открылся остров Уайт. Мы обошли его, согнали селедок поплотнее и, стоя на правом борту, долго смотрели, как тают в тумане низкие берега Англии.

Я еще не успокоился после пережитых волнений. Лом стоял грустный — что-то он заскучал на берегу. Один Фукс был доволен.

Этот успел-таки схватить с весов золотую цепочку с якорем на конце и теперь разглядывал ее, разыскивая пробу.

Скоро, однако, и Фукс расстроился.

— В нашем деле за это бьют подсвечниками, — неожиданно сказал он, плюнул за борт и протянул мне цепочку.

Я осмотрел ее и обнаружил причину его недовольства: на цепочке, на крайнем звене, совершенно четко было выбито: «Завод искусственных драгоценностей «Алхимик». Сделано в Англии».

— Ну что ж, отличная работа и марка солидная,— сказал я, возвращая Фуксу цепочку.

В то же мгновение парус хлопнул у меня за спиной, и не успел я обернуться, как оказался за бортом.

Ослепленный водой, я беспорядочно замахал руками и неожиданно ухватился за что-то твердое. Открыл глаза, вижу — нога, а впереди голова Лома, и Лом тоже держится за ногу, а впереди Фукс. Этот держится за свою цепочку, а цепочка держится за борт «Беды»: зацепилась якорем.

Понимаете, какое положение! Яхта идет полным ходом, а мы трое за бортом! Размечтались, бросили руль, а тут перекинуло парус и сбilo весь экипаж.

Хорошо еще, эта цепочка: даром что фальшивая, а без нее яхта ушла бы одна, с селедками.

Ну, я сразу оценил обстановку и по возможности громко скомандовал:

— Так держать, да покрепче!

— Есть так держать! — ответил Лом.

— Есть так держать! — подхватил Фукс.

А я не торопясь подтянулся поближе, по Лому, потом по Фуксу, потом по цепочке — и на «Беду». Потом так же Лом, потом так же Фукс...

На палубе я снова осмотрел цепочку, и представьте — поразился даже! — ни одно колечко не растянулось. Прочно делают!

— Берегите ее, Фукс,— сказал я.

Потом выдал экипажу по чарке водки для согревания, назначил вахты, а сам еще постоял на борту, посмотрел на горизонт, вспомнил грустные события последних дней.

— Прощай, добрая Англия, старая Англия! — сказал я, а про себя подумал: «Культура!»

Постоял еще, выкурил трубку и пошел спать.

А утром, чем свет, Лом пришел будить меня на вахту и доложил, что «Беда» вышла в Атлантический океан.

О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон»

В Атлантическом океане у нас было одно незначительное событие, о котором, собственно, и рассказывать не стоило бы. Но для сохранения истины я и о нем не скрою.

Вы знаете, конечно, что в открытом море, вдали от видимых берегов, судоводитель определяет свой путь по небесным светилам и по хронометру. Светила — это Солнце, Луна, планеты и неподвижные звезды. Они нам даны, так сказать, самой природой. Ну, а хронометр — это другое дело. Хронометр — это плод упорных трудов многих поколений человечества, и, как показывает само название, служит он для измерения времени.

Сложное это дело — измерение времени. Вон на Западе, в той же Англии к примеру, до сих пор еще академики спорят: есть оно, время-то, или нет его совсем, а только кажется, что есть. А если нет, то и измерять вроде нечего, да и не к чему. А по-моему, тут дело ясное: раз на такие споры хватает времени, значит, есть оно, и даже в избытке. А вот насчет измерения — согласен, трудный это вопрос. И не сразу, конечно, достигли тут должного совершенства.

В былые годы для этой цели пользовались песочными склянками. Затем появились ходики, будильники, карманные часы.

По будильникам в наше время не плавают — считают, что это не точно, а по-моему, на худой конец и будильник сойдет.

Вон мой тезка Колумб совсем без часов плавал, однако открыл Америку.

Ну, ходики, я согласен, на судне употреблять неудобно: там, знаете, нужно подвешивать к гилям подковы, кирпичи, утюги... А ну как шторм поднимется? Тут к ним и не подступишься. А будильник... отчего же?

Но раз уж не принято по будильникам плавать — ничего не поделаешь. И я, когда готовил поход, специально приобрел прекрасный ручной хронометр.

Приобрел и положил в каюте. Пользоваться им не приходилось: шли все время вблизи берегов. А тут хочешь не хочешь — надо определяться. Ну, спускаюсь в каюту, достаю свой хронометр и обнаруживаю странную перемену в его характере: был прибор, как я говорил, ручной, а тут, знаете, лежал без присмотра, без ухода и одичал совершенно, черт знает что показывает: солнце всходит, а на нем полдень, солнце на полдень, а на нем шесть часов... Уж я его и стучал, и тряс, и крутил — ничего не помогло.

Вижу, скверное положение: идем, куда — неизвестно. Так, знаете, и заблудиться недолго.

Но тут спасение пришло само собой, и пришло оттуда, откуда я его совершенно не ждал.

Мы, когда были в Англии, хорошенько запаслись продовольствием. Взяли сухих продуктов, консервы, живность. Между прочим, был у нас ящик кур из Гринича.

Да. Ну конечно, в пути мы их поели, и к тому времени в ящике только и оставалось два молодых петушка — черный и белый.

И вот я стою с секстантом в руках, размышляю о методах астрономических наблюдений, — вдруг, понимаете, оба мои петушка хором:

«Кукареку!..»

Я моментально сделал наблюдения; ну, а дальше уж нетрудно сообразить: раз гриничские петушки запели, значит, сейчас в Гриниче рассвет, солнце всходит. Вот вам

и точное время. А зная время, и определиться нетрудно. Да-с.

Я, однако, сделал и проверку: вечером снова вышел с секстантом, и ровно в полночь по Гриничу мои петушки опять дуэтом:

«Кукареку!..»

Так можно бы и дальше по петушкам плавать, но тут я еще и другой способ нашел.

Замечательный способ! Я даже думаю как-нибудь на досуге диссертацию написать на эту тему и обогатить таким образом науку.

Вкратце способ мой сводится к следующему: вы берете часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, все равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблаты. Причем вовсе необязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придется, но это, знаете, и ни к чему, излишняя роскошь; зато два раза в сутки — в полдень и в полночь — ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

Вот таким образом я вновь приручил свой хронометр, и как раз вовремя.

Запасы у нас совсем истощились, консервы надоели, и нужно было подумать не об определении места судна, а об определении на жаркое наших петушков.

Но тут новая неприятность: встал вопрос о том, с чего начинать. Уж очень, знаете, дружные были петушки. Черного зажарить — белый скучать будет, белого зажарить — черный заскучает...

Я размышлял над решением этой проблемы, серьезно

размышлял, но так и не пришел к должным выводам. Ну, думаю: «Ум хорошо, а два лучше». Создал комиссию: я и Фукс.

Снова со всех сторон обсудили этот вопрос, но тоже, знаете, безрезультатно. Так и не смогли найти конструктивного решения. Пришлось расширить комиссию. Коптировали Лома. Назначили заседание. Я изложил сущность дела, познакомил собрание с историей вопроса, поднял, так сказать, материал... И не зря. Лом неожиданно такую трезвость взглядов и находчивость проявил в этом деле, что сразу все, как говорится, встало на свои места.

Он и минуты не думал. Так, знаете, не колеблясь, прямо и говорит:

— Режьте черного.

— Позвольте,— говорим мы,— ведь белый скучать будет!

— А черт с ним, пусть скучает! — возражает Лом.— Нам-то какое дело?

И, знаете, пришлось согласиться. Так и сделали. И, должен прямо сказать, Лом не ошибся. Петушок оказался прекрасный, жирный, мягкий,— мы просто пальчики облизывали, пока его ели. Впрочем, и второй был не хуже.

Вот так, знаете, благополучно, не торопясь мы обогнули Бретань и вступили в Бискайский залив.

Бискайский залив, как известно, прославился бурями, и недаром.

Не скрою, я испытывал некоторую тревогу, пересекая его, но мне повезло в тот раз. Прошел, как по зеркалу, и дальше все было благополучно, до тех пор пока мы не вошли в Гибралтар. Но тут, в Гибралтаре, попали в историю. Идем не спеша, гоним селедок, любимся видами неприступных гор. С английской крепости, как полагается, нас запросили:

— Уот шип? Что за корабль?

Ну, я ответил:

— Яхта «Беда», капитан Врунгель.

Продвигаюсь дальше, и тут на пороге Средиземного моря началось: что-то свистнуло, ухнуло. Я вижу — в парусе дырка в полметра, кругом огонь, вода с грохотом вздымается в небо, а справа, наперерез нам, несется эскадра.

Ну, я сразу понял: пираты неизвестной национальности.

Вот, я вижу, вы улыбаетесь. А зря, молодой человек. Вы думаете, что только в старинных романах пираты остались? Ошибаетесь, дорогой. Пиратов и сейчас хватает на свете. Только в былые-то годы, лет двести назад, пираты, когда на дело шли, свой флаг поднимали. А в наши дни флаги пиратские припрятали в сундуки, а приемы пиратские из всех сундуков повытащили. Вон почитайте газеты: там самолет угнали, там корабль захватили, заложников взяли, выкуп требуют. Ну, в то время до самолетов еще не добрались, а на море кое-где шкодили, а кое-где и бесчинствовали.

Словом, я вижу, положение трудное: бой принимать нельзя. При встрече с превосходящими силами противника морская тактика рекомендует уйти с линии баталии.

А куда уйдешь? Ветер слабый, и парус с дырой, работает вполсилы...

Тут, знаете, выход один: применять военную хитрость.

— Закуривай, ребята! — крикнул я бодрым голосом и достал свой кисет.

Экипаж у меня некурящий, но тут, в напряженной обстановке боя, Лом и Фукс не посмели ослушаться — свернули козыи ножки и принялись дымить.

Я тоже раздул свое кадило, и, не прошло трех минут, дымовая завеса плотной стеной скрыла нас от глаз противника.

Согласитесь: ловко придумано! Но это еще не все. Это, батенька, только начало.

Ну, скрылись — хорошо. Но ведь завесу-то нашу все равно сдует ветром. Что тогда делать? Я, знаете, подумал и решился.

— Паруса долой, экипажу укрыться в жилых помещениях! — скомандовал я.

Лом с Фуксом забрались в каюту, задраили все люки, наскоро, кое-как законопатили щели, а я собрал весь груз потяжелее, связал и на блоке поднял на мачту. Центр тяжести, понятно, переместился кверху, груз перевесил, судно потеряло остойчивость, завалилось на левый борт, и «Беда» опрокинулась кверху дном. Я, конечно, оказался в воде, но сейчас же вылез, лег на корме и жду.

Тут нашу завесу снесло, и пиратская эскадра в полном составе обнаружилась на расстоянии ста саженей.

Наступил, так сказать, решительный момент боя. «Ну,— думаю,— пан или пропал». Выставил над килем свою трубку, а сам гляжу одним глазом. И вот вижу: с флагманского судна эскадры нас заметили, семафорят открытым текстом:

«Метким огнем нашей артиллерии противник уничтожен. Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действий флота обнаружена бригада подводных лодок новейшей конструкции. Адмирал дон Канальо».

Едва там разобрали сигнал, пиратские корабли бросились врассыпную, как цыплята от коршуна. Да и понятно, знаете: «Беда» даже в столь неестественном состоянии сохранила весьма внушительный вид.

Ну, а тогда я нырнул, отцепил груз от мачты; яхта вторично сделала поворот оверкиль и вернулась в нормальное положение. Лом с Фуксом вылезли. Спрашивают:

— Ну как?

— Да вот,— говорю,— глядите сами.

А, собственно, и глядеть-то уже нечего было: только дымок на горизонте. Я посмотрел в бинокль им вслед и пошел переодеваться.

Ну, потом подправили паруса, привели в порядок судно, произвели уборочку и занялись селедками. И как раз вовремя занялись. Пока тут была стрельба, шум, некоторые отдельные селедки проявили недостойное легкомыслие: отбились от табуна и удалились в неизвестном направлении. А с другой стороны, воспользовавшись нашим вынужденным бездействием, к табуну пристало столько посторонней рыбы различных пород, что я сперва даже растерялся: тут и макрель, и сардинки, и бычки, и хамса,— так, знаете, и опозориться недолго. Ну кто же мне в другой раз доверит фрахт, если я принял груз голландской сельди первого сорта, а сдаю какую-то кашу, третий сорт, неразбор!.. Да. Ну, я поработал часок-другой хлыстом, руки, правда, отмахал, но зато разогнал всю эту постороннюю публику, восстановил некоторый порядок во вверенном мне табуне и повел «Беду» прямым курсом в Египет, в порт назначения. Вот так.

Ну, пошли. На этот раз без происшествий, ровно через два дня благополучно прибыли в Александрию, стали на якорь, вызвали торгового агента, а сами пока устроились на палубе. Отдыхаем, глядим по сторонам, делимся впечатлениями.

Впрочем, доложу вам, в то время и поделиться было нечем.

В древности Египет славился, и Александрия славилась на весь мир. А в тот наш заход порт этот не представлял для любознательного путешественника ровно никакого интереса. Только разговор, что, мол, Египет — страна фараонов и так далее. А зайдешь — и посмотреть не на что. Порт как порт — обширная торговля, вывоз хлопка, у набережной глубина двадцать шесть футов. Флаг, правда, и тогда был египетский, но порядки стояли английские,

и корабли английские, и полисмены английские. Только и разница, что нищие там без фраков ходили. Какие там фраки! Другой работяга, землеша, рыбак, чиновники даже и те босые ходили, а то, простите, почти что и без штанов!

Да. Ну, наконец явился агент. Проверил запись в грузовых документах, отвел нам место в порту и стал принимать груз. Мы сдали селедок, как полагается, по счету, подвели итог, и тут у меня просто сердце упало: поверите ли, чуть не половина табуна растерялась в пути!

Случайно отбились, отстали или сознательно дезертировали — этого я уж сказать не сумею. Но факт налицо — полтабуна как не бывало! Ой, гляжу — плохо.

Конечно, можно бы спорить, оправдываться, ссылаться на непредвиденные обстоятельства, но это все несолидно, неубедительно. Словом, огорчился я ужасно, расстроился, но тут вдруг меня осенило.

— Позвольте,— говорю я,— где же это видано, чтобы такой груз, как селедки, сдавался поштучно? Извольте, прикиньте их на весы, а тогда и заявляйте претензии.

Ну, тот видит — не на простака напал, взял груз на весы, и, поверите ли, обнаружилась значительная прибавка в весе! Вас, может быть, удивит этот факт. Однако, если разобраться, тут и удивляться нечему. Я заранее знал, что так будет, и без труда объясню вам причину этого явления. Подумайте, взвесьте обстоятельства дела, и вы поймете, что иначе и быть не может: спокойное путешествие, отличное питание, перемена климата, морские купания... Все это укрепляющим образом действует на организм. Ну, и понятно, селедки поправились, пополнили, накопили жирку.

Так что опыт мой удался блестяще, и, закончив расчеты, я решил отдохнуть, проветриться на берегу и осмотреть местные достопримечательности.

Отправились в глубь страны, в пустыню. По пустыне там ходит троллейбус, но в троллейбусе ехать неинтересно, и мы решили воспользоваться местными средствами сообщения. Я сел на двугорбого верблюда, Лом — на одногорбого, а Фукс — на осла. Получилась довольно живописная группа.

Так, целым караваном, и прибыли в Каир. А в Каире — вот там другое дело! Там и тогда был настоящий Египет, и от каждой пяди земли веяло ароматом глубокой древности. А как же! Там и пустыня Сахара, и бедуины, и финиковые пальмы, а главное — гробницы фараонов, сфинксы и другие памятники седой старины. Мы первым делом отправились осматривать пирамиды. Заплатили сколько следует, взяли входные билеты, стреножили животных и пошли.

Идем по подземным коридорам. Там, знаете, все так и стоит нетронутым пять тысяч лет. Обстановка великолепная: чистота, электрическое освещение, на каждом перекрестке — чистильщик сапог, на каждом углу — ларек с мороженым... В общем, неплохо жили покойники.

Ну-с, мы почитали иероглифы, взглянули на золотой саркофаг, на мумию и пошли назад. Вышли, глядим — Фукс пропал. Подождали-подождали — нет Фукса. Собрались идти разыскивать, а тут он сам бежит навстречу и держится за скулу. Я посмотрел — у него фонарь во всю щеку.

— Кто же это вас, Фукс? — спрашиваю я.

— Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! — захныкал Фукс.

— Да вы с ума сошли, Фукс! — говорю я. — Он же мертвый, фараон-то.

— Как же, мертвый! Живехонький, да еще не один, их там целая рота, этих фараонов.

— Каких это фараонов, египетских?

— Зачем египетских? Английские. Вон шагают.

Тут я увидел отряд полицейских и понял, что Фукс прав. Действительно, фараоны самые настоящие: в касках, с дубинками...

ГЛАВА VIII,

в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии

Вернувшись на судно, я отчитал Фукса:

— Чтобы у меня этого больше не было: никаких «на память»! Понятно?

Ну, Фукс раскаялся, обещал вести себя осмотрительнее. Синяк у него рассосался, и мы отправились вверх по Нилу.

Идем. Вот тут уж ничего не скажешь: Африка в лучшем виде. Куда ни посмотришь — лотосы, папирусы, по берегам гуляют робкие антилопы, порой попадаютса даже львы. В воде фыркают бегемоты, тут же ленивые черепахи греются на солнце. Как в зоопарке.

Лом и Фукс, как маленькие дети, развлекаются, дразнят палками крокодилов, а я сохраняю полную серьезность, веду судно, лавирую, высматриваю подходящую деревушку на берегу.

Этот рейс по Нилу я, молодой человек, как вы понимаете, предпринял не из праздного любопытства. Первоначально план моего похода был таков: Атлантика, Панама, Тихий океан...

Из-за селедок пришлось нарушить этот план, уклониться несколько в сторону, и теперь впереди у нас лежал трудный переход по Индийскому океану.

А там, в океане, знаете, ни магазинов, ни ларьков нет; подберутся запасы, и клади зубы на полку... И вот, как человек предусмотрительный и экономный, я решил перед этим трудным рейсом получше и подешевле снабдить экспедицию. Да-с.

Наконец вижу небольшое селение. Так вроде чистенько и народ приветливый. Подошел к берегу, причалил и со всем экипажем отправился на базар.

Местное население встретило нас прекрасно. И цены на рынке оказались не слишком высокие, так что мы снабдились наилучшим образом: приобрели пару соленых слоновьих хоботов, ящик страусовых яиц, финики, саго, корицу, гвоздику и прочие пряности. Погрузили все это на яхту, я поднял отходный флаг, собираюсь в путь, но тут Лом докладывает рапортом, что Фукс опять пропал. Подождали — нет Фукса.

Ну, я было хотел без него уходить, но потом поразмыслил и пожалел. Парень он ничего! Жуликоват, правда, но зато старательный и добрый. А тут, в Египте, народ доверчивый, соблазны на каждом шагу, последить за парнем некому. Ну и свихнется, пропадет, кончит каторгой... Словом, пошел я его выручать. Иду, вдруг вижу — на краю деревни толпа, откуда доносятся смех и вопли. Я заинтересовался, кликнул Лома, прибавил шагу, подбегаю и вижу: Фукс мой в печальном положении. Свернулся комочком, зарыл голову в песок, прикрылся шляпой. А над ним, понимаете, страус. Щиплет его за мягкие места и лупит ногами, как футбольный мяч. Кругом беспристрастные зрители смотрят, аплодируют, точно в цирке, поощряют эту птицу, хохочут, кричат...

Ну, я, знаете, прикрикнул на страуса. Он испугался, сел тут же и тоже — голову в песок. Так и сидят рядом.

Тогда я взял Фукса за шиворот, поднял, встряхнул, поставил на ноги и допросил с пристрастием о причине столь странного положения. И что же оказалось? Не по-

действовало мое внушение: опять согрешил малый. Видит — гуляет страус на свободе, ну, и, знаете, не стерпел: подкрался сзади, дернул у него перо из хвоста «на память»... А страус — робкая птица, но тут вспылил.

Фукс мне и перо показал. Я хотел было вернуть его страусу, но, знаете, не стал задерживаться, а главное, думаю: во-первых, у страуса новое отрастет, а во-вторых, страус сам с ним рассчитался — вырвал здоровый клоч из штанов, так что квиты.

Ну, обсудили этот случай, посмеялись, конечно, распрощались с местным населением, вернулись на судно, подняли паруса и пошли назад, вниз по Нилу. Спустились спокойненько, не спеша, вышли к морю и вдоль бережка пошли на восток. Оттуда наш путь лежал в Красное море, через Суэцкий канал.

В канал вошли утром. Там вообще-то лоцманы корабли проводят. Но я человек бывалый. Суэцким каналом ходить мне не впервой, я там каждый камушек знаю. Ну, и решил зря не тратиться — пошел без лоцмана. Идем. Фукс на носу «впередсмотрящим», я в руле, а Лом подвахтенным: готовит на камбузе завтрак. Он был мастером кулинарного дела; другой раз такого настряпает, что сыт по горло, а все равно сядешь, отведаешь. Вот и в тот раз. С утра, знаете, Лом подвязал фартук, засучил рукава, затопил камбуз... Я заглянул к нему — куда там: здесь и без того жара, а у него прямо кузница на полном ходу, ад крошечный. Огонь так и пышет, в кастрюлях кипит, жаркое румянится, а главное — аромат. Подливочки, соуса — это у него был коронный номер. И такой запах пошел над Суэцким каналом, что со всех сторон собрались звери — не закусить, так хоть понюхать. Стоят по берегам, смотрят на нас, облизываются. И, знаете, здорово получается! Мы два дела делаем зараз: во-первых, идем своим направлением, а во-вторых, в непосредственной близости изучаем местную фауну. А фауна там богатейшая! Из Аравии

пожаловали тигры, кабаны, приползли вараны, а с африканского берега — львы, слоны, носороги. Жираф тоже пришел из пустыни, пронюхал и любит наш суденышко. Не знаю уж, какие там возникли у него мысли, но только, судя по всему, он принял нашу яхту за плавучую закусочную. Свесил шею, как подъемный кран, идет за нами по берегу, слюнки пускает.

А тут Лом как раз закончил стряпню, накрыл стол на три персоны. Все как полагается — тарелочки, вилочки, чистую скатерть постелил и выходит из камбуза с миской в руках. И представьте: жвачное заинтересовалось, лезет мордой прямо в миску; Лом на него кричит, ругается, а жираф — животное невоспитанное, убеждения на него не действуют, тянется к миске как ни в чем не бывало, зубы оскалил и уже облизывается. И сделать ничего нельзя: свернуть некуда, канал узкий, по берегу не пойдешь. Применить физические меры воздействия — это руль нужно бросить, а тут место очень ответственное: рискованно. Фукс — тот увлекся изучением фауны, не видит и не слышит ничего, а у Лома руки заняты... Тут одно спасение — ретирада.

— Отступайте, Лом! — приказал я.

— Есть отступить! — ответил Лом и давай пятиться задом в каюту по трапу.

А у жирафа знаете какая шея! А тут он ее еще вытянул и тоже за Ломом в каюту. Лом забился в самый конец, и жираф не отстает. И вот слышу, Лом рапортует:

— Дошел до места!

Ну, я понял — дело дрянь, так и без завтрака останешься. Рискнул все-таки: бросил на минуточку руль, захлопнул дверь, прищемил жирафу шею. И подействовало, знаете, лучше всяких внушений: жираф уперся всеми четырьмя ногами, выдернул шею из кубрика, выпрямился во весь рост. Но, видимо, обиделось животное: оглянулось кругом, заржало и слопало флюгер.

Ну, это ущерб небольшой: флюгера у меня были запасные, а завтрак-то все-таки спасли, как ни говорите. И жирафу, если разобраться, не так уж обидно. Конечно, мы его, так сказать, в шею вытолкали, как непрошеного гостя, но все-таки не голодным ушел. Они там привыкли в пустыне — камни и те с голодухи гложут, так что флюгер для него тоже, знаете, не так себе, а в некотором роде деликатес.

Да. Обсудили и этот поучительный случай, позавтракали с отменным аппетитом и пошли дальше.

К ночи прошли Суэц, тут заштилели и простояли около двух суток. Да оно, знаете, и кстати. Отдохнули, поправили паруса, рангоут, обтянули такелаж, генеральную уборочку произвели. А утром потянул ветерок. Мы подняли паруса и вышли в Красное море.

Сначала спокойно шли правым бакштагом, а потом ветерок стал крепчать, и нас здорово потрепало. Налетел самум из Сахары. Жарко, как в бане, духота страшная, зыбь, и Фукс, знаете, не выдержал, укачался. Он сначала крепился, не показывал виду, потом сразу как-то сдал. Даже до койки не дополз, улегся тут же на палубе, на ящике с провизией, стонет, обмахивается страусовым пером. Жалко парня, однако ничем не поможешь. Морская болезнь — безопасный, но неизлечимый недуг.

А в остальном все в порядке. Этот самум даже на руку нам: гонит «Беду» полным ходом. Идем хорошо. Так и меряем милю за милей. Я посмотрел, проложил курс, оставил Лома в руле, а сам пошел вздремнуть в каюту. При моей комплекции в этих широтах лучше нести ночную вахту, а Лом, он и днем постоит, не растает. Да.

Ну, а к ночи жара несколько спала, мой старший помощник Лом отправился спать в каюту, а я встал в руль, веду судно.

Ночь в тех местах красива до чрезвычайности: вверху луна качается, как фонарь на цепочке; море горит голу-

бым, таинственным светом. Как в сказке. Постоишь часок-другой, и полезет в голову всякая чертовщина: разные там ковры-самолеты, драконы, привидения. Я это размечтался, вдруг слышу — Фукс невнятно бормочет что-то. Прислушался... Ого, тут, похоже, не морской болезнью, тут тропической лихорадкой пахнет! Слышу — бредит бедняга, шепчет:

— Христофор Бонифатьевич, крокодил... Еще крокодил. Еще крокодил...

Ну, я закрепил руль, спустился в каюту, отпер аптечку, достал порцию хины, выхожу, а Фукс не унимается:

— Двадцать семь крокодилов, двадцать восемь крокодилов, тридцать крокодилов...

— Полно, Фукс, будет вам крокодилов считать! Сглотните-ка лучше,— говорю я.

И только шагнул, мне под ногу подвернулась какая-то гадина. Я попятился, поскользнулся, упал, хину рассыпал. Тут кто-то меня за палец — цап! Ну, знаете, тут и я испугался, закричал. На крик выскочил Лом и только ступил на палубу — слышу: тоже кричит.

А Фукс, как часы, считает:

— Сорок пять крокодилов... пятьдесят крокодилов...

Тут есть от чего прийти в панику. Но я взял себя в руки, вскочил, чиркнул спичкой — и, поверите ли, вижу: действительно, полна палуба крокодилов. Крокодилычки мелкие, новорожденные и безопасные по существу, но все-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уж не стал церемониться, взял швабру и давай прямо за борт, в родную стихию.

А когда палуба несколько очистилась, я поинтересовался, откуда же это нашествие. И вижу — лезут из щели, из ящика. Ну, тогда я все понял: нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодилы. А тут жара, да еще Фукс сверху улегся, высидел, вот они и полезли.

Установив причину чрезвычайного происшествия, я без труда избавился и от его последствий. Не стал даже ящик распаковывать. Провел просто доску от той щели за борт — вроде мостика, и они полным ходом, как по конвейеру, один за одним так и лезли до самого Адена. А после уж, в Адене, вскрыли ящик, глядим — одни скорлупки остались... Да-с.

Устранив крокодилов и водворив порядок на судне, я несколько успокоился. Но ненадолго: судьба готовила мне новые испытания.

Мы шли вдоль берегов Эритреи. Лом спал в каюте, Фукс — на палубе. Ураган стих, все предвещало спокойствие. Вдруг перед самым рассветом слышу где-то в море раздирающий душу крик.

— Все наверх! Человек за бортом! — крикнул я. — Руль на борт, поворот оверштаг!

Экипаж мгновенно принимает необходимые меры: полетели в море спасательные средства — круги, шары, концы... и вот поднимают на борт потерпевшего.

Гляжу — унтер-офицер в мокром виде. Внешность не блещет, однако отряхнулся, прокашлялся и взял под козырек:

— Сержант итальянской армии Джулико Бандитто к вашим услугам.

— Да какие уж тут услуги! — говорю я. — Скажите, дорогой мой, спасибо, что так обошлось, да расскажите, как вы сюда попали и что мне с вами делать?

— Прогуливаясь в нетрезвом виде, сдут ветром в море. Прошу вас, капитан, высадить меня в любом месте на итальянском берегу.

— Э, батенька, — говорю я, — далекомыко же вас занесло! Италия-то вон где...

— Италия везде, — перебил сержант. — И здесь, — показывает направо, — Италия, и здесь, — показывает налево, — Италия... Весь мир — Италия!

Ну, я спорить не стал. Думаю: «Хмель-то у него еще не прошел, так чего с пьяным разговаривать?»

Опять же пришлось принять во внимание, что в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над народом и весь мир собирались к рукам прибрать. И невдомек было этим джуликам и бандиттам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесет, что так, вверх сапогами, его и повесят...

Ну, а тогда ходил он еще вверх головой и чужую землю топтал. Да-с.

В общем, я возражать не стал. Думаю: «Разделаюсь поскорее с таким гостем, и то хорошо».

— Ладно,— говорю,— Италия так Италия. Куда вас поточнее-то? Сюда или туда?

— А вон,— говорит,— туда, к тем скалам, прошу вас.

Ну, я, ничего не подозревая, причаливаю к скалистому берегу, подаю сходню. Тут мой сержант опять берет под козырек:

— Благодарю вас, господин капитан. А теперь потрудитесь сойти с судна.

— Полноте, батенька, некогда мне, да и не к чему. Идите уж...

— Ах так? — говорит он, достает свисток, и вдруг, понимаете, из-за скал налетает рота головорезов. Щелк-щелк! — и, гляжу, весь мой экипаж в наручниках, и я в том числе.

Подхватили нас под микитки и повели по сильно пересеченной местности. Кругом скалы, горы, бесплодная почва... Ну, привели в лагерь, доложили. Мы стоим, ждем.

Наконец выходит полковник с тарелкой в руках; стоит, уплетает макароны.

— Ага,— говорит,— вторглись на итальянскую территорию. Все ясно: судно конфисковать, людей поставить на полевые работы, о дальнейшем запросить Рим.

Ну, и погнали нас на работу. За день мы намучились, проголодались. Хорошо еще, Фукс запустил руку в торбу к мулу, извлек горсть овса — только и поели.

А к ночи приходит сержант Джулико. Пожалел все-таки, отблагодарил за спасение: принес тарелку макарон из своего пайка.

Неприятно принимать такие подачки, но голод, как говорится, не тетка. Я разделил макароны по-братски, отведал. Лом — тот отсутствием аппетита никогда не страдал — набросился, а Фукс, смотрю, чванится: понюхал и нос воротит.

— Разве это макароны? — говорит он. — Это же скверная подделка. Ай, господин сержант, у вас здесь такой благодатный климат, а вы всякую дрянь едите и кукурузу сеете! Да здесь можно такую макаронную плантацию развести, что на всю Италию хватит! Вы доложите полковнику: я, если угодно, сделаю опытную посадочку. У меня и рассада есть — на судне осталась.

Я глаза вытаращил: до чего же врет парень! А Джулико этот уши развесил и действительно побежал докладывать. И что бы вы думали: отдали нас в распоряжение Фукса, отвели ему участок, принесли с «Беды» макароны, кругом поставили караул. Сам полковник пришел.

— Сажайте, — говорит, — но смотрите: обманете — шкуру спущу!

Я вижу — этот действительно спустит, ну и решил предостеречь Фукса.

— Бросьте вы это дело, — шепчу я, — ведь ничего не выйдет, кроме неприятностей...

А он только рукой махнул:

— Будьте покойны, Христофор Бонифатьевич. Только тихо!

И вот, понимаете, раскопали мы не торопясь грядки. Фукс на виду у всех наломал макароны, посадил, поливает.

И представьте, через три дня взошли! Сперва этакие, знаете ли, зеленые росточки, потом листочки...

Фукс ходит, окучивает, рассказывает итальянцам:

— Это вам не какая-нибудь дешевая подделка, это натуральный продукт! Вот вырастут повыше, станут в рост человека, тогда вы их кóсите, листья обламываете на корм скоту, а стебли бросаете прямо в кастрюлю, варите — и получаете превосходное кушанье.

И поверили итальянцы. Да и я, признаться, поверил. Убедительно. Растут ведь. Факт! И вот этот полковник спрашивает:

— Нельзя ли засеять все поле!

— Нет, почему же, можно, пожалуйста,— говорит Фукс,— только семенного материала маловато. А если ваши сеять, их надо спиртом поливать, иначе не взойдут.

— Ну что ж, мои молодцы полиют,— говорит полковник и распорядился.

На другой день выкатили цистерну спирта, высыпали все макароны, что были, соорудили цепи, обмолотили, засеяли и пошли поливать. Но только, знаете, на поле немного попало, все больше в рот солдатам. Вечером и полковник прибыл, тоже пригубил, и такое пошло веселье по всему лагерю: песни, шум, драки начались. А к ночи взошла луна, лагерь утих, только храп слышен по полю. А мы скорее на «Беду». Подняли паруса и пошли.

— Ну,— говорю,— Фукс, вам бы агрономом быть, а не матросом. Как это вы достигли такого совершенства? Ведь это чудо, чтобы макароны проросли.

— Никакого чуда, Христофор Бонифатьевич, просто ловкость рук,— отвечает Фукс.— У меня горсточка овса осталась в кармане, а с овсом не то что макароны — окурки и те взойдут.

Вот оно как. В общем, благополучно ускользнули. Ну, а на другой день я обогнул мыс Гвардафуй и пошел прямо на юг.

Океан встретил нас ровным пассатом. Идем день, другой. Влажный ветер несколько умеряет жару, однако прочие признаки указывают на пребывание в тропической зоне. Синее небо, солнце в зените, а главное — летучие рыбы. Замечательно красивые рыбки! Порхают над водой, как стрекозы, и дразнят душу старого моряка. Недаром, знаете, летучая рыба — символ океанского простора.

Вот эти рыбки, будь они неладны, воскресили во мне воспоминания юности, первое плавание... экватор...

Экватор, как вам известно, линия воображаемая, однако вполне определенная. Переход ее с давних пор сопровождается небольшим самостоятельным спектаклем на корабле: якобы морской бог Нептун является на судно и после непродолжительной беседы с капитаном тут же, на палубе, купает моряков, впервые посетивших его владения.

Я решил потряхнуть стариной и возродить этот старый обычай. Тем более декорации несложные, костюмы тоже — с этой стороны постановка трудностей не представляет. Но вот с актерским составом просто зарез. Я, знаете, единственный бывалый моряк на судне, я же и капитан, и волей-неволей мне же приходится изображать Нептуна.

Но я нашел выход: с утра приказал выставить бочку с водой, затем сказался больным и вплоть до выздоровления по всем правилам сдал Лому командование судном. Лом выразил мне соболезнование, однако с удовольствием заломил фуражку на капитанский манер и приказал Фуксу чистить медные части.

А я заперся в каюте и занялся подготовкой: сделал бороду из швабры, соорудил трезубец, корону, а сзади

прицепил хвост наподобие рыбьего. И должен без хвастовства сказать: получилось отлично. Я, знаете, посмотрел в зеркало: ну, куда там — Нептун, да и только. Как живой!

И вот, когда, по моим расчетам, «Беда» пересекла экватор, я в полном облачении поднялся на палубу...

Результат получился необычайный, но несколько неожиданный. Отсутствие предварительной проработки спектакля и незнание старых морских обычаев направили воображение моего экипажа в нежелательную для меня сторону.

Я вышел.

Мой старший помощник Лом гордо стоял у штурвала, пристально вглядываясь в горизонт. Фукс, обливаясь потом, усердно «драил медяшку». Летучие рыбы по-прежнему порхали над волнами.

Спокойствие царило на палубе корабля, и мой выход в первый момент остался незамеченным.

Ну, я решил обратить на себя внимание: грозно стукнул трезубцем и зарычал. Тут оба они встрепенулись и замерли от изумления. Наконец придя в себя, Лом нерешительно шагнул мне навстречу и смущенным голосом произнес:

— Что с вами, Христофор Бонифатьевич?

Я ждал этого вопроса и заранее подготовил ответ в стихотворной форме:

Я Нептун — морское чудо,
Мне подвластна вся вода,
Рыбы, ветры и суда.
Рапортуйте мне: откуда
И куда идет «Беда»?

Тут лицо Лома выразило мгновенный испуг, который затем перешел в отчаянную решимость. Лом бросился,

как леопард, облапил меня своими ручищами и потащил к бочке.

— Поддержать капитана за ноги! — скомандовал он на ходу.

А когда Фукс выполнил приказание, Лом добавил несколько спокойнее:

— Старика хватил солнечный удар, необходимо освежить ему голову.

Я пробовал отбиваться, пробовал убеждать их, что, согласно веками установленным обычаям, не мне, а им следует купаться по случаю прохождения экватора, но они не слушали. И вот, понимаете, приволокли меня к бочке и принялись окунать в воду.

Корона моя размокла, трезубец упал. Положение прискорбное и почти безвыходное, но я собрался с последними силами и в момент между двумя погружениями бодро скомандовал:

— Отставить макать капитана!

И, представьте себе, подействовало.

— Есть отставить макать капитана! — гаркнул Лом, вытянув руки по швам.

Я ухнул в воду... Одни ноги торчат. Мог бы и захлебнуться, да хорошо, Фукс догадался: завалил бочку набок, вода вылилась, а я застрял. Сижу, как рак-отшельник, не могу отдышаться. Ну, потом оправился и вылез, тоже этак, рачьим манером, кормой вперед.

Вы сами понимаете, какой ущерб моему авторитету нанесло это событие. А тут еще, как назло, мы потеряли пассат. Наступил мертвый штиль, и безделье воцарилось на судне. И вот, знаете, как утро, Лом с Фуксом устраиваются на палубе, ноги под себя, по-турецки, карты в руки и дуются без отдыха в подкидного дурака.

Я посмотрел день, посмотрел другой и прекратил это дело. Я вообще-то противник азартных игр, а тут тем более, поскольку это увлечение угрожало срывом дисцип-

лины. Ведь вы учтите: Фукс жульничает, каждый кон оставляет Лома дураком, да еще подкидным! Какое уж тут уважение!

А с другой стороны, просто так запретить игру — умрут со скуки. А по мне, пусть уж лучше помощник дурак, чем покойник.

Тогда я предложил им шахматы. Это как-никак игра мудрецов, изощряет ум, развивает стратегические способности. К тому же спокойный характер этой игры позволяет обставить ее по-семейному.

И вот мы водрузили на палубе стол, вытащили самовар, над головой растянули тент из паруса и в такой обстановке, за чашкой чаю, с утра до ночи предавались бескровным поединкам.

Вот так однажды мы с Ломом засели с утра доигрывать незаконченную партию. Жара стояла убийственная, и Фукс, свободный от игры, полез купаться.

Король Лома беспомощно жался к уголку. Я уже предвкушал сладость заслуженной победы, вдруг резкий крик за бортом нарушил ход моих мыслей. Взглянул — вижу, над водой шляпа Фукса. (Он купался в головном уборе, опасаясь солнечного удара.) Отчаянно вопя, Фукс бьет по воде руками и ногами, поднимает тучи брызг и со всей скоростью, которую позволяли развивать его ходовые качества, приближается к «Беде». А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользит над водой спинной плавник огромной акулы.

Настигнув несчастного, акула перевернулась на спину, открыла свою страшную пасть, и я понял, что Фуксу пришел конец. Не отдавая отчета в своих действиях, я схватил со стола первое, что подвернулось под руку, и изо всей силы швырнул в морду морского хищника.

Результат получился разительный и необычайный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула завертелась на месте. Она

выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая челюстей, сквозь зубы отплевывалась во все стороны.

Фукс тем временем благополучно добрался до судна, вскарабкался на борт и в изнеможении подсел к столу. Он пытался что-то сказать, но от волнения глотка его пересохла, и я поспешил налить ему чаю.

— Вам с лимоном? — спрашиваю. Протянул руку к блюдцу, а там нет ничего.

Тогда я все понял. В минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку и решил участь Фукса. Акулы, знаете, непривычны к кислому. Да что там акулы, вы сами, молодой человек, попробуйте лимон целиком — так скулы сведет, что и рта не откроете.

Пришлось запретить купание. Запас лимонов у нас, правда, еще сохранился, но ведь нельзя же рассчитывать, что всегда попадешь так удачно. Да-с. Устроили душ на палубе, обливали друг друга из ведра, но ведь это всё полумеры, и жара замучила нас совершенно.

Я даже несколько похудел, и не знаю, чем бы все кончилось, если бы в одно прекрасное утро не потянул наконец ветерок.

Изнуренный бездельем экипаж проявил необычную энергию. Мы мгновенно поставили паруса, и «Беда», набирая ход, пошла дальше, на юг.

Вас, может быть, удивит взятое мною направление? Не удивляйтесь, взгляните на глобус: идти вокруг света вдоль экватора долго и трудно. Многих месяцев пути требует такой поход. У полюса же вы легко можете хоть пять раз в день обойти земную ось кругом, тем более что и дни там, на полюсе, бывают до шести месяцев продолжительностью.

Вот мы и стремились к полюсу и с каждым днем спускались всё ниже. Прошли умеренные широты, приблизились к Полярному кругу. Тут уж, знаете, холодок дает себя чувствовать. И море не то: вода серая, туманы,

низкая облачность. На вахту выходишь в шубе, уши мерзнут, на снастях сосульки.

Однако мы и не думали об отступлении. Напротив, пользуясь попутными ветрами, мы с каждым днем спускались всё ниже и ниже. Легкая зыбь не причиняла нам беспокойства, экипаж чувствовал себя отлично, и я с нетерпением ждал того момента, когда на горизонте откроется ледяной барьер Антарктики.

И вот однажды Фукс, обладавший орлиным зрением, неожиданно воскликнул:

— Земля на носу!

Я было подумал, у меня или у Лома нос не в порядке. Провел даже ладонью, утерся. Нет, все чисто.

А Фукс опять кричит:

— Земля на носу!

— Может, по носу земля? — говорю я. — Так вы, Фукс, так бы и говорили. Пора привыкнуть. Но только не вижу я вашей земли...

— Так точно, по носу земля, — поправился Фукс. — Вон там, видите?

— Не вижу, признаться, — сказал я.

Но прошло еще с полчаса — и что бы вы думали? Точно. Тут уж и я заметил темную полосу на горизонте, и Лом заметил. Действительно, похоже на землю.

— Молодец, Фукс, — говорю я, а сам беру бинокль, пригляделся и вижу — ошибка! Не земля, а лед. Огромный айсберг столовидной формы.

Ну, я взял курс прямо на него, и два часа спустя, сверкая тысячами огней в лучах незаходящего солнца, айсберг встал у нас перед носом.

Точно стены хрустального замка, возвышались над морем голубые уступы. Холодом и мертвенным спокойствием веяло от ледяной горы. Зеленые волны с рокотом разбивались у ее подножия. Нежные облака цеплялись за вершину.

Я немного художник в душе. Величественные картины природы волнуют меня до чрезвычайности. Скрестив руки на груди, я застыл от изумления, созерцая ледяную громаду.

И вот, откуда ни возьмись, тощий тюлень высунул из воды свою глупую морду, бесцеремонно вскарабкался по склону, развалился на льду и давай чесать бока!

— Пошел вон, дурак! — крикнул я.

Думал — уйдет, а он хоть бы что. Чешется, сопит, нарушает торжественную красоту картины.

Тут я не выдержал и совершил непростительный поступок, результатом которого едва не явилось бесславное окончание нашего похода.

— Подать ружье! — говорю я.

Фукус юркнул в каюту, вынес винтовку. Я прицелился... Бац!

И вдруг гора, казавшаяся незыблемой твердыней, со страшным грохотом раскололась пополам, море закипело под нами, осколки льда загребели по палубе. Айсберг совершил этакое сальто-мортале, подхватил «Беду», и мы чудесным образом оказались на самой верхушке ледяной горы.

Ну, потом стихии несколько успокоились. Успокоился и я, осмотрелся. Вижу — положение неважное: яхта застряла среди неровностей льда, села так, что и не сдвинешь, кругом неприветливый серый океан, а внизу, у подножия ледяной горы, болтается все тот же тюлень-негодяй, смотрит на нас, ухмыляется самым наглым образом.

Экипаж, несколько смущенный всей этой историей, молчит. Ждет, видимо, объяснений непонятного явления. И я решил блеснуть запасом познаний и тут же на льду провел небольшую лекцию.

Ну, объяснил, что айсберг вообще опасный сосед для корабля, особенно в летнюю пору. Подтает подводная

часть, нарушится равновесие, переместится центр тяжести,— и вся эта громадина держится, так сказать, на честном слове. И тут не то что выстрела, тут громкого кашля бывает достаточно, чтобы разрушилось все это природное сооружение. И ничего удивительного нет, если айсберг переворачивается... Да.

Ну, экипаж выслушал с должным вниманием мои объяснения. Фукс промолчал из скромности, а Лом со свойственной ему непосредственностью задал несколько неделикатный вопрос.

— Ладно,— говорит,— как он перевернулся — это дело прошлое, а вы, Христофор Бонифатьевич, скажите, как его назад переворачивать?

Тут, молодой человек, действительно подумашь: как ее переворачивать, такую громадину? А делать что-то надо. Не век же сидеть на льду.

Ну, я погрузился в размышления, стал обдумывать создавшееся положение, а Лом тем временем подошел к делу несколько несерьезно, с кондачка: переоценил свои силы и решил самостоятельно спустить яхту на воду. Взял, понимаете, топор, размахнулся и отколол глыбу тонн в двести.

Он, видимо, хотел подрубить таким образом нашу ледяную подставку. Намерение весьма похвальное, но совершенно необоснованное. Недостаточные познания в области точных наук не позволили Лому предугадать результаты его усилий.

А результаты получились как раз обратные. Как только глыбы отделились от нашей горы, гора, понятно, стала легче, приобрела некоторый дополнительный запас плавучести, всплыла. Словом, к тому времени, когда я выработал план действий, верхушка айсберга вместе с яхтой благодаря усилиям Лома поднялась еще футов на сорок.

Тут Лом опомнился, раскаялся в своем легкомыслен-

ном поведении и со всем рвением, на которое был способен, принялся выполнять мои приказания.

А мой план был проще простого: мы поставили паруса, натянули шкоты и вместе с айсбергом полным ходом пошли назад, на север, поближе к тропикам. И тюлень с нами отправился.

И вот, знаете, недели не прошло, наша ледышка стала таять, уменьшаться в размерах, потом в одно прекрасное утро хрустнула, сделала вторичный переворот, и «Беда», как со стапеля, мягко стала на воду. А тюлень, понимаете, оказался наверху, но не удержался, поскользнулся и плюх мешком к нам на палубу! Я схватил его за шиворот, высек ремнем для острастки и отпустил. Пусть плавает. А Лом тем временем сделал поворот, «Беда» снова легла на курс «зюйд», и мы вторично направились к полюсу.

ГЛАВА X,

в которой читатель знакомится с адмиралом Кусаки, а экипаж «Беды» — с муками голода

Снова серые облака, туманы, снова шубы пришлось надеть...

И вот однажды в морозную погоду мы идем не спеша. Вдруг как ухнет! Взрыв не взрыв, гром не гром — не поймешь. Подождали, прислушались — тишина, потом снова: бабах! И опять тишина.

Я заинтересовался, заметил направление и повел «Беду» навстречу загадочному явлению.

И вот видим: на горизонте — подобие плавучей горы. Подходим. Нет, не гора, просто облако тумана. Вдруг из середины его вздымается столб воды, фонтаном падает в море, при этом глухой раскат снова разносится по океану и сотрясает «Беду» от киля до клотика.

Страшновато стало, но любопытство и стремление обогатить науку разгадкой непонятого явления победили во мне чувство осторожности. Я встал в руль и ввел судно в туман. Иду, смотрю — сосульки с бортов начинают падать, да и так заметно значительное потепление. Сунул руку за борт — вода только что не кипит. А перед носом в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука, и вдруг этот сундук — апчхи!

Ну, тогда я все понял: кашалот, понимаете, зашел из Тихого океана, простудился во льдах Южного полюса, подхватил грипп, лежит тут и чихает. А раз так, неудивительно и нагревание воды: заболевания простудного характера обычно сопровождаются повышенной температурой.

Можно бы загарпунить этого кашалота, но неудобно пользоваться болезненным состоянием животного. Не в моих это принципах. Напротив, я взял на лопату хорошую порцию аспирина, нацелился и только хотел сунуть ему в пасть, вдруг, понимаете, налетел ветерок, подкатила волна. Ну и, знаете, промахнулся, не попал. Аспирин рассыпался и вместо рта да в дыхало — в ноздри, так сказать.

Кашалот вздохнул, замер на секунду, зажмурил глаза — и вдруг опять как чихнет, да прямо на нас.

Ну уж чихнул так чихнул! Яхта взвилась под самые облака, потом пошла на снижение, перешла в штопор, и вдруг... хлоп!

От удара я потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — «Беда» лежит на боку, на палубе огромного корабля. Фукс запутался в снастях. Лом — тот и вовсе вывалился от толчка и сидит тут же рядом, в несколько неудобной позе. А навстречу нам под защитой дальнобойных орудий шествует важной походкой небольшая группа господ, в чинах, судя по мундирам, не ниже адмиральских.

Я представился. Они, со своей стороны, объяснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания. И тут же на палубе учинили мне допрос: кто, откуда, какие цели преследует мой поход, не встречал ли я китообразных, а если встречал, какие меры принял для защиты их от вымирания.

Ну, я рассказал своими словами: так, мол, и так, поход спортивный, кругосветный, встретил одного кашалота в болезненном состоянии и оказал посильную помощь, предписанную в таких случаях медициной.

Они выслушали, пошептались, поставили у яхты конвой и удалились на совещание. И мы сидим, ждем, тоже совещаемся.

— Вынесут благодарность. Может, медаль дадут,— говорит Лом.

— Что медаль! — возражает Фукс.— По мне, лучше что-нибудь деньгами...

Ну, а я воздержался, промолчал.

Час так прошел, два, три. Скучно стало. Я отправился туда, на совещание. Пустили. Я сел в уголок и слушаю. А у них уже прения идут. Как раз, знаете, взял слово представитель одной восточной державы, адмирал Кусаки.

— Наша общая цель,— сказал он,— охрана китообразных от вымирания. Какие же средства есть у нас для достижения этой благородной цели? Вы все прекрасно знаете, господа, что единственным действенным средством является уничтожение китообразных, ибо с уничтожением их некому будет и вымирать. Теперь разберем случай, ставший предметом нашего обсуждения: капитан Врунгель, вопрос о котором стоит на повестке дня, как он сам признает, имел полную возможность уничтожить встреченного им кашалота. А что сделал этот жестокий человек? Он позорно отстранился от выполнения своего высокого долга и предоставил бедному животному вымирать сколько ему заблагорассудится! Можем ли мы

закрыть глаза на такое преступление? Можем ли мы пройти мимо такого вопиющего факта? Нет, господа, мы не можем. Мы должны наказать преступника. Мы должны отобрать его судно и передать моим соотечественникам, которые честно выполняют задачи нашего комитета...

Тут перебил его представитель другой державы, западной, вот только фамилию забыл,— Грабентруп, кажется.

— Все правильно,— говорит он,— наказать нужно, но только господин адмирал забыл самое существенное: кашалот, в отличие от прочих китообразных, обладает черепом удлинённого строения. Таким образом, оскорбив кашалота, этот Врунгель оскорбил всю арийскую расу. Так что же вы думаете, господа, арийцы потерпят это?

Ну, я уж и слушать дальше не стал, вижу и так: попали из огня да в полымя. Улизнул тихонько, пошел к своим, доложил о результатах разведки. И гляжу — приуныл мой экипаж. Сидят грустные, ждут решения участи.

Целый день китолюбивые адмиралы спорили. Наконец поздно вечером вынесли резолюцию. Мы приготовились к самому худшему и мысленно уже распрощались с «Бедой», но опасения наши оказались несколько преждевременными. Решение вынесли неопределенное: «Для изучения вопроса создать специальную комиссию, а яхту «Беда» с экипажем временно водворить на одном из близлежащих необитаемых островов».

Я, понятно, заявил протест, да что толку. Меня и не спросили. Подцепили краном «Беду», опустили на скалы; нас тоже высадили, подняли флаги, погудели и пошли. Я вижу — делать нечего. Приходится подчиняться грубой силе и устраиваться по-береговому, с учетом создавшегося положения. А положение, надо вам сказать, отвратительное: яхта лежит на самом краю утеса, мачта торчит над морем, унылый прибой плещет у подножия скалы.

Ну, мы снарядились и пошли обследовать наш островок. Ходили, ходили — ничего хорошего не нашли. Всюду холодно, неуютно, одни скалы кругом.

Единственно с чем хорошо, так это с топливом. Уж не знаю откуда, только нанесло на этот островок обломков погибших кораблей.

А с другой стороны, нам и топливо ни к чему. Запасы у нас на исходе, кругом ни флоры, ни фауны, а камнями, сколько их ни вари, все равно сыт не будешь.

Аппетит, говорят, приходит во время еды. Возможно. Но у меня в этом отношении несколько необычный организм. Когда голоден, только тогда и ощущаю присутствие аппетита.

В целях борьбы с этой ненормальностью я подтянул кушак потуже, терплю. Лом и Фукс тоже на голод жалуются. Пробовали рыбу ловить — не клюет. Лом вспомнил, что в старину в таких случаях борщ из подметок варили, достал штормовые сапоги, два дня варил — никакого результата. Да и понятно, знаете: в былые-то времена сапоги из воловьей кожи делали, а у нас вся штормовая одежда из синтетического каучука. Конечно, в дождь, в сырую погоду оно удобнее — не промокает, а что касается кулинарных качеств такой обуви, прямо нужно сказать: ни вкуса у нее, ни питательности.

Ну и, понятно, скучновато стало. Ходим мы вокруг нашей яхты, смотрим на горизонт и друг на друга посматриваем. Призрак голодной смерти встает перед нами. По ночам преследуют кошмары...

И вот однажды смотрю — подходит к нашему островку льдина. А на льдине пингины. Выстроились в одну шеренгу, как на смотру, кланяются.

Я тоже поклонился. А сам думаю: как бы с вами, господа пингины, познакомиться поближе? Берег тут крутой, не спустишься, а пингины, как их ни мани, сами не прилетят. Крылья-то у них бутафорские, так, больше для

формы. А с другой стороны, и упустить жалко: птички жирные, упитанные, так и просятся на жаркое.

Встали мы на краю утеса и смотрим на них с вожделием. Лыдина эта уткнулась в наш остров, прямо под мачтой. Пингвины загалдели, топают ногами, машут крыльями, тоже смотрят на нас.

И вот, знаете, я поразмыслил немножко, сделал необходимые расчеты в уме и решил соорудить этакую машину — пингвиноподъемник, что ли.

Ну, взяли пустую бочку, прибили к ней запасный штурвал, долбили дырку в дне, насадили на мачту, а сверху перекинули штормтрапы, связанные бесконечной лентой. Опробовал я это сооружение на холостом ходу. Вижу — должно работать. Вот только приманки нет. Кто их знает, чем эти птички интересуются. Спустил ботинок — ноль внимания. Спустил зеркало — результат тот же. Шарф, мясорубку пробовали — ничего не помогает.

И тут меня осенило.

Я вспомнил — висит у нас в каюте картинка «Разварной судак под польским соусом». Это мне один художник подарил. Очень натуральное изображение. И вот, знаете, спустил я эту картинку на шнурке. Пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины. Передний сунул голову в трап, тянется дальше — к судаку. Только просунул плавники, я крутанул бочку... Один есть!

И так-то славно дело пошло! Я сижу на мачте верхом, кручу бочку одной рукой, другой снимаю с конвейера готовую продукцию, передаю Фуксу, тот Лому, а Лом считает, записывает и выпускает на берег. Часа за три весь остров заселили.

Да. Ну, закончили пингвинозаготовку, и совсем по-другому жизнь пошла. Пингвины бродят по скалам, кругом птичий гомон, суета... Шумно, весело... Лом оживился, подвязал фартук, собрался стряпать. Первого пингвина зажарили на вертеле, и мы тут же, стоя, отведали,

заморили червячка. Потом стали помогать Лому, натаскали дров целую гору. Он отобрал что посуше, развел костер. Ну, доложу вам, и костер! Дым столбом, как из вулкана, скалы раскалились, только не светятся. Тут на вершине острова был небольшой ледничок, так он от жары растаял, понимаете, разогрелся, получилось этакое кипящее озеро. Ну, я решил воспользоваться и устроить баньку. Сперва постирали, развесили одежду для просушки, а сами сидим паримся. И тут я недосмотрел. Не следовало бы особенно увлекаться. Антарктика как-никак. Погода там неустойчивая, нужно бы учесть это, а я пренебрег, сам еще дровишек подкинул. Я люблю, знаете, баньку погорячее. Тут вскоре и результат последовал.

Скалы горячие, не ступишь. Жар пошел кверху, гудит, как в трубе. И, понятно, нарушилось равновесие воздушных масс. Со всех сторон налетели холодные атмосферные течения, нагнало тучи, хлынуло. Вдруг как грянет!

ГЛАВА XI,

в которой Врунгель расстается со своим кораблем и со своим старшим помощником

Оглушенный и ослепленный, я не сразу пришел в себя. Потом очнулся, смотрю — пол-острова вместе с яхтой как не бывало. Только пар идет. Кругом бушуют ветры, носится клочьями туман, море кипит и вареные рыбки плавают. Не выдержал раскаленный гранит быстрого охлаждения, треснул и разлетелся. Лом, бедняга, видимо, погиб в катастрофе, и судно погибло. Словом, конец мечтам. А Фукс — тот выкрутился. Смотрю, вцепился в какую-то доску и кружится на ней в водовороте.

Ну, тут, знаете, и я — раз-раз саженками! — подплыл к подходящей дощечке, улегся и жду. Потом море не-

сколько утихло и ветер спал. Мы с Фуксом понабрали вареной рыбы до полного груза, сколько доски выдержали, сблизились друг с другом и отдались на волю стихии. Я свернулся калачиком на доске, ноги и руки подобрал, лежу. И Фукс так же устроился. Плыдем рядышком по воле волн в неизвестном направлении, перекликаемся:

— Хау ду-ю-ду, Фукс? Как у вас?

— Олл райт, Христофор Бонифатьевич! Все в порядке!

В порядке-то в порядке, но все-таки, доложу вам, печальное это было плавание. Холодно, голодно и тревожно. Во-первых, неизвестно, куда вынесет, да и вынесет ли куда? А во-вторых, тут и акулы могут быть, так что лежи на доске, не двигайся. А начнешь маневрировать — привлечешь внимание хищников. Налетят — и не заметишь, как руки или ноги недосчитаешься.

Да. Ну, плывем так в праздности и в унынии. День плывем, два плывем... Потом я со счету сбился. Календаря с собой не было, и мы с Фуксом для контроля каждый отдельно дни считали, а по утрам сверялись друг с другом.

И вот однажды в ясную ночь Фукс спал, а я, удрученный бессонницей, решил произвести наблюдения. Конечно, без приборов, без таблиц степень точности такого определения весьма относительна, но одно мне удалось установить безусловно: как раз в эту ночь мы пересекли линию дат.

Вы, наверное, слышали, молодой человек, что море в этом месте ничего особенного не представляет и самую линию увидеть можно только на карте. Но для удобства плавания как раз тут проделывают некоторые фокусы с календарем: при плавании с запада на восток два дня считают тем же числом, а при плавании с востока на запад проделывают обратное действие — один день вовсе пропускают и вместо «завтра» считают сразу «послезавтра».

И вот утром я бужу Фукса и после взаимных приветствий говорю ему:

— Вы имейте в виду, Фукс, что у нас сегодня — завтра.

Он на меня глаза вытаращил. Не соглашается.

— Что вы, — говорит, — Христофор Бонифатьевич! В чем, в чем, а в арифметике вы меня не собьете.

Ну, я попытался объяснить ему.

— Видите ли, — говорю, — арифметика тут ни при чем. В плавании следует руководствоваться астрономией. Вы вот ночь спали, а я по Рыбам произвел определение.

— Я, — кричит Фукс, — тоже при помощи гастрономии, по рыбам! Вчера у меня три рыбы было, а сегодня одна рыбина и хвост... А у меня паек точный: полторы рыбы в день.

Ну, вижу, — явное недоразумение. Я имел в виду созвездие Рыб, а Фукс не расслышал половины и по-своему понял. Я попытался ему объяснить.

— Вот, — кричу, — Фукс! Смотрите: что у вас прямо над головой?

— Шляпа.

— Да не шляпа, — говорю. — Сам вы шляпа! Зенит у вас над головой.

— Ничего у меня не звенит! — кричит Фукс. — А у вас если звенит, вы не тревожитесь, это бывает от голода.

— Ладно, — говорю, — под вами что?

— Подо мной доска.

— Да нет, — говорю я, — не доска, а надир...

— Нет, моя гладкая...

Словом, вижу, так ничего не выйдет. Ладно, думаю, дай я с другой стороны подойду к вопросу.

— Фукс, — кричу, — как по-вашему, какова приблизительно широта нашего места?

Другой бы, более просвещенный в науках слушатель прикинул бы на глазок, определил бы широту по счисле-

нию; ну сказал бы там: сорок пять градусов зюйд... А Фукс четвертями измерил свою доску:

— Сантиметров сорок пять будет!

Словом, я понял: ничего из моих лекций не выйдет. Обстановка не та. Да и не до лекций, признаться. Ну, и, чтобы не возбуждать бесцельных споров, я приказал совсем прекратить счет дней. Если вынесет куда, спасемся, там нам скажут день и число, а здесь, в море, по существу, безразлично, когда тобой акула полакомится: вчера или послезавтра, третьего числа или шестого.

Словом, долго ли, коротко ли, как говорится, плыли мы, плыли, и вот однажды я просыпаюсь, гляжу — земля на горизонте. По очертаниям — будто Сандвичевы острова. К вечеру подошли поближе, так и есть: Гавай.

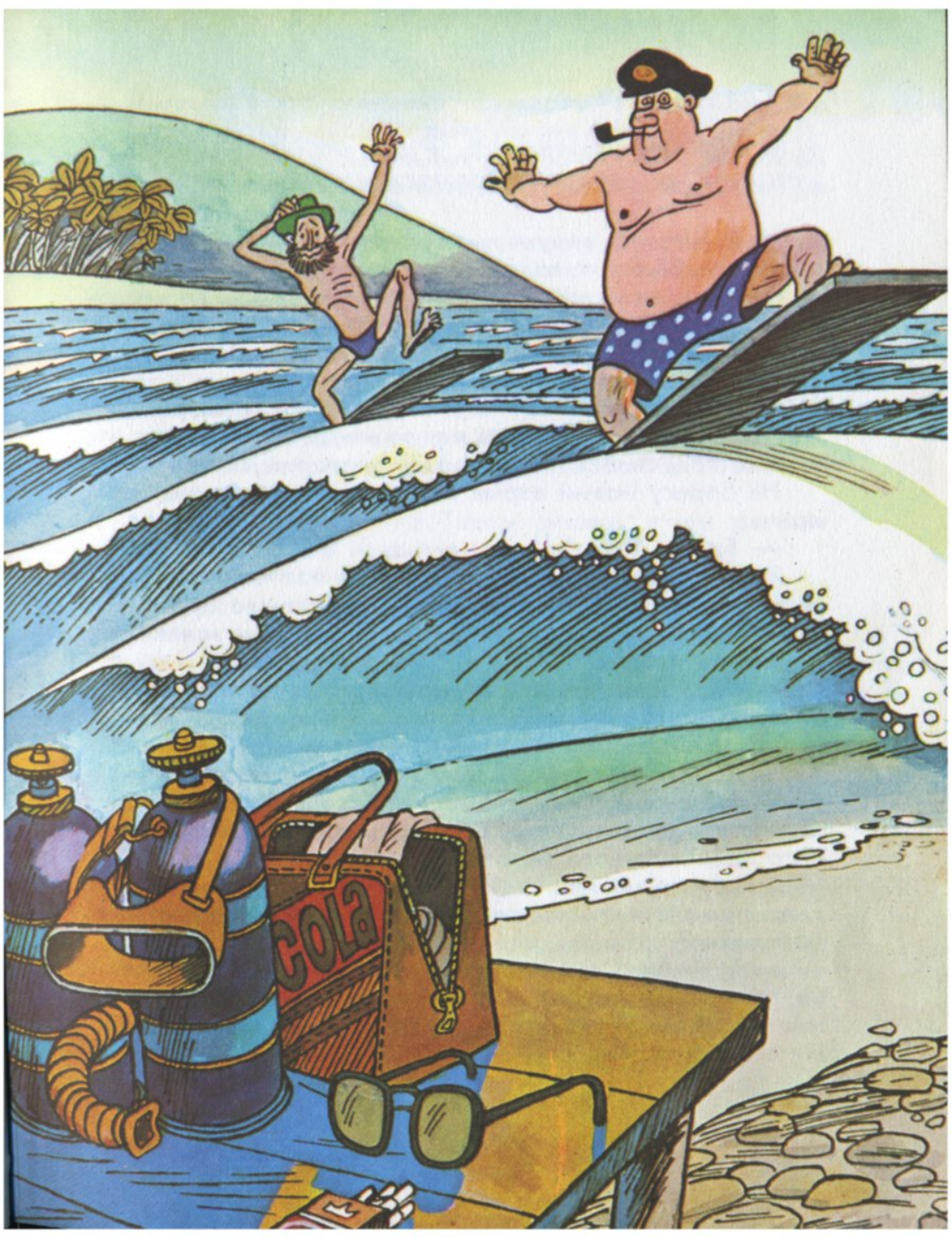
Удачно, знаете. Прекрасное это местечко. В старину, правда, здесь было не очень спокойно: кто-то кого-то тут ел. Капитана Кука вот съели...

Ну, а теперь-то давно уж туземцы вымерли, белым есть некого, а белых есть некому, так что тихо. А в остальном здесь рай земной: богатая растительность, ананасы, бананы, пальмы. А главное — пляж Уайкики. Со всего мира туда собираются купальщики. Там прибой замечательный. На его волнах местные жители, стоя на досках, катались.

Конечно, это тоже когда-то было... Но все-таки, знаете, молодцы: стоя! А мы что? Лежим барахтаемся, как котята. Мне даже неловко стало. И вот я выпрямился во весь рост, руки расставил, и представьте — удержался. Отлично удержался!

Тогда и Фукс на своей доске встал. Держится за шляпу, чтобы не слетела, балансирует. И вот таким манером, наподобие морских полубогов, мы несемся в бурунах, в брызгах пены. Берег ближе, ближе, вот волна лопнула, рассыпалась, а мы, как на салазках, так и выкатились на пляж.

в которой Врунгель и Фукс дают небольшой концерт, а затем торопятся в Бразилию

На берегу нас окружили какие-то дачники в купальных костюмах. Смотрят, аплодируют, фотографируют, а у нас, признаться, вид самый жалкий. Уж очень как-то неприлично без формы и без знаков различия. Так неудобно, что я решил скрыть свое имя и положение и остаться, так сказать, инкогнито...

Да. Ну, приложил пальцы к губам, показываю Фуксу жестом: молчите, мол. Но как-то неудачно, неловко это у меня получилось, вроде воздушного поцелуя...

На берегу новый взрыв восторга, аплодисменты, все кричат:

— Браво! Виват!

А я ничего не понимаю, однако делаю вид, будто вовсе и не удивлен, молчу, а сам жду, что дальше будет.

Тут подходит какой-то паренек в пиджачке и начинает объяснять публике:

— Вот, мол, хотя и существует распространенное мнение, будто туземцы Сандвичевых островов со времен цивилизации вымерли, однако это неверно. Дирекция пляжей Уайкики, стремясь доставить удовольствие уважаемой публике, отыскала двух живых гавайцев, которые только что продемонстрировали прекрасный вид старинного национального спорта.

Я слушаю, молчу, и Фукс молчит. Этот, в пиджачке, тоже помолчал, потом прокашлялся и пошел чесать, как по книжке:

— Туземцы Сандвичевых островов, гавайцы, или канаки, как их еще называют, отличаются стройным телосложением, мягким характером и природными музыкальными способностями...

Я на себя это описание примерил, вижу, что-то не то. Ну, характер действительно у меня мягкий, а что касается сложения и музыкальных способностей — это уж он напрасно... Я хотел было возразить, но смолчал. А он не унимается, продолжает:

— Сегодня вечером эти канакки дадут концерт на гавайских гитарах. Билеты продаются в кассе летнего театра, цены умеренные, в фойе танцы, буфет, прохладительные напитки...

Да. Ну, он еще поговорил, потом берет нас под руки, отвел в сторонку, спрашивает:

— Ну как?

— Да ничего,— отвечаю я,— благодарю вас покорно.

— Вот и прекрасно! А где вы остановились, позвольте поинтересоваться?

— Пока,— говорю,— в Тихом океане, а что дальше будет, не знаю. Не нравится мне, признаться...

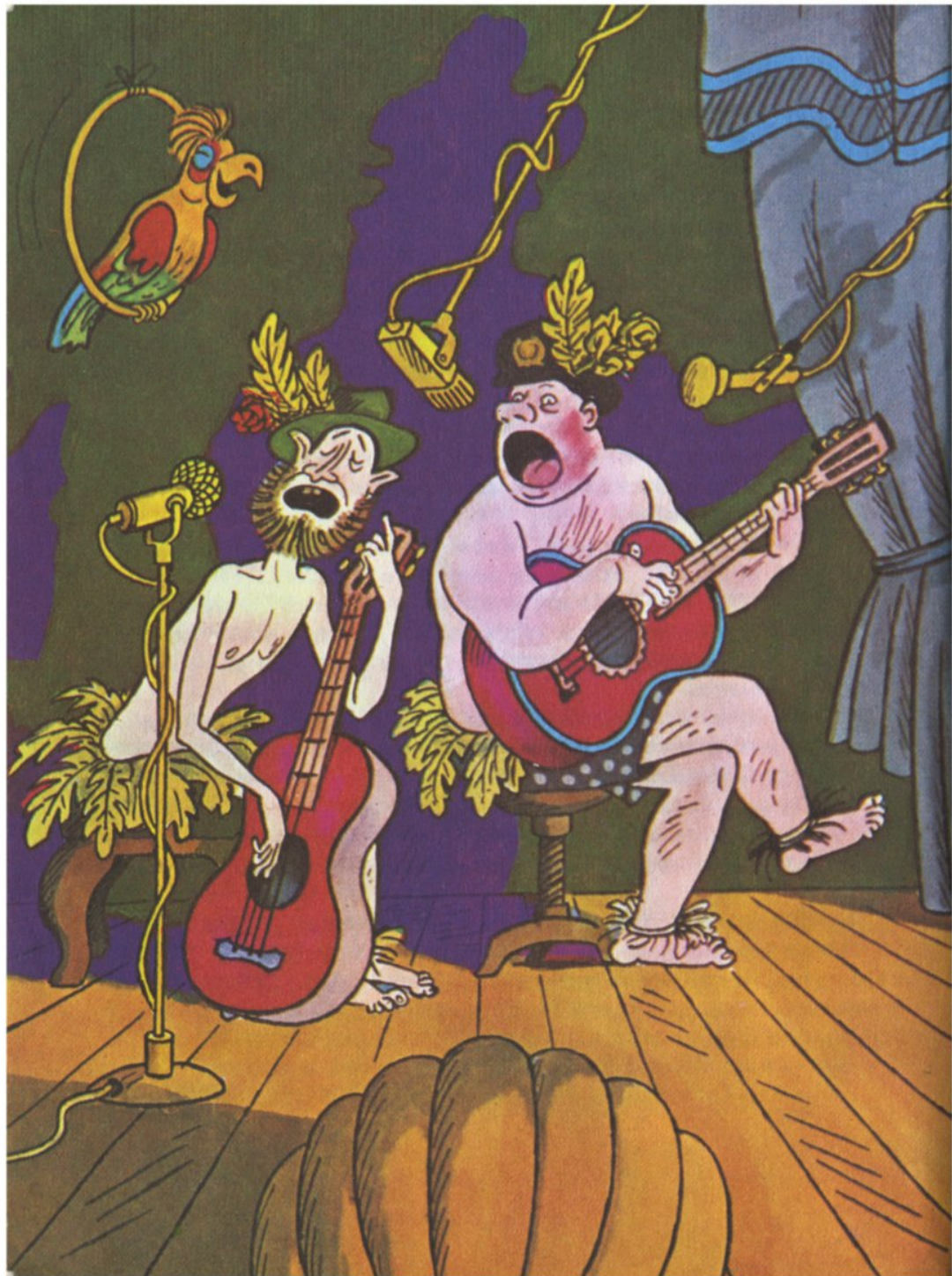
— Ну что вы! — возражает он.— «Тихий океан» — первоклассная гостиница. Лучше вы вряд ли найдете. Уверяю вас. А сейчас, простите, пора уже ехать, через полчаса начало.

И вот, знаете, усадил он нас в машину, повез куда-то. Там нам дали гитары, украсили цветами, вывели на эстраду, раздернули занавес...

Ну, я вижу, нужно петь. А что петь? Я, как на-зло, смутился, все песни забыл. И Фукс на что третий парень, а тоже растерялся, смотрит на меня, шепчет:

— Запевайте, Христофор Бонифатьевич, я подтяну.

Посидели мы минут десять, молчим. А публика в зале волнуется, негодует — того и гляди, начнется скандал. Ну, я закрыл глаза, думаю: «Эх, будь что будет...» Ударил по струнам и басом:

А что дальше петь, и не знаю.

Хорошо, Фукс выручил — подтянул дискантом:

Подкралась к ней корова...

А тут уж мы оба, хором:

Ухватила за ногу,
Птичка, будь здорова!..

И представьте, бурные аплодисменты сорвали.

Потом вышел на эстраду конференсье.

— Вот,— говорит,— эта старинная туземная песня, слова которой говорят о забытом способе охоты на птиц, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...

Да. Ну, потом еще на «бис» спели, раскланялись и пошли в контору. Там уплатили нам за выступление. Вышли мы, а куда идти? И пошли мы назад, к морю. Все-таки как-никак родная стихия, да и костюмы у нас для пляжа самые подходящие.

Идем по песочку. На пляже ни души. Поздно уже. Потом видим — какие-то двое все-таки сидят. Мы подошли к ним, разговорились. Они на порядки жалуются.

— Черт знает что такое! — говорят.— Мы артисты, подписали контракт изображать здесь гавайцев. Месяц целый учились на досках по морю ездить, песни разучили, а вот, сами видите...

Тут я все понял. Хотел было объяснить, вдруг, понимаете, ветер швырнул мне под ноги обрывок газеты. А я давненько газеты в руках не держал. Не погнушался, подобрал. Встал под фонарем и углубился в чтение. И, поверите ли, смотрю — фотография, на фотографии — мой старший помощник Лом, тут же «Беда» и трагическое

описание крушения у берегов Бразилии. И о Фуксе и обо мне несколько слов. Да какие еще слова! Я даже слезу пустил — до чего трогательно: «Отважные мореплаватели...», «Пропали без вести...».

Да. И тут же рядом в газете объявление:

«Пользуйтесь воздушным сообщением тихоокеанских линий. Регулярные рейсы в Штаты и в Бразилию».

— Вот что, Фукс,— говорю я,— пойдите-ка купите билеты на самолет в Бразилию да закажите что-нибудь из одежды. Мне китель и шинель, а себе — по усмотрению.

Фукс рад стараться, умчался, а я тут, на пляже, остался — этих фальшивых гавайцев развлекать... А то пойдут еще в театр, выяснится все это дело, скандал получится, задержка, неприятности...

— Послушайте,— предлагаю я,— день у вас все равно пропал, так, чем здесь сидеть, возьмем лучше лодочку да покатаемся. Смотрите — погода какая, тепло, луна светит...

Ну, и уговорил. А тут и Фукс вернулся, докладывает об успехах:

— Костюмы заказал, нынче же будут готовы, а вот с билетами, Христофор Бонифатьевич, худо. Взял один билет на завтрашний вечер, а больше и нет, все места проданы...

— Ладно,— говорю я,— мы это положение после обдумаем, а сейчас поедем покатаемся.

Ну, взяли лодочку и поехали. И так славно покатались! Ночь катались, весь день катались, осмотрели все окрестности и вернулись как раз вовремя: два часа до отлета самолета осталось. Распрощались мы с этими артистами, побежали к портному, а он, негодяй, запил, что ли, но только ничего не сшил.

Я, знаете, возвысил голос, отчитываю его, а он только руками разводит.

— Помилуйте,— говорит,— я же вас вчера ждал, вчера бы и приходили, а сегодня у меня ничего не готово.

Я вижу — проку не будет с такой логикой.

— Давайте,— заявляю,— что есть. Не в трусах же мне лететь, в самом деле!

Ну, он порылся в шкафу, достает макинтош.

— Вот,— говорит,— только и осталось из готового. Это мне прошлый год один джентльмен заказал, да что-то не берет.

Я посмотрел — материал добротный и покрой модный.

— Ладно,— говорю,— я беру, получайте, сколько следует.— Забрал макинтош и пошел.

— Вы бы,— советует Фукс,— его все-таки примерили. А то вдруг не в пору.

Ну, я вижу, дельный совет. Встал тут же в тени баньяна, развернул обновку, накинул. Смотрю, понимаете, новое несчастье: тот джентльмен, заказчик, или был вдвое выше меня, или на рост шил, уж и не знаю. Только на мне его макинтош несколько странно сидит.

И делать нечего. Назад нести — все равно ничего не подберешь, снизу отрезать — уж очень некрасиво получится, в самолет в таком виде, чего доброго, не пустят, а так носить — это и шагу не ступишь, в полах запутаешься. Но придумывать что-то нужно, да поскорее, а то самолет улетит, билет пропадет, и вовсе здесь застрянешь.

И тут, знаете, Фукс, молодец, не растерялся.

— О,— говорит,— да ведь это же замечательно! Мы в этом макинтоше по одному билету вдвоем улетим. Только разрешите, присядьте немножечко... Так... Подставьте плечи...

Ну, и, знаете, взгромоздился на меня, напаялил это пальтишко, застегнул на все пуговицы, одернул.

— А теперь,— говорит,— полный вперед, да поскорее, а то что-то нами полисмен интересуется.

Пошли.

Пришли в аэропорт, к самолету. Фукс предъявил билет, нас провели, показали место. Ну, уселись кое-как,— собственно, я уселся, а Фукс стоит на сиденье и головой подпирает потолок.

Я посмотрел в щелочку, вижу — и остальные пассажиры на местах. Всего, кроме нас, шесть человек. В самолете чистота, зеркала, различные удобства, публика вроде приличная...

Потом заревели моторы, самолет разбежался, хлоп, хлоп по воде, поднялся. Летим, ночь кругом. В небе звезды. Моторы ревут, а в остальном все спокойно. Пассажиры уснули, я тоже вздремнул, один Фукс бодрствует во всей кабине.

До утра так пролетели, а утром проснулись. Я смотрю в свою щелочку, прислушиваюсь — в кабине заметное оживление, все липнут к окнам, показывают друг другу и, судя по поведению, любуются видами Кордильер. Фукс тоже склонился к окну, а я волей обстоятельств принужден пропускать такое редкое зрелище и сидеть в темноте, как какой-нибудь преступник в тюрьме.

И так, знаете, обидно стало и скучно! Я сам себя утешаю: думаю, пусть смотрят на здоровье, а я найду занятие. Достал трубочку, набил, закурил, задумался. Вдруг слышу — паника в кабине. Пассажиры повскакали с мест, кричат, и чаще других раздается слово «пожар».

Я чувствую, Фукс меня бьет пятками по бокам, как осла. Я его ущипнул, а сам выглянул посмотреть... и все понял. Дым от моей трубки валит изо всех отверстий и действительно создает впечатление пожара.

*в которой Врунгель ловко расправляется с уда-
вом и шьет себе новый китель*

Я скорее вытряс пепел, трубку — в карман, прижал огонь каблуком. Сижу молчу. А тут летчик просунул голову в кабину, и я несколько воспрянул духом. Все-таки, думаю, бывалый человек, наверное, не в такие переделки попадал — не терялся, успокоит их, и все уладится... А он, представьте, сам струсил.

Смотрю, побледнел, ахнул, ухватился за какой-то рычаг... Трах! Ну, затем шум моторов утих, только слышно — ветер свистит. Потом хлопнуло где-то вверху, как из пушки, кабина вздрогнула, рванулась и тихо стала приземляться.

Пассажиры недоумевают, а я сразу догадался, в чем дело. Теперь-то этим никого не удивишь. А в то время это было последнее слово техники: устроили такое приспособление на самолетах. Называется: «Ступай вниз». Если какая авария — взрыв, пожар или крыло отвалится, — летчик одним движением отделяет кабину, и она самостоятельно опускается на парашюте. Полезное приспособление, что и говорить, но в данном случае применение его было явно преждевременным.

В другой обстановке я бы поспорил с летчиком, указал бы ему на ошибку, но тут, сами понимаете, делать нечего. Самолет летит дальше, по генеральному курсу, только крылья сверкают. Мы не торопясь садимся всё ниже. Дым от трубки несколько рассеялся, но пассажиры и не думают успокаиваться. Напротив, смотрю — волнение растет, переходит в тихую панику, и Фукс нервничает: того и гляди, вскочит с места.

Один я сохранил спокойствие и соображаю: рейс, конечно, прерван, билеты дальше недействительны, но

один из нас, как ни верти, все равно «заяц», и при посадке придется давать объяснения. А это нежелательно. Начнутся расспросы, поиски виноватого, представят дело так, что я причина аварии, а тогда и не разделаешься.

И я, знаете, решил прикинуться посторонним. А тут и момент самый подходящий: внимание у пассажиров ослаблено, каждый думает о себе, многие вовсе лишились чувств, и как раз над нами люк в потолке кабины...

Вам, молодой человек, не приходилось плавать по Амазонке? Нет. Вот и прекрасно, и не стремитесь. Не рекомендую.

А мне, знаете, пришлось.

Вылезли мы с Фуксом через люк, осмотрелись. Видим — под ногами река, кабина спускается ниже... ниже... Сели.

Ну, я склонился над люком, кричу:

— Добро пожаловать, господа! Рад приветствовать вас в столь диких и недоступных местах.

Тут и пассажиры стали вылезать поодиночке. Видят — посадка совершилась благополучно, стали успокаиваться, смотрят на нас во все глаза. Ну, я вижу, настал момент взаимных представлений. Вы сами понимаете, правду я сказать не могу, приходится изворачиваться.

— Так вот,— говорю,— господа: я, разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую тут с научной целью. А это мой слуга и проводник индеец Фукс. Будем знакомы. Я здесь обжился, привык. Уж вы позвольте мне считать вас своими гостями.

— Пожалуйста, пожалуйста,— отвечают они.— Очень приятно.

А сам вижу — не верят. Косятся на нас... Да и понятно: какой уж профессор в трусиках? Я чувствую, нужно их

занять разговором, сказать что-нибудь значительное, отвлечь внимание.

— Простите,— спрашиваю,— а здесь все прибывшие?

Они переглянулись, потом кто-то заявляет:

— Был еще один высокий джентльмен.

— Был, был,— подтвердили другие,— он еще загорелся...

— Ах, вот как! Особенно интересно. Ну-ка, Фукс,— говорю,— спуститесь вниз, посмотрите, не нужна ли помощь пострадавшему.

Фукс залез в кабину, потом вылезает и подает щепотку пепла: вот, мол, все, что осталось.

— Ах,— говорю я,— какое несчастье! Высокий джентльмен, видимо, сгорел дотла. Ну что ж поделаешь, мир праху его... А теперь, господа, давайте вытащим парашют, он еще пригодится.

Ну, разобрали стропы, тянем, как невод. Я командую:

— Раз, два, взяли! Вира помалу...

Вижу, они стараются, но с непривычки дело плохо идет.

Вдруг смотрю — побросали стропы, бегут назад на корму, так сказать, столпились там и дрожат от страха. Фукс, тот вовсе нырнул в люк, выглядывает оттуда, показывает на парашют. А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

— Ай, мама!

Ну, я обернулся и вижу — действительно «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. Свернулся клубком, как в гнезде, смотрит на нас, выбирает жертву.

А у меня никакого оружия, одна трубка в зубах...

— Фукс,— кричу я,— подайте-ка что-нибудь потяжелее!

Тот высунулся из люка, подает какой-то снаряд. Я прикинул — ничего, увесистая штучка.

— Давайте еще! — кричу, а сам встал на изготовку, нацелился.

И удав тоже нацелился. Разинул пасть, как пещеру... Я размахнулся — и прямо туда.

Да только что удаву такая пустяковина? Проглотил, понимаете, как ни в чем не бывало, даже не поморщился. Я второй снаряд туда же, он и его проглотил. Я бросился к люку, кричу Фуксу:

— Давайте скорее все, что есть!

Вдруг слышу за спиной страшное шипение.

Обернулся, гляжу — удав раздувается, шипит, из пасти хлещет пена...

«Ну, — думаю, — сейчас бросится!»

А он, представьте, вместо этого неожиданно нырнул и пропал.

Мы все замерли, ждем. Минута проходит, вторая. Пассажиры на корме начинают шевелиться, шепчутся. Вдруг эта барышня опять становится в ту же позицию и — на всю Амазонку:

— Мама!..

И вот видим — всплывает над водой нечто: блестящий баллон огромных размеров, чудовищной формы, весьма оригинальной окраски. И все, знаете, пухнет, пухнет...

Вот, думаю, новое дело! Чему бы это быть? Даже страшно стало. Потом смотрю — у этого баллона живой хвост. Бьет по воде и так и этак... Я как увидел хвост, так все и понял: снаряды-то эти были огнетушителями. Ну, встретились в пищеводе пресмыкающегося, столкнулись там, стукнулись друг о друга, разрядились и накачали удава пеной. Там знаете какое давление, в огнетушителях! Вот и раздулась змея, приобрела излишний запас плавучести, чувствует, что дело дрянь, хочет нырнуть, а живот не пускает...

У меня страх как рукой сняло. Я подошел к люку.
— Давайте,— говорю,— Фукс, выходите наверх.
Опасность миновала.

Фукс вылез, любитесь небывалым зрелищем, а пассажиры как услышали, что бояться нечего, бросились поздравлять друг друга, жмут мне руки. Только и слышно:

— Спасибо, профессор дорогой! Как это вы его?

— Да что! — отвечаю я.— Здесь, на Амазонке, ко всему привыкнешь. Удав — это пустяки, то ли еще бывает...

Ну и, знаете, после этого случая мой авторитет укрепился. А тут, к счастью, и с костюмами дело уладилось. У барышни этой нашлась коробочка с рукоделием. Я взял иголку, сшил себе китель из парашюта. Материал прекрасный, а вместо пуговиц я болты применил, отвинтил от кабины. Ничего получилось, прочно и красиво, только вот без гаечного ключа не разденешься. Ну, да это ведь мелочь, привыкнуть можно. А Фуксу готовый комбинезон нашли в аварийном запасе, точь-в-точь как был у него, только поновее.

Потом парусишки соорудили, мачту поставили, сделали руль. Пассажиры стоят вахту, плывем, промышляем черепах, ловим рыбку. Эта барышня стряпать выучилась... В общем, так бы ничего, вот только судно непригодное: валкое, и ход у него неважный.

Да. Ну, плывем все-таки, продвигаемся кое-как на восток, к берегам Атлантики. Месяца полтора так плыли. И чего только не насмотрелись по дороге: и обезьян, и лиан, и каучуковых деревьев!.. Для любознательного путешественника, конечно, интересно, но тяжело. Прямо скажу: тяжело!

Тут и вообще-то климат не очень завидный, а мы еще в дождливое время попали. Парит, как в бане, день и ночь туманы, жара, кругом комарье тучами; хорошо еще, лихорадку никто не схватил.

ГЛАВА XIV,

в начале которой Врунгель становится жертвой вероломства, а в конце снова попадает на «Беду»

Наконец все-таки прибыли в порт Пара. Причалили, высадились. Городишко, по совести говоря, неважный, так себе городишко. Грязно, пыльно, жара, по улицам собаки бродят. Но после дебрей лесов Амазонки и это в некотором роде очаг культуры. Хотя и то сказать — культура там своеобразная: народ свирепый, воинственный, все с ножами, с револьверами, по улице пройти страшно...

Да. Ну, побрились мы, почистились после тяжелого похода. Спутники наши распрощались, сели на пароходы и разъехались кто куда. Хотели и мы с Фуксом поскорее отсюда выбраться, да ничего не вышло: без документов не выпускают. Ну, застряли мы с ним, как раки на мели, на чужом берегу, без крова, без определенных занятий, без средств к существованию. Думали работенку какую найти — куда там! Только и есть вакансии на резиновых плантациях, но это опять надо на Амазонку, а мы уже там побывали, по второму разу что-то не тянет.

Побродили по городу туда-сюда и уселись на бульварчике под пальмой обсудить положение.

Вдруг подходит полицейский и приглашает нас к губернатору. Это, конечно, лестно, но я не любитель всех этих официальных приемов и встреч с высокопоставленными особами. Да тут ничего не поделаешь: приглашают — значит, надо идти.

Ну, приходим. Смотрим — сидит в ванне такая туша с веером в руках, фыркает, как бегемот, плещается, сопит. А по бокам два адъютанта в парадной форме.

— Вы,— спрашивает губернатор,— кто такие, откуда?

Я в общих чертах обрисовал положение, объяснил, как это все получилось, представился.

— Это,— говорю,— мой матрос Фукс, нанят в Кале, а я капитан Врунгель. Слыхали, наверное?

Губернатор, как услышал, ахнул, ухнул в ванну совсем с головой, веер свой уронил, пускает пузыри, захлебывается, чуть не погиб. Спасибо, адъютанты не дали потонуть, спасли. Ну, он отдышался, прокашлялся, побагровел.

— Как,— говорит,— капитан Врунгель? Тот самый? Это что же теперь будет? Беспорядки, пожар, революция, выговор по службе?.. Ну, знаете, конечно, восхищен вашим мужеством и ничего не имею против вас лично, но как лицо официальное приказываю вам немедленно покинуть вверенную мне территорию и к сему препятствий чинить не буду... Адъютант, выдайте капитану разрешение на выезд.

Адъютант рад стараться, моментально сочинил бумагу, шлепнул печать, подает. А мне только того и надо. Я поклонился, взял под козырек.

— Спасибо,— говорю,— ваше превосходительство! Весьма признателен за любезность. Совершенно удовлетворен вашими распоряжениями. Разрешите откланяться.

Повернулся и вышел. Пошел и Фукс за мной. Идем прямо к пристани. Вдруг слышу — сзади какой-то шум, топот. Я обернулся, смотрю — человек сорок в штатском, в широкополых шляпах, в сапогах, с ножами, с ручными пулеметами бегут за нами, пылят, обливаются потом.

— Вон они, вон они! — кричат.

Гляжу — за нами охотятся. Мгновенно взвесил соотношение сил и вижу — делать нечего, надо бежать. Ну, побежали... Добежали до какой-то будочки. Я изнемог, остановился дух перевести, сердце так и колотится —

устал. А как же... и возраст и жара. А Фукс — тому хоть бы что, он легок был на ходу.

Однако, смотрю, и он опечален событиями, побледнел, глаза бегают. Потом вдруг повеселел и так фамильярно хлопает меня по спине.

— Ну,— говорит,— капитан, стойте здесь. Я один побегу, а вас не тронут.

И пустился, только пятки сверкают.

Такого поступка я от него, признаться, не ожидал, расстроился даже. Эх, думаю, будь что будет... Одно спасение — лезть на пальму. Полез. А эта орава все ближе. Я обернулся, смотрю — народ дородный, свирепый, невоспитанный. Ну и струхнул, признаться. Так напугался, что даже слабость почувствовал. Вижу — конец пришел. «Уж скорей бы»,— думаю. Вцепился в пальму, повис, замер и вот слышу — они уже здесь, рядом, сопят, топчутся. И разговоры слышу; из разговоров я понял, что это за народ. Я-то думал, бандиты, разбойники, охотники за скальпами, а оказалось — просто жандармы, только переодетые. Не знаю, жара ли повлияла или другая какая причина, но губернатор, оказывается, спохватился, пожалел о своей любезности и приказал нас разыскать и линчевать на всякий случай.

Только, вижу, медлят они с этим делом. Минуту жду, десять минут. Не трогают. У меня уже руки устали, дрожат, вот-вот сорвусь, упаду. Ладно, думаю, все равно один конец. Ну, и слез с пальмы... И, представьте, не тронули. Постоял, подождал — не трогают. Пошел не спеша — не трогают, расступились даже, как от огня.

Ну, тогда побрел я опять на бульвар, сел под той пальмой, где мы с Фуксом сидели, и задремал. Да так задремал, что не заметил, как и ночь прошла. А утром на рассвете явился Фукс, разбудил меня, поприветствовал.

— Видите, капитан,— говорит,— не тронули вас.

— Да почему, объясните?

— А вот,— смеется он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакатик: череп с молнией, две кости и подпись: «Не трогать — смертельно!»

Где уж он этот плакатик подцепил, не берусь вам сказать, но надо думать, что в той будке, на бульваре, трансформатор стоял. Иначе откуда бы...

Да-с. Ну, посмеялись мы, побеседовали. Фукс, оказывается, времени зря не терял — взял билеты на пароход. А на пристани я предъявил свой пропуск, и нас отпустили без разговоров. Даже каюту предоставили и счастливого пути пожелали.

Мы расположились по-барски и отправились в Рио-де-Жанейро пассажирами.

Прибыли благополучно, высадились. Навели справки.

Оказывается, «Беду» тут, недалеко, выбросило на берег. Повредило, конечно, но Лом показал себя молодцом, все привел в порядок, поставил судно в стапеля, а сам зажил отшельником. Все ждал распоряжений, а мне, вы сами понимаете, распорядиться было трудненько.

Ну, мы с Фуксом наняли местный экипаж — этакую корзинку на колесах,— подхлестнули волов, поехали. Едем по берегу и наблюдаем печальную, но поучительную картину местных нравов: человек двести негров таскают кофе и сахар со склада на берег и прямо мешками в воду — бултых, бултых! В море не вода, а сироп. Кругом мухи, пчелы. Мы засмотрелись. Полубопытствовали, что это за странное развлечение такое. Нам объяснили, что цены на сахар низкие, товары девать некуда, ну и таким вот образом исправляют экономику, поднимают уровень жизни. Словом, мол, все нормально, и иначе ничего не поделаешь. Да. Поехали мы дальше. И вот видим — наша красавица «Беда» стоит на бережку, ждет твердой командирской руки, а рядом какой-то верзила

разгуливает. Чистый разбойник: шляпа как зонтик, на боку косарь, штаны с бахромой. Увидел нас — бросился. Ох, думаю, зарежет!

Но не зарезал, нет. Это Лом, оказывается, обжился здесь, нарядился по местной моде.

Ну, встретились, облобызались, поплакали даже. Вечером поболтали: он о своих злоключениях рассказал, мы — о своих.

А с утра вышибли клинья из-под кия, спустили яхту на воду, подняли флаг. Я, признаться, даже слезу пустил. Ведь это, молодой человек, большая радость — очутиться на родной палубе. А еще бо́льшая радость, что дело продолжается. Можно двигаться смело в дальнейший путь. Только и осталось — отход оформить.

Ну, уж это я взял на себя. Прихожу к начальнику порта, «команданте дель бахия» по-ихнему, подал бумаги.

И вот этот команданте, как увидел меня, сразу надулся, как жаба, и принялся кричать:

— Ах, так это вы капитан «Беды»? Стыдно, молодой человек! Тут сплошные доносы на вас. Вот адмирал Кусаки жалуется: какой-то остров вы там разрушили, кашалота обидели... И губернатор сообщает: самовольно покинули порт Пара...

— Как же так,— говорю,— самовольно? Позвольте,— и подаю свой пропуск.

А он и смотреть не стал.

— Нет,— говорит,— не позволю. Ничего не позволю. Одни неприятности из-за вас... Убирайтесь вон!..— Потом как гаркнет: — Лейтенант! Загрузить яхту «Беда» песком вплоть до полного потопления!

Ну, я ушел. Заторопился на судно. Прихожу. А там уже и песок привезли, и какой-то чиновник крутится, распоряжается.

— Это вашу яхту приказано загрузить песком? Так

вы,— говорит,— не беспокойтесь, я не задержу, в одну минутку сделаем...

Ну, признаться, я думал, что тут-то наверняка конец. Потонет яхта, потом доставай. Но, представьте, и тут сумел использовать обстоятельства в благоприятном смысле.

— Стойте, молодой человек! — кричу я.— Вы каким песком хотите грузить? Ведь мне надо сахарным, первый сорт.

— Ах, вот как! — говорит он.— Ну что ж, пожалуйста, сию минутку.

И, знаете, те же негры побежали, как муравьи, загрузили яхту, забили трюм, надстройки, на палубу навалили сахар, прямо в мешках.

«Беда» моя, бедняжка, садится глубже, глубже, потом — буль-буль-буль... И глядим — только мачты торчат. А потом и мачты скрылись.

Лом с Фуксом в горе глядят на гибель родного судна, у обоих слезы на глазах, а я, напротив, в отличном настроении. Приказал разбить лагерь тут на берегу. Пожили мы три дня, а на четвертый сахар растаял, смотрим — яхта наша всплывает не торопясь. Ну, мы ее почистили, помыли, подняли паруса и пошли.

Только вышли, смотрю — на берег бежит команданте с саблей на боку, кричит:

— Не позволю!

А рядом вприпрыжку старый знакомый, адмирал Кусаки, тоже ругается:

— Разве это работа, господин команданте? За такую работу, пожалуйста, деньги обратно.

«Ну,— я думаю,— ругайтесь себе на здоровье». Помахал им ручкой, развернулся и пошел полным ходом.

в которой адмирал Кусаки пытается поступить на «Беду» матросом

Из Бразилии наш путь лежал дальше на запад. Но через материк, сами понимаете, не пойдешь, и пришлось уклониться к югу. Я проложил курс, расставил вахты и пошел. Шли в этот раз прекрасно. Ветерок дул, как по заказу, из-под носа буруны, за кормой дорожка, паруса звенят, снасти обтянуты. Миль по двести за сутки отсчитывали, а сами сложа руки сидели. Лом с Фуксом обленились совсем, дисциплина начала падать, и я решил занять экипаж судовыми работами.

— Ну-ка,— говорю,— Лом, довольно вам загорать. Займитесь-ка медными частями. Надрайте так, чтобы огнем горело.

Да. Ну, сказал. Лом козырнул: есть, мол.

Натер кирпича, берет тряпку, и пошла работа.

Только я спустился в каюту вздремнуть, слышу — беспокойство на палубе. Вскочил, бросился к трапу, а навстречу Фукс. Бледный, дрожит.

— Пожалуйте,— говорит,— Христофор Бонифатьевич, на палубу. У нас, кажется, пожар.

Выскочил я. Смотрю — и вправду: горит палуба в двух местах. А Лом как ни в чем не бывало сидит чуть поодаль от очагов огня и драит медную уточку. Только я пригляделся, смотрю — и тут палуба вспыхнула.

Я, знаете, растерялся даже.

— Лом,— кричу,— объясните, в чем дело?

А тот встает, берет под козырек и спокойно так рапортует:

— Согласно вашему приказанию, драю медные части так, чтобы огнем горело. Какие последуют распоряжения?

Я было хотел разнести Лома, да вовремя сдержался. Вижу — сам виноват. А как же, знаете, — писатель или там артист может, конечно, позволить себе некоторые вольности в выражениях, а у нас в морском деле — точность прежде всего. Нам стихи писать некогда. Отдаешь распоряжение — думай, что говоришь, а то попадешь на такого, как Лом, — человек он внимательный, аккуратный, привык исполнять команду в буквальном значении, к тому же и силушка у него богатырская, — так, знаете, и до аварии недалеко.

Ну, вижу, нужно исправлять последствия своей ошибки. И распорядился мигом:

— Отставить драить медные части! Пробить пожарную тревогу!

Фукс бросается к колоколу. Лом, согласно расписанию тревоги, остается у места возникновения пожара, а я в руле. Звону много, а толку никакого. Огонь ширится. Горит, как факел. Того и гляди, до парусов дойдет. Ну, я вижу, дело дрянь. Развернулся кругом, стал против ветра. И помогло, знаете. Сдуло огонь. Он у нас за кормой поболтался таким огненным шлейфом, оборвался и погас. Фукс успокоился. И Лом понял, что перестарался. Да-с.

Ну, а затем легли на прежний курс, заменили дефектные части палубы, без дальнейших приключений обогнули мыс Горн, прошли мимо Новой Зеландии и благополучно прибыли в Сидней, в Австралию.

И вот, представьте, подходим к портовой стенке и кого встречаем? Думаете, кенгуру, утконоса, страуса-эму? Нет! Подваливаем. Смотрю — на берегу толпа, а в толпе, в первом ряду, — адмирал Кусаки собственной персоной.

Как он туда попал, откуда, зачем — черт его знает! Одно несомненно, что это именно он. Мне, признаюсь, стало неприятно и даже, знаете, как-то не по себе.

Ну, подошли, встали. Адмирал затерялся в толпе. А я, как только подали сходни, так сразу на берег, в порт. Представился властям, доложил о прибытии, побеседовал с чиновниками. Сперва, как полагается, о погоде, о здоровье, о местных новостях, а потом между разговором закидываю удочку: может, думаю, удастся узнать, что тут этот Кусаки делает и какую еще пакость готовит.

Чиновники, однако, ничего не сказали, сослались на неосведомленность. Ну, я поболтал с ними еще и отправился прямо к капитану порта. Поздоровался и объяснился начистоту: меня, мол, один японский адмирал преследует.

— Один? — говорит тот. — Ну, мой дорогой, вам повезло. Я сам от таких адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не приказано ни помогать, ни противодействовать. Чем другим рад служить. Не угодно ли виски с лимонадом? Обедать ко мне пожалуйста, сигару, может быть, выкурите? А с адмиралом вы как-нибудь сами улаживайте...

Да-с. Словом, вижу — неприятная история. Сейчас, конечно, адмирал Кусаки для нас не фигура. Да, по правде сказать, мы их и тогда-то не больно боялись, но все-таки, знаете, дела с ними иметь, прямо скажем, не очень любили.

Вот я вам про Италию имел случай рассказать. Там заправила мечтали всю Африку к рукам прибрать, пол-Европы, четверть Азии... А на востоке японские бояре (самураи по-ихнему) так же вот размечтались — подай им весь Китай, всю Сибирь, пол-Америки...

Вообще-то, конечно, мечтать никому не заказано. Полезно даже порой пофантазировать. Но когда такой вот фантазер нацепит погоны да сядет на боевом корабле у заряженной пушки — тут и неприятность может случиться... Размечтается да прицелится, прицелится да бабахнет.

Хорошо, как промахнется. А ну как попадет? Да тут такое может случиться, что к ночи лучше и не вспоминать!

Вот поэтому мы и старались таких фантазеров стороной обходить. Но прямо скажу — не всегда это нам удавалось. Такие упрямые среди них попадались мечтатели, что другой раз никак не отвяжешься. Вот и мне такой достался — господин Кусаки, адмирал. Как встретились тогда в китолюбивом комитете, так и прицепился ко мне, как репей.

И конечно, не только в мои дела адмиралы эти носовали. Им до всего было дело: там сравить кого с кем, там обогнуть под шумок, там пошарить, там понюхать для интереса: где нефтью пахнет, где рыбой, где золотом?.. И конечно, не мы одни понимали это. Но там на этих фантазеров сквозь пальцы смотрели — не помогали и не препятствовали. Так сказать, на развод берегли для остротки и для обеспечения взаимной безопасности.

Да-с. Ну, это я вам могу объяснить, а с капитаном порта такой разговор неуместен. Поблагодарил я его, распрощался. Так и ушел ни с чем и мер принять не сумел.

Вернулся на яхту, сел чайку попить. И вот смотрю — поднимается на борт маленький человечек, по всем признакам японский кули. В худеньком пиджачишке, с корзиночкой в руках. Робко так подходит и объясняет, что тут, в Австралии, погибает с голоду, и просится на службу матросом. Да так настойчиво.

— Пойдете, — говорит, — по Тихому океану, там тайфуны, туманы, неисследованные течения... Не справитесь. Возьмите, капитан! Я моряк, я вам буду полезен. Я и прачкой могу быть, и парикмахером. Я на все руки...

— Ладно, — говорю, — зайдите через час, я подумаю.

Ушел он. А ровно через час, смотрю, посольская машина останавливается невдалеке.

Ну, я взял бинокль и вижу — вылезает оттуда мой японец, берет корзиночку и не спеша направляется к судну. Кланяется этак почтительно и опять ту же песню:

— Возьмите... Не справитесь...

— Вот что,— говорю,— убедили вы меня. Вижу сам, что придется брать матроса. Но только не вас, молодой человек.

— Почему же?

— Да так, знаете, цвет лица у вас очень неестественный. У меня на этот счет взгляды несколько устаревшие, но вполне определенные: по мне, если уж брать арапа, так черного. Негра взял бы, папуаса взял бы, а вас, уж не обижайтесь,— не возьму.

— Ну что ж,— говорит он,— раз так, ничего не поделаешь. Простите, что я вас побеспокоил.

Поклонился и пошел. Вскоре и мы собрались прогуляться. Привели в порядок одежду, побрились, причесались. Яхту прибрали, каюту заперли. Идем все втроем по улице, наблюдаем различные проявления местного быта. Интересно, знаете, в чужой стране. Вдруг смотрим — странная картина: сидит чистильщик-негр, а перед ним на четвереньках наш японец. И этот негр его начищает черной ваксой. Да как! Там, знаете, чистильщики квалифицированные, из-под щеток искры летят... Ну, мы сделали вид, будто нам ни к чему, прошли мимо, отвернулись даже. А вечером пришли на судно — Фукс с Ломом утомились, а я остался на вахте, жду, знаете, того негра; думаю, как бы его встретить получше.

Вдруг подают мне пакет от капитана порта. Оказывается, скучает старик, приглашает на завтра составить партию в гольф. Я, признаться, даже и не знал, что это за игра. Но, думаю, черт с ним. Пусть проиграю, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу... Словом, ответил, что согласен, и стал собираться.

Разбудил Лома, спрашиваю:

— Что нужно для гольфа?

Он подумал, потом говорит:

— По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры, и больше ничего. Есть у меня рукава от старой тельняшки. Возьмите, если хотите.

Я взял, примерил. Брюки надел с напуском, китель подколол булавками в талии, и превосходно получилось: такой бравый спортсмен — чемпион, да и только.

Но для спокойствия я все-таки заглянул в руководство по гольфу, ознакомился. Вижу, игра-то самая пустяковая: мяч гонять по полю от ямки к ямке. Кто меньше ударов сделает, тот и выиграл. Но одними гетрами тут не отделаешься: нужны разные палки, клюшки, дубинки — чем бить, и еще помощник-мальчик нужен — таскать все это хозяйство.

Ну, пошли мы с Ломом искать снаряжение. Весь Сидней насквозь прошли — ничего подходящего. В одной лавочке нашли хлысты, да тонки, в другой нам полицейские дубинки предложили. Ну, да эти мне как-то не по руке.

А дело уже к ночи. Луна светит. Эдакие таинственные тени ложатся вдоль дороги. Я уж отчаялся. Где тут искать? Разве сучьев наломать?

И вот, видим — сад с высокой оградой и за оградой — различные деревья. Лом меня подсадил, перелезли, идем меж кустов.

Вдруг смотрю — крадется негр, верзила, и под мышкой тащит целый ворох палок для гольфа. Точь-в-точь такие, как в руководстве показаны.

— Эй, любезный, — кричу я, — не уступите ли мне свой спортивный инвентарь?

Но он либо не понял, либо от неожиданности — только гикнул страшным голосом, схватил дубинку, взмахнул над головой — и на нас... Я, скажу не стыдясь, испугался. Но тут Лом выручил: сгреб его в охапку и зашвырнул на дерево.

Пока он слезал, я подобрал эти палки, рассматриваю, вижу — точь-в-точь как в руководстве изображены. А работа какая! Я, знаете, просто размечтался, глядя, да тут Лом меня вывел из задумчивости.

— Пошли,— говорит,— Христофор Бонифатьевич, домой, а то что-то сыро здесь, как бы не простудились.

Ну, перелезли снова через ограду, вышли, вернулись на судно. Я успокоился: костюм есть, клюшки есть, теперь один мальчик остался... Да вот совесть еще несколько неспокойна: неудобно человека ни с того ни с сего так обездоливать. Но, с другой стороны, он сам первый напал, да и клюшки эти мне всего на денек нужны — в аренду, так сказать... Словом, с инвентарем дело кое-как утряслось.

А с мальчиком еще лучше уладилось: утром, чем свет, слышу — кто-то зовет смиренным голосом:

— Масса капитан, а масса капитан!

Я выглянул.

— Я,— говорю,— капитан, заходите. Чем могу служить?

И вижу: приятель, вчерашний японец, собственной персоной, но уже под видом чернокожего. Я-то его маскировку видел, а то бы и не узнал — до того он ловко свою наружность обработал: прическа-перманент под каракуль, физиономия до блеска начищена, на ногах соломенные тапочки и ситцевые брюки в полоску.

— Вам,— говорит,— масса капитан, я слышал, негр-матрос нужен.

— Да,— говорю,— нужен, только не матрос, а бой для гольфа. Вот тебе клюшки, забирай да пойдем...

Пошли. Капитан порта меня уже ждал. Уселись мы с ним в машину. Проехали с час.

— Ну,— говорит мой партнер,— начнем, пожалуй? Уж вы, надеюсь, как джентльмен не обманете меня в счете?

Он уложил свой мячик в ямку, размахнулся, ударил. Ударил и я. У него прямо пошло, а у меня в сторону. Ну, и загнал я свой мяч к черту на рога. Кругом кусты, овраги, буераки, местность, что и говорить, живописная, однако сильно пересеченная. Негр мой измучился, да и понятно: палки тяжелые, жара, духота. С него пот градом, в три ручья, и, знаете, весь его грим поплыл, вакса растаяла, и он уже не на негра, а на зебру стал похож: вся физиономия желтая с черным, в полоску. Устал и я, признаться. И вот вижу — ручей течет, а там ручьи редкость.

— Давай-ка,— говорю,— вот здесь отдохнем, побеседуем. Тебя звать-то как?

— Том, масса капитан.

— Дядя Том, значит. Ну, ну. Пойдем-ка, дядя Том, умоемся.

— Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу.

— А,— говорю,— ну, раз табу, как хочешь. А то бы умылся. Смотри-ка, ты весь полинял.

Не нужно бы мне этого говорить, да уж сорвалось, не воротишь. А он промолчал, только глазами сверкнул и уселся, будто палки перекладывает.

А я к ручью. Вода холодная, чистая — хрусталь. Освежаюсь, фыркаю, как бегемот. Потом обернулся, смотрю — он крадется, и самая тяжелая дубинка в руке. Я было крикнул на него, да вижу — поздно. Он, знаете, размахнулся — и в меня этой дубинкой. Попал бы — и череп долой. Но я не растерялся: бултых в воду!

Потом выглянул, вижу — он стоит, зубы оскалил, глаза горят, как у тигра, вот-вот бросится...

Вдруг что-то сверху хлоп его по прическе! Он так и сел. Я подбегаю, ищу избавителя — нет никого, только дубинка эта лежит... Поднял я ее, осмотрел, вижу — вместо фирменной марки на ней туземный святой изображен. Ну, тут я понял: вместо клюшек для гольфа я вчера бумеранги у папуаса отобрал. А бумеранг знаете какое оружие? Им

без промаху надо бить, а промахнулся — смотри в оба, а то вернется и как раз вот так хлопнет по черепу. Да.

Ну, осмотрел я дядю Тома. Слышу — пульс есть, значит, не смертельно. Взял его за ноги и потащил в тень. Тут, понимаете, у него из кармана вываливаются какие-то бумажки. Я подобрал, вижу — визитные карточки. Ну, читаю, и что бы вы думали? Черным по белому так и написано:

Х А М У Р А   К У С А К И
А Д М И Р А Л

«Вот ты, — думаю, — где, голубчик! Ну, полежи, отдохни, а мне некогда, игру надо продолжать, а то партнер обидится».

Да. Ну, пошел дальше, гоню мяч и сам не рад, что связался с этим гольфом, но отступить не в моем характере. Бью, считаю удары. Тяжеленько, знаете. С помощником еще туда-сюда, а одному просто зарез: ударить надо посильнее, и мяч отыскать, и палки тащить. Ноги ноют, руки не слушаются. В общем и целом получается, что не я мяч гоню, а он меня. Ну, и загнал: кругом болотце, осока, какая-то речка течет, кочки на берегу...

«Так, — думаю, — сейчас до речки догоню, отдохну, искупаюсь».

Размахнулся, ударил. Вдруг все эти кочки повскакали и давай прыгать...

Это, оказывается, не кочки были, а стадо кенгуру. Видимо, испугались — и врассыпную. А мяч мой одной кенгурихе со всего размаха в сумку. Она взвизгнула да как припустит... И хвостом и ногами работает. Передними лапами держится за сумку и мимо меня прыг, прыг...

Ну, что тут делать? Я бросил палки — и за ней. Нельзя же мяч потерять.

И такая получилась скачка с препятствиями, что до сих пор вспомнить весело.

Сучья под ногами хрустят, камни разлетаются...

Я устал, но не сдаюсь, не выпускаю ее из поля зрения. Она присядет отдохнуть, и я присяду; она в путь, и я в путь...

И вот животное, знаете, растерялось, сбилось с курса от страха. Ей бы в чащу, в кусты, а она на чистое место, на шоссе, прямо к Сиднею.

Вот уж и город видно, сейчас улицы начнутся. Народ на нас смотрит, кричит, полицейский на мотоцикле гонится, засвистел... Тут, видимо испугавшись, животное делает этакую фигуру в воздухе, наподобие мертвой петли. Мяч мой выскакивает из сумки, я бросаюсь за ним, наклоняюсь и в ту же секунду получаю чувствительный толчок пониже спины. Ну, доложу вам, и ощущение! Прямо, как говорится, ни встать, ни сесть.

Но я все-таки встал, отряхнулся. Тут народ кругом: сочувствуют, предлагают помощь, а мне не помощь, мне палка нужна: мяч тут, и ямка уже недалеко, а бить нечем. Ну, и сжалился один джентльмен, дал свою тросточку. На восемьдесят третьем ударе я закончил игру.

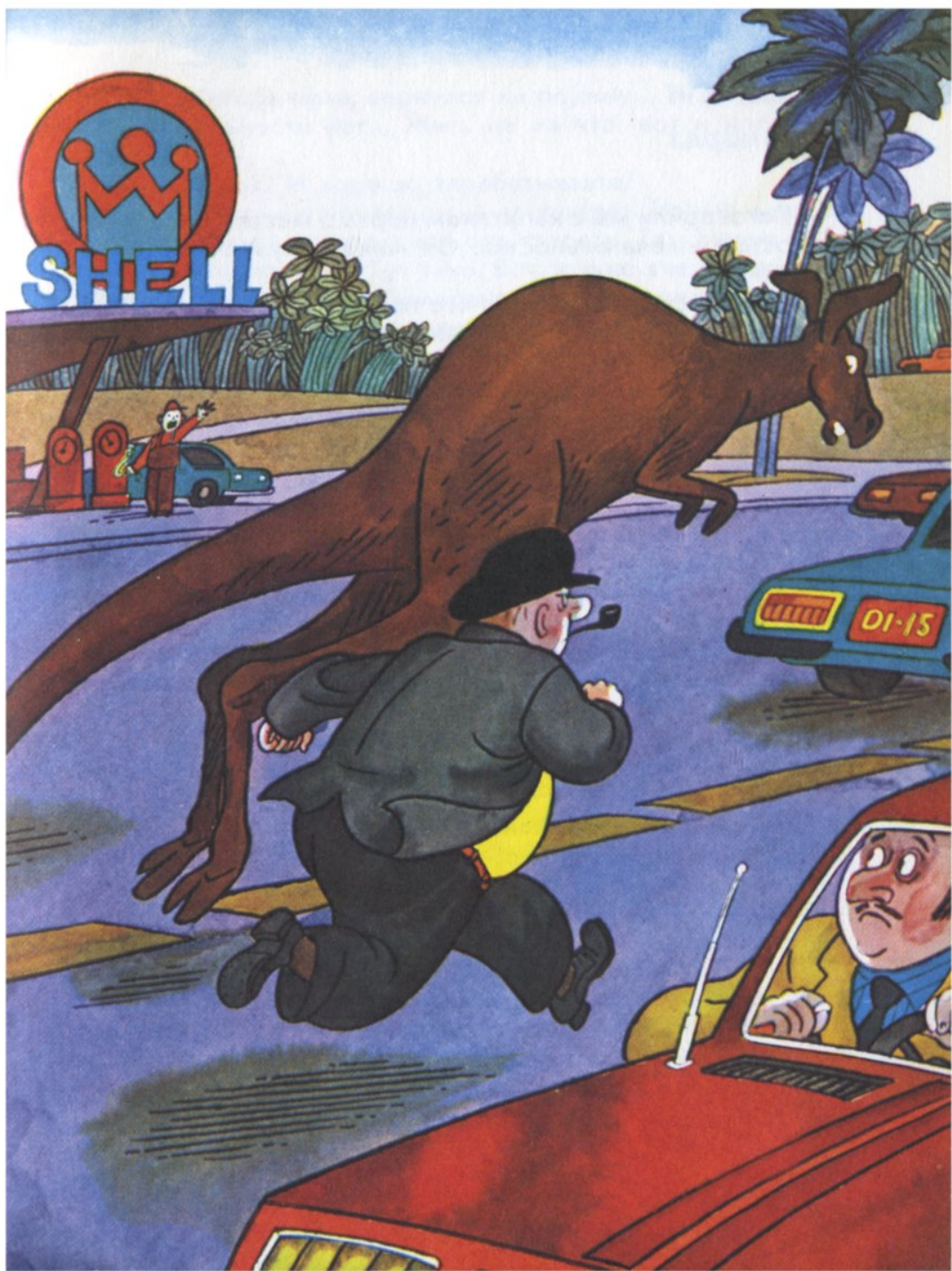
Капитан порта просто разахался.

— Поразительный,— говорит,— результат! Вы подумайте: такой трудный участок, и неужели всего восемьдесят четыре удара?

— Так точно,— отвечаю я,— восемьдесят три, ни больше ни меньше...

А про кенгуру я умолчал. В руководстве о кенгуру ничего не сказано, в правилах игры тоже. И выходит, что если животное непреднамеренно оказало помощь, так это уж, знаете, его дело.

Поговорили мы с капитаном порта о местных новостях, о достопримечательностях. Он меня в музей пригласил. Пошли.

Там действительно есть что посмотреть: модель утконоса в натуральную величину, собака динго, портрет капитана Кука...

Но только я задержу внимание на какой-нибудь детали, мой спутник тянет меня за рукав и дальше влечет.

— Идемте,— говорит,— я вам самое главное покажу: живой экспонат — вождь дикарей в полном вооружении, особенно интересно...

Ну, входим в зал. Там сделан этаким загончик, вроде как в зоопарке, и разгуливает здоровенный папуас с удивительной прической на голове... Увидел нас, издал воинственный возглас, взмахнул дубинкой над головой... Я было попятился. А потом вспомнил тех артистов в Гонолулу и, по правде сказать, согрешил. «И это,— думаю,— тоже, наверное, артист». Ну и решил расспросить потихоньку, без свидетелей, как это он до такой жизни дошел.

Распрощался повежливее с капитаном.

— Спасибо,— говорю,— за компанию, очень здесь интересно. Но вас я не смею задерживать, а сам, с вашего позволения, еще посмотрю...

И остались мы с папуасом наедине. Разговорились.

— А вы,— спрашиваю,— признайтесь, настоящий папуас или так?

— Ну, что вы,— отвечает тот,— самый настоящий, сын вождя, учился в Оксфорде, в Англии. Окончил университет с золотой медалью, защитил диссертацию, получил

звание доктора прав, вернулся на родину... А тут работы по специальности нет... Жить не на что, вот и поступил сюда...

— Вот как! И хорошо зарабатываете?

— Да нет,— отвечает он,— не хватает. Ночью еще по совместительству городской сад стерегу. Там лучше платят и работа полегче. Тут тихо. Вот только вчера какие-то дикари напали, отняли бумеранги. Сегодня не знал, с чем и на службу идти. Хорошо, догадался: у меня со студенческих лет набор палок для гольфа остался, с ними и пошел. И ничего, не замечает публика...

Да. Ну, распрощались. Тут бы можно и покинуть Австралию, но у меня остался долг чести, так сказать: вернуть оружие вождю папуасов и посмотреть, что с моим адмиралом.

И вот, знаете, снарядились мы по-походному, яхту сдали под надзор портовых властей, а сами отправились все втроем.

Идем в глубь страны по следам недавних событий, читаем книгу природы: вот здесь я за кенгуру гнал, вот здесь ручей, здесь бумеранг лежал, здесь сам Кусаки... Однако нет ни того, ни другого.

А здесь я последние палки бросил. Но и тут, знаете, пусто. Как корова языком слизнула.

Ну, побродили, обыскали все кругом. Тот же результат. Только с дороги сбились. В море-то я хорошо ориентируюсь, а на суше, бывает, и заблужусь. А тут кругом пустыня — ориентиров нет. К тому же жара и голод... Фукс с Ломом ропщут потихоньку, а я креплюсь: положение обязывает, как ни говорите. Да.

Недели три так бродили. Измучились, похудели. И сами не рады, что пошли, да теперь уж делать нечего... И вот, знаете, однажды разбили мы бивуак, прилегли отдохнуть, а жара — как в бане. Ну, и разморило, заснули все.

Не знаю, сколько уж я проспал, но только слышу сквозь сон: шум, возня, воинственные крики. Проснулся, продрал глаза, гляжу — Фукс тут, под кустом, спит крепким сном, как младенец, а Лома нет. Посмотрел кругом — нигде нет. Ну, тогда беру бинокль, осматриваю горизонт и вижу — мой старший помощник Лом сидит у костра, а кругом, понимаете, дикари и, судя по поведению, едят моего старшего помощника...

Что делать? Я тогда складываю ладони рупором и во все горло кричу:

— Отставить есть моего старшего помощника!

Крикнул и жду..

И вот, поверите ли, молодой человек, слышу, как эхо, доносится ответ:

— Есть отставить есть вашего старшего помощника!

И действительно, смотрю — отставили. Закидали костер, поднялись и все вместе направляются к нам.

Ну, встретились, поговорили, выяснили недоразумение. Оказалось, папуасы с северного берега. У них тут и деревня была недалеко, и море тут же, а Лома они вовсе и не собирались есть. Напротив, угостить нас хотели, а Лом их уговорил подальше от бивуака костер разложить: боялся потревожить наш сон. Да.

Ну, подкрепились мы. Они спрашивают:

— Куда, откуда, с какими целями?

Я объяснил, что ходим по стране и скупаем местное оружие старинных образцов для коллекции.

— А, — говорят, — кстати попали. Вообще-то у нас этого добра не бывает. Это хозяйство мы давно в Америку вывезли, а сами на винтовки перешли. Но сейчас случайно есть небольшая партия бумерангов...

Ну, и отправились мы в деревню. Притащили они эти бумеранги. Я как глянул, так сразу и узнал свои спортивные доспехи.

— Откуда это у вас? — спрашиваю.

— А это,— отвечают они,— один посторонний негр принес. Он сейчас поступил военным советником к нашему вождю. Но только его сейчас нет, и вождя нет — они в соседнюю деревню пошли, обсуждают там план похода.

Ну, я понял, что мой воинственный адмирал здесь окопался, и вижу — надо уходить подобру-поздорову.

— Послушайте,— спрашиваю,— а где у вас ближайшая дорога в Сидней, или в Мельбурн, или вообще куда-нибудь?

— А это,— отвечают они,— только морем. По суше и далеко и трудно, заблудитесь. Если хотите, можете здесь пирогу зафрахтовать. Ветры сейчас хорошие, в два дня доберетесь.

Я выбрал посудину. И странная, доложу вам, посудина оказалась. Парус вроде кулька, мачта — как рогатина, а сбоку за бортом — нечто вроде скамеечки. Если свежий ветер, так не в лодке надо сидеть, а на этой скамеечке как раз. Мне, признаться, на таком судне ни разу не приходилось плавать, хоть я в парусном деле и не новичок. Но тут делать нечего, как-нибудь, думаю, справлюсь.

Погрузил бумеранги, взял запасов на дорогу, разместил экипаж. Я в руле, Лом с Фуксом за бортом, вместо балласта. Подняли паруса и пошли.

Только отошли, смотрю — за нами в погоню целый флот. Впереди большая пирога, а на носу у нее — мой странствующий рыцарь: сам адмирал Кусаки в форме папуасского вождя.

Я вижу — догонят. А сдаваться, знаете, неинтересно. Если бы одни папуасы, с ними бы я сговорился — все-таки австралийцы, народ культурный,— а этот... кто его знает? Попадешься вот так, живьем сожрет... Словом, вижу, как ни вертись, а надо принимать сражение.

Ну, взвесил обстановку и решил так: вступать в бой, проливать кровь — к чему это? Дай-ка лучше я их искупаю. Таким воякам первое дело — голову освежить. А тут

ветер боковой, крепкий, команда у них вся за бортом, на скамеечках. Так что обстановка самая благоприятная. Ну и если сделать этакий штырь подлиннее да быстро развернуться...

Словом, в две минуты переоборудовал судно, сделал поворот и полным ходом пошел на сближение. Идем на контркурсах. Ближе, ближе. Я чуть влево беру руля и, знаете, как метлой смел балласт с флагманской пироги, со второй, с третьей. Смотрю — не море кругом, а суп с фрикадельками. Плынут папуасы, барахтаются, смеются — так раскупались, что и вылезать не хотят.

Один Кусяки недоволен: вскарабкался на пирог, кричит, сердится, фыркает... А я, знаете, просемафорил ему: «С легким паром», развернулся и пошел назад в Сидней.

А там, в Сиднее, возвратил бумеранги владельцу, попрощался с партнером по гольфу, поднял флаг.

Ну конечно, провожающие были, принесли фрукты, пирожные на дорогу. Я поблагодарил, отдал швартовы, поднял паруса и пошел.

ГЛАВА XVII,

в которой Лом вновь покидает судно

На этот раз неудачно все получилось. Едва миновали берега Новой Гвинеи, нас нагнал тайфун чудовищной силы. «Беда», как чайка, металась по волнам. Нырнет, выскочит, снова нырнет. Горы воды падают на палубу. Снасти стонут. Ну что вы хотите — тайфун!

Вдруг яхта, как волчок, закрутилась на месте, а секунду спустя ветер совершенно затих. Лом и Фукс, незнакомые с коварством тайфуна, облегченно вздохнули. Ну, а я понял, в чем дело, и, признаться, пришел в большое рас-

стройство. Попали в самый центр урагана. Тут, знаете, добра не жди.

Ну и началось. После непродолжительного затишья ветер снова засвистел, как тысяча чертей, паруса лопнули со страшным треском, мачта согнулась, как удочка, переломилась пополам, и весь рангоут вместе с такелажем полетел за борт.

В общем, потрепало нас как надо.

А когда разъяренный океан несколько успокоился, я вышел на палубу и осмотрелся. Разрушения были огромны и непоправимы. Запасные паруса и концы, правда, хранились у нас в трюме, но на одних парусах без мачт, сами понимаете, не пойдешь. И тут, вдали от больших океанских дорог, нас ждала страшная участь: мы годами могли болтаться среди океана. А это, знаете, перспектива не из приятных.

Угроза медленной смерти нависла над нами, и, как всегда в таких случаях, я вспомнил свою долгую жизнь, свое милое детство.

И вот, представьте себе, воспоминание это дало мне ключ к спасению.

Еще будучи мальчиком, я любил клеить и запускать воздушных змеев. Ну, и вспомнив об этом прекрасном занятии, я воспрянул духом. Змей! Бумажный змей — вот спасение!

Корзины от прощальных подношений пошли на каркас. Ну, а потом мы сварили клейстер, собрали все бумажное, что было на судне — газеты, книжки, разную коммерческую корреспонденцию, — и принялись клеить. И скажу вам, не хвастаясь, змей получился на славу. Уж кто-кто, а я-то в этом деле специалист. Ну, а когда высохло это сооружение, мы выбрали канат подлиннее, выждали ветерок, запустили...

И ничего, знаете, прекрасно потянуло, пошла наша яхта и снова стала слушать руля.

Я развернул карту, выбираю место, куда зайти для ремонта. Вдруг слышу странные какие-то звуки. Потрескивает что-то на палубе. Встревоженный, поднимаюсь и вижу страшную картину: конец, на котором держался наш змей, зацепился за брашпиль и к моменту моего прихода перетерся и, как говорится, на волоске держится.

— Аврал! Все наверх! — скомандовал я.

Лом и Фукс выскочили на палубу. Стоят, ждут моих распоряжений.

Но распорядиться было нелегко. Тут, сами понимаете, нужно бы наложить узел. Но ветер усилился, канат натянулся, как струна, а струну, знаете, не завяжешь.

И я уже думал — все кончено. Но тут исполинская сила Лома нашла надлежащее применение. Он, понимаете, хватается одной рукой за канат, другой за скобу на палубе, напрягает бицепсы. На канате появляется слабина...

— Так держать, не отпускать ни в коем случае! — скомандовал я, а сам стал накладывать узел.

Но тут вдруг неожиданно шквал налетает на нас с кормы, змей рванулся, скоба вылетела из палубы, как морковка из грядки, и Лом взвился в облака, едва успев крикнуть:

— Есть так держать!

Ошеломленные, мы с Фуксом посмотрели вслед. А Лома уже и не видно совсем. Мелькнула в облаках черная точка, и наш храбрый товарищ покинул нас среди океана...

Наконец я пришел в себя, взглянул на компас, заметил направление, оценил на глаз погоду. И, должен сказать, выводы получились неважные: свежий ветер силою в шесть баллов со скоростью двадцати пяти миль в час уносил моего старшего помощника к берегам Страны восходящего солнца. Мы же снова беспомощно болтались по волнам, лишённые двигателя и управления.

Я расстроился, ушел с горя спать и, только немного забылся, слышу — Фукс меня будит. Ну, я протер глаза, поднимаюсь и, поверите ли, вижу: коралловый остров справа по курсу. Все как полагается: пальмы, лагуна... Тут, знаете, если пристать, можно и парусишки кое-как соорудить. Словом, фортуна, как говорится, нам улыбнулась, но, увы, улыбка-то эта оказалась фальшивой.

Посудите сами: ветерок гонит нас не спеша, вот мы поравнялись с островом, вот он рядом, рукой подать... Но ведь это только так говорится, а поди-ка найди руку в двести сажен... Словом, ясно: проносит мимо.

Другой бы на моем месте растерялся, но я, знаете, не таков. Морская практика рекомендует в подобных случаях забрасывать на берег якорь на конце. Рукой, конечно, не забросишь: тут нужна пушка или ракета. Ну, понятно, я бросаюсь в каюту, ищу указанные предметы, перерыл, перекопал всё — нет, понимаете, ни ракет, ни пушки: недосмотрел, не захватил при отправлении. Лезут под руки все больше предметы туалета: галстуки, подтяжки.... Из них, знаете, пушки не сделаешь.

Но тут вновь небольшая экскурсия в прошлое подсказала мне план дальнейших действий.

Я, видите ли, не могу сказать, чтобы в детстве отличался примерным поведением. Напротив, с общепризнанной точки зрения, я хотя хулиганом и не был, но озорником был, не скрою. И такой инструмент, как рогатка, никогда не покидал моего кармана... Да.

Вспомнил я это дело, и меня как осенило: пушку, конечно, из подтяжек не соорудишь, а рогатку — почему же? И вот я хватаю шесть пар тугих резиновых подтяжек и устраиваю на палубе такую рогатку увеличенных размеров.

Ну, а дальше понятно: заряжаю ее небольшим якорем, затем мы вместе с Фуксом лебедкой натягиваем ее потуже. Я команду:

— Внимание!

Затем обрубая конец, и якорь взвивается, унося с собой тонкий, но прочный канат. И вижу — порядок! Якорь взял.

А полчаса спустя мы уже были на берегу, и наши топоры звенели, нарушая торжественную тишину девственного леса.

Конечно, тяжеленько пришлось вдвоем, но справились. Отлично справились.

Тайфун потрепал нас изрядно, пришлось, знаете, заново проконопатить борта, просмолить всю яхту, а главное, поставить новый рангоут и такелаж. Пришлось потрудиться на славу. Но зато всё поправили. А с мачтой так просто прекрасно у нас уладилось: выбрали небольшую стройную пальмочку, выкопали вместе с корнями, да так и поставили целиком. Сверху укрепили, как полагается, вантами, а внизу, в трюме, вместо балласта насыпали земли, полили, и, знаете, принялась наша мачта.

Ну, потом скроили паруса, сшили, подняли и пошли.

Управлять судном с таким вооружением, конечно, несколько непривычно, но зато есть и удобства: листья над головой шумят, зелень ласкает глаз... Потом плоды на пальме созрели, и так это приятно, знаете: стоишь на вахте, жара, мучает жажда, но стоит вам несколько подняться по мачте, и в руке у вас молодой кокосовый орех, полный свежего молока. Прямо не яхта, а плавающая плантация...

Да. Идем так, поправляемся на фруктовой диете, держим курс к месту предполагаемой посадки Лома. День идем, два идем. И вот на третий день по носу у нас открылась земля. В бинокль видно: порт, входные знаки, город на берегу... Зайти бы, конечно, недурно, но я, знаете, воздержался, не пошел. Там вообще-то иностранцев не очень ласково тогда принимали, а у меня, тем более, личные счеты с господином Кусаки. Ну его к свиньям.

Самая печальная, так как в ней «Беда» гибнет, на этот раз уже безвозвратно

Вот я и пошел сторонкой. Иду. День прошел — ничего, а к ночи пал туман. Такой туман — ничего не видно, хоть глаз выколи. Со всех сторон сигналы, гудки, сирены воют, звонят колокола... Тревожно, но зато, знаете, весело. Да только недолго продолжалось это веселье. Слышу, летит на нас быстроходное судно. Пригляделся, вижу — миноносец на полном ходу. Я — право на борт. Смотрю, и он право на борт. Я влево, и он влево...

И вот, понимаете, страшный удар, борта затрещали, вода хлынула на палубу, и «Беда», рассеченная пополам, стала медленно погружаться в пучину.

Ну, вижу, конец!

— Фукс,— говорю я,— берите спасательный круг и плывите прямо на восток. Здесь недалеко.

— А вы? — спрашивает Фукс.

— А мне,— говорю,— некогда. Вот запись нужно сделать в журнале, с судном попрощаться, а главное, мне туда не по дороге...

— И мне, Христофор Бонифатьевич, тоже не по дороге. Не тянет меня туда.

— Напрасно, Фукс,— возражаю я,— там все-таки берег, различные красоты, священная гора Фудзияма...

— Да что красоты! — отмахнулся Фукс.— Там с голоду ноги протянешь. Работы не найдешь, а по старой специальности, по карточной части, мы против них никуда не годимся. Обдерут, как липку, по миру пустят. Уж я лучше с вами.

И так меня тронула эта верность, что я ощутил прилив сил. «Эх,— думаю,— рано панихиду петь!» Осмотрел размеры повреждений, достал топор.

— Аврал! — командую.— Все наверх! Снасти долой, рубить мачту!

Фукс рад стараться. Такую энергию проявил, что я просто удивился. Да и то сказать: ломать — не делать, душа не болит.

Ну, и не успели мы оглянуться, пальма наша уже за бортом. Фукс прыгнул туда, я ему передал кое-какие ценности. Бросил спасательный круг, компас вместе с нактоузом, пару весел, анкерок воды, из гардероба кое-что...

А сам все на палубе, на «Беде». И вот чувствую, настает последняя минута: корма вздыбилась, корпус погружается, сейчас нырнет...

У меня слезы брызнули из глаз... И тут, знаете, я хватаю топор и собственной рукой вырубая кормовую доску с буквами...

Ну, а затем в воду и — к Фуксу на пальму. Сажусь верхом и наблюдаю, как океан поглощает остатки моего многострадального судна.

И Фукс наблюдает. И вижу — у него тоже слезы на глазах.

— Ничего,— говорю,— не унывайте, мы еще с вами поплаваем. То ли еще бывает...

Да. Ну, знаете, посмотрели еще на то место, где волны сомкнулись над судном, и стали устраиваться. И, представьте, устроились не без удобств.

Конечно, после яхты чувствуется некоторый недостаток комфорта, но все же самое необходимое было у нас. Установили компас, соорудили кое-как парусишко из старой тельняшки, спасательный круг на ветку повесили, а кормовую доску я вместо письменного стола приспособил.

В общем, все хорошо, вот только ногам мокро.

И вот однажды видим — сзади, за кормой, дымок. Я уж думал — опять тот миноносец, но оказалось, что это

просто «купец» — бродячий пароход под английским флагом. Я не хотел просить помощи: как-нибудь, думаю, сам доберусь. Но тут так получилось.

Я, как заметил судно, сейчас же достал письменные принадлежности и стал делать соответствующую запись в вахтенном журнале. А капитан этого парохода, со своей стороны, заметив нас, взял подзорную трубу и, понятно, обнаружил не совсем блестящее положение нашего судна, если можно назвать судном подобное сооружение.

Но он все же сомневался, идти ли на помощь, поскольку мы не проявляли признаков паники и не подавали соответствующих сигналов...

Вот тут-то, понимаете, обстоятельства и сложились так, что он неожиданно изменил свое решение.

Я, видите ли, как раз в это время закончил запись и поставил свой временный стол, так сказать, стоймя. И вот буквы блеснули. Капитан увидел слово «Беда» и принял его за призыв на помощь или за сигнал бедствия, что ли. Ну, повернул к нам, а полчаса спустя нас уже подняли на борт, и мы с капитаном за чаркой рома обсуждали этот забавный случай...

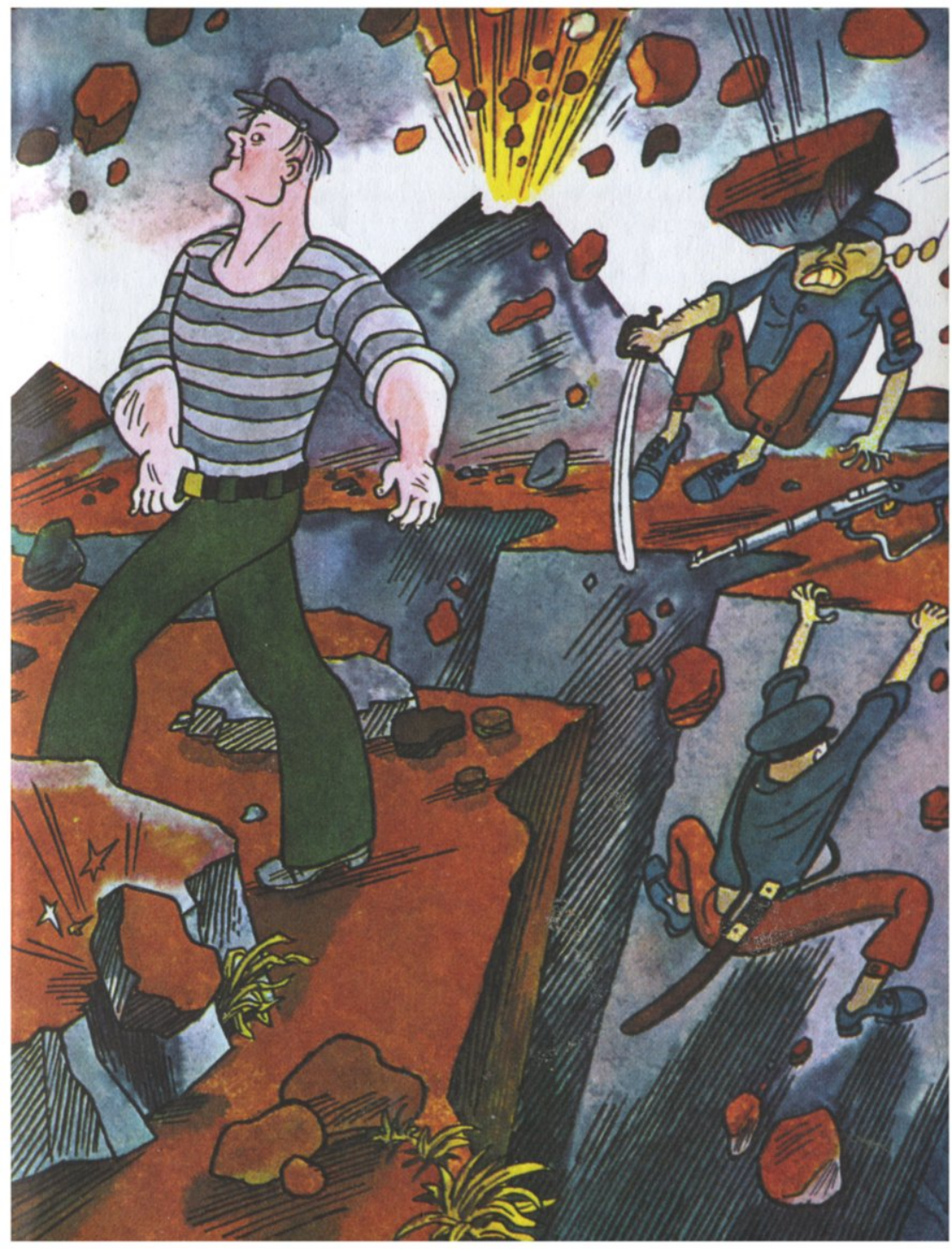
Да. Пальму я ему подарил, он ее в салоне приказал поставить, весла, компас тоже отдал, а себе оставил круг и кормовую надпись. Все-таки, знаете, память.

Ну, посидели. Он рассказал, что идет в Канаду за лесом, потом о новостях поговорили, потом он ушел, а я остался еще почитать свежие новости.

Сижу, перелистываю газеты. Ну, что там в газетах? Больше всё объявления, комиксы, утки, сплетни, всякая дезинформация... И вдруг — заголовок на всю страницу: «Налет с воздуха... Преступник бежал!»

Я заинтересовался, понятно. Читаю и вижу — весь этот шум из-за Лома. Он, оказывается, на своем змее снизился возле самой Фудзиямы. Тут, конечно, собралась толпа, змея разорвали в клочья, разобрали на память.

А змей-то ведь был из газет. Ну и взялась за это дело полиция. Обвинили Лома в незаконном провозе запрещенной литературы. Я не знаю, чем бы это кончилось, но тут, к счастью, небо покрылось тучами, раздались глухие подземные удары... Толпу охватила паника, и все разбежались в ужасе.

На склоне священной горы только и остались мой старший помощник Лом и чины японской полиции.

Стоят, смотрят друг на друга. Земля под ними колеблется... Это, конечно, необычное состояние для поверхности нашей планеты, и у многих оно вызывает различные проявления страха. Но Лом — он, знаете, всю жизнь на борту, привык к качке... Ну, и не сумел надлежащим образом оценить грозную силу происходящего, пошел не спеша вверх по склону горы. А тут, понимаете, как это говорится, «земля разверзлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней. А затем все покрылось хлопьями сажи и мраком неизвестности.

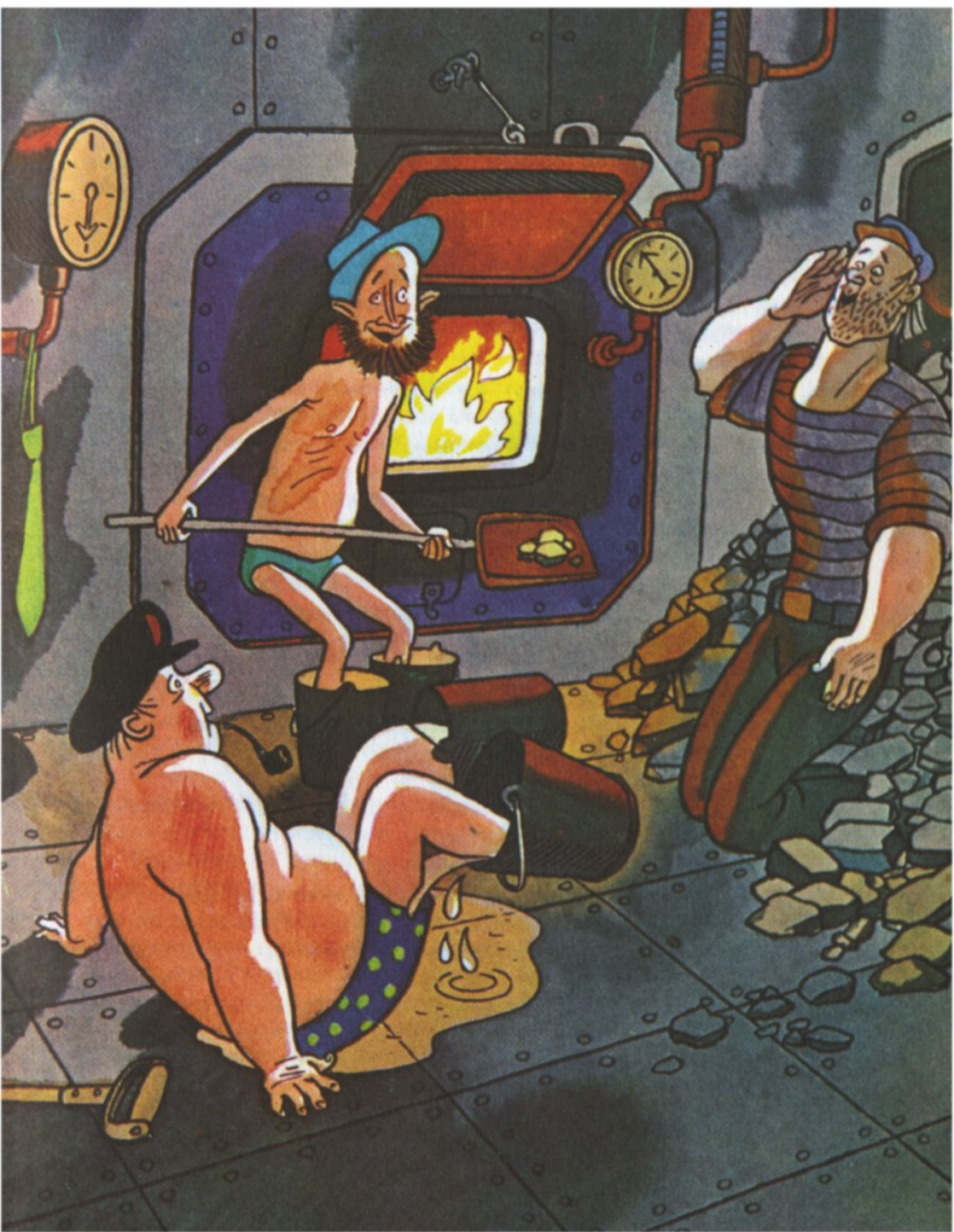
Полиция потеряла следы Лома и теперь ищет его. Но тщетно.

ГЛАВА XIX,

в конце которой неожиданно появляется Лом и поет про себя

Вот, собственно, и все, что я узнал из газет. Но, знаете, и этого достаточно, чтобы расстроиться. И так не сладко. Шутка ли! Судно потерял, а тут еще товарищ и помощник попал в такую историю. Была бы яхта, плюнул бы на Кусяки, пошел бы выручать Лома. А теперь жди, пока придем в порт назначения. И оттуда надо как-то выбираться, и в кассе у нас с Фуксом не густо, и пароход идет медленно.

Я — к капитану.

— Нельзя ли,— говорю,— прибавить ходу?

— Рад бы,— отвечает тот,— да у меня кочегаров мало, не справляются, еле пар держат.

Ну, знаете, я подумал, с Фуксом посоветовался, отдохнул еще денек, и нанялись кочегарами. Жалованье, конечно, небольшое, но, во-первых, на стол не тратиться, а во-вторых, за работой все-таки не так скучно, да и пароход скорее пойдет...

Ну, встали на вахту.

Спецовки там не дают, а у нас только и осталось, что на себе. Ну, разделись, в целях экономии остались в одних трусах. Это, впрочем, и лучше: жара там в кочегарке. А вот с обувью плохо. Под ногами уголь, горячий шлак, разуться — жарко, а обуться — жалко, последние ботинки погубишь.

Но мы, знаете, не растерялись: взяли четыре ведра, налили воды, и так-то славно получилось! Стоишь в них, в ведрах-то, как в калошах, а если уголек какой упадет, только «пшик» — и все тут.

Я в кочегарке справлялся легко, мне не впервой, а Фукс, вижу, сдает. Набил полную топку, уголь спекся корой, он его ковыряет лопатой.

— Эх,— говорю,— разве здесь лопатой что сделаешь? Здесь подломать надо. Где лом?

И вот, поверите ли, слышу — за спиной кто-то глухо так:

— Есть Лом к вашим услугам!

Обернулся, смотрю — из кучи угля вылезает мой старший помощник Лом: тощий, черный, небритый, но все же Лом собственной персоной. Я, знаете, так и сел от неожиданности!..

Ну, понятно, облобызались. Фукс даже слезу проронил. Дочистили втроем топки, уселись, и Лом рассказал о своих злоключениях.

В газете о нем все верно писали, кроме налета и злого умысла. Какой там налет — просто ветром занесло. Да. Ну, а когда колебания почвы прекратились, он спустился в город. Идет, боится, оглядывается по сторонам. И куда ни посмотри — полицейский, куда ни повернись — шпик...

Может, знаете, если бы он сохранил спокойствие, удалось бы проскользнуть незаметно, но тут столько нервных потрясений, ну и сдрейфил парень, стал прибавлять шаг и сам не заметил, как пустился бегом.

Бежит, оглядывается. А за ним бегут шпики, жандармы, полицейские, мальчишки, собаки, рикши, автомобили... Крик, гам, топот...

Ну, и куда тут податься? Он, знаете, вниз, к морю. Забрался в угольную гавань, закопался в уголь и сидит. А тут как раз этот пароход встал под погрузку. Грузят там по канатной дороге, цепляют прямо ковшом, сколько захватят, а над пароходом ковш опрокидывается.

Вот, знаете, и захватило Лома. Только он очнулся, хотел выскочить из ковша, думал, знаете, опять его ловят, а ковш уже поехал, потом перевернулся, а Лом даже ахнуть не успел и — хлоп в бункер!

Пощупал руки, ноги — все цело; уйти некуда, дышать есть чем... Ну и решил использовать вынужденное бездействие — выспаться хорошенько.

Закопался в уголь и заснул. Так и спал, пока не услышал моей команды.

Да. В общем, все к лучшему получилось. Экипаж «Беды» опять соединился, и мы стали строить планы возвращения. Тут и вахта подошла к концу, и вот я поразмыслил: мы-то с Фуксом попали на пароход законным порядком, как потерпевшие бедствие, а Лом — во-первых, «заяц», а во-вторых, вроде беглого преступника. Кто его

знает, этого капитана? Пока по-хорошему — и он хорош, а узнает об этой истории, выдаст Лома властям, а потом выручай его. Словом, я посоветовал.

— Сидите,— говорю,— тут. Вы теперь привыкли. Покушать мы вам принесем, а вахту вместе будем стоять. Оно и нам полегче — все-таки тридцать три процента экономии сил. Да так и безопаснее будет.

Ну, Лом согласился без споров.

— Только,— говорит,— скучновато будет. Там темно, а я теперь выспался. Не знаю, чем заняться.

— Ну,— возражаю я,— это можно придумать. Стихи хорошо в темноте сочинять, или вот попробуйте до миллиона считать — это очень помогает от бессонницы...

— А можно петь, Христофор Бонифатьевич? — спрашивает он.

— Да как вам сказать? — говорю.— Особенно я не рекомендовал бы, но если нравится — пойте, только про себя.

Да. Ну, достояли вахту. Сменились. Лом назад в бункер полез, мы с Фуксом — на палубу. Вдруг, смотрю, вылезают кочегары как ошпаренные.

Я спрашиваю:

— Что случилось?

— Да там,— отвечают они,— в бункере, какая-то нечисть завелась. Воеет, как сирена, а что воеет — непонятно.

Ну, я понял сразу.

— Постойте,— говорю,— я спущусь, выясню, в чем там дело.

Спускаюсь, слышу — действительно, звуки ужасные: мелодия несколько неопределенная, и слова не очень складные, но голос, голос... Не знаю, как вам и передать. Я раз на Цейлоне слышал, как слоны трубят, так то было райское пение.

Да. Прислушался я и понял, что это Лом поет. Ну, полез в бункер, хотел отчитать его за несоблюдение осторожно-

сти. И пока лез, догадался, что сам виноват: опять, знаете, неточно отдал распоряжение. Всегда у меня с Ломом на этой почве недоразумения.

Лезу и слышу:

Я старший помощник
С корвета «Беда».
Его поглотила
Морская вода.
И вот я теперь
На чужом корабле,
Сижу, как преступник,
На жестком угле...

И ничего, знаете, не скажешь: действительно про себя поет, все верно... Вот только насчет корвета он, конечно, несколько преувеличил. Какой там корвет!.. А впрочем, это своего рода украшение речи. В песне это допускается. В рапорте, в рейсовом донесении, в грузовом акте, конечно, такая неточность неуместна, а в песне — почему же? Хоть дредноутом назови, только солиднее звучать будет.

Я все-таки Лома остановил.

— Вы,— говорю,— не так меня поняли, дорогой. Вы лучше про нас пойте, только чтобы никто не слышал. А то как бы неприятностей не вышло.

Ну, замолчал он, согласился.

— Верно,— говорит,— вы разрешили, а я не подумал. Не стану я больше петь, я уж лучше посчитаю...

Вылез я, успокоил кочегаров. Объяснил, что, мол, это в топке огонь гудел. Это и механик подтвердил.

— Бывает,— говорит,— такое явление.

в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках, а Врунгель практически проверяет законы алгебры

И вот наконец прибыли мы в Канаду. Мы с Фуксом сошли, распрощались с капитаном, а ночью и Лома контрабандным порядком переправили на берег. Сели в тихой таверне, обсудили положение и соображаем, как дальше добираться. Маршрут нас не смутил. Решили так: из Канады в Аляску, из Аляски через Берингов пролив на Чукотку, а там мы дома, там уж как-нибудь...

В этой части план утвердили.

А вот средства передвижения заставили призадуматься. Тут зима, знаете, реки стали, снег кругом, железных дорог нет, на автомобиле не проедешь. Пароходом — это надо ждать до весны...

Мы посоветовались и решили купить нарты, ну и там что попадется — оленя или собак. Ну и разошлись промышлять кто куда...

Я за нартами отправился, Лом пошел искать оленя, а Фукс взялся собак достать.

Нарты мне попались прочные, красивые, удобные. Лом несколько меньше преуспел. Привел пятнистого оленя средней упитанности. Тут его специалисты осмотрели, освидетельствовали и дали характеристику: по рогам, мол, олень первого класса, а по ногам ниже среднего — копыта узки.

Ну, мы решили попробовать. Запрягли. Не везет олень. По снегу еще кое-как, а на реку, на лед вышли — наш олень шагу ступить не может. Ноги так и разъезжаются.

Я вижу — надо бы подковать его, да подков нет.

И тут, знаете, пригодилась кормовая доска. Недаром я ее, значит, вез. Отвинтили мы от нее медные буквы

и теми же шурупами кое-как оленю к копытам приспособили. И помогло, знаете, но плохо. Правда, дрейф у оленя стал поменьше, а хода все равно не прибавилось. Ленивая скотина попалась!

Тут Фукс пришел со своей покупкой. Привел эдакую небольшую собачку с острой мордочкой. По аттестату собачка — призовой вожак, передовой. Ну, мы ее и решили запрягать по специальности, «впередсмотрящим».

Но это легко сказать. С оленем-то мы справились сразу: напялили ему вместо хомута спасательный круг (тоже и круг пригодился, как видите; в хорошем хозяйстве все в дело пойдет). А собака, знаете, не дается, кусается, скалит зубы. Поди-ка запряги такую!

Ну, кое-как все-таки обратали. Соорудили ей дугу, ввели насильно в оглобли, отпустили...

Ну, доложу я вам, и началось представление! Олень бьет копытами, потрясает рогами, собака воет, и животные, представьте, довольно резво пятятся задом.

Я уже хотел так, задним ходом, и отправляться, но для опыта решил их местами поменять. Хоть и говорится, что от перестановки слагаемых результат не меняется, но это, знаете, в алгебре, а тут совсем другое дело.

Ну, переставили, перепрягли.

И что бы вы думали? Припустил наш олень иноходью, только пятки сверкают.

И собака — за ним. Лязгает зубами, подвывает, однако тоже тянет, как паровоз.

Мы с Ломом едва на нарты сумели вскочить, а Фукс — тот только и успел ухватиться за веревку. С полмили так и проехался, вроде штормового якоря.

Ну, доложу я вам, и гонка досталась! Лаг я с собой не взял, да и пользоваться им на льду затруднительно. Однако, судя по береговым предметам, скорость у нас была потрясающая. Селения мелькают, проносятся, как в тумане, нарты прыгают по льду, в ушах свистит.

У оленя пар из ноздрей, копыта сверкают и так это ловко печатают: «Б-Е-Д-А», как на «Ундервуде».

И собачка старается, скулит, подвывает, язык на сторону свернула, однако тоже не отстаёт.

Словом, не успели оглянуться — граница Аляски. Тут шерифы с винтовками, с флагами...

Я, знаете, решил притормозить: неудобно пересекать границу без соблюдения формальностей. Кричу:

— Малый ход, стоп!

Куда там! Олень мой не смотрит, не слушает, несется как заводной.

Тут один шериф взмахнул платком, другие дали залп... Я думал — конец, однако вижу — все благополучно. По-неслись дальше. И минут этак через пять обгоняем упряжку, потом еще две упряжки, потом я уже и считать перестал — столько пообгоняли. Те торопятся, а я рад бы потише ехать, да не могу удержать свою пару... И вот открывается форт Юкон за поворотом. Там народ столпился на льду. Машут, кричат, палят в воздух. Столько народу собралось, что не выдержал лед, провалился.

Толпа раздалась к берегам, а у нас прямо по носу огромная полынья, и мы с опасной скоростью приближаемся прямо к ней. Я вижу — дело плохо. Ну и решился: накренил нарты набок, оглобли сломались, я — хлоп в снег со всем экипажем, а олень мой с разгона прямо в воду, и с собакой, со всем.

Могли бы и утонуть, да спасательный круг не дал. Смотрю — плавают, фыркают, отдуваются...

Тут благожелатели из публики принесли аркан, зачали оленя за рога, потянули... И, представьте, хваленые рога благородного животного отделились без труда, а из-под них выглянули коротенькие рожки, на манер коровьих! Ну, эти, к счастью, прочно держались. За них вытащили всю упряжку на лед. Олень мой встряхнулся, полизал в ноздрах да как замычит жалобно, как корова.

Я пригляделся, вижу — корова и есть, только без хвоста. Обманули Лома в Канаде. И понятно, почему наш олень танцевал без подков, как корова на льду. А вот откуда у него несвойственная этому животному резвость взялась, я не сразу понял.

Однако специалисты-собачники и это мне разъяснили. Фукс тоже, оказывается, попал впросак: ему вместо собаки молодого волчонка подсунули.

И вот заметьте, как интересно: волчонок сам по себе, как собака, ничего не стоит — дрянь, а не собака; корова сама по себе не олень, а вместе как славно получилось. Вот тут закон алгебры как раз подошел: минус на минус дает плюс, как говорится.

Ну, когда улеглись страсти, выяснилась и причина столь торжественной встречи. У них там в этот день была зимняя гонка, и мы не думали, не гадали, а вышло так, что первое место заняли.

ГЛАВА XXI,

*в которой адмирал Кусаки сам помогает
Врунгелю выпутаться из весьма
затруднительного положения*

Дня три мы гостили в Юконе, сами отдохнули, дали животным отдохнуть. Нам как гостям предоставили полную свободу, только взяли подписку, что мы никуда из дома отлучаться не будем, и для верности двух детективов поставили у крыльца. Ну, а потом запрягли мы свои нарты и тронулись в путь. Юкон пролетели стрелой, выбрались в Берингов пролив и взяли курс прямо на Чукотку. До острова Лаврентия хорошо проехали, а тут получилась задержка. Поднялся шторм, взломало льдины, и мы перед трещиной застряли, как на мели.

Разбили ледовый лагерь под торосом. Ждем, когда льды сойдут. Так бы оно ничего, торопиться нам особенно некуда, и с питанием благополучно: по дороге мы запаслись пеммиканом, рыбой, морожеными рябчиками. Ну, опять же и от коровы молочко. Словом, с голоду не погибли бы, а вот с холодом туго пришлось. Сидим, прижались друг к другу, дрожим. Особенно Фукс страдал: борода у него обмерзла, вся в сосульках, ноет парень, жалуется. Лом тоже держится из последних сил...

Ну, я вижу, надо что-то придумывать. Сижу, размышляю о различных способах отопления. Дрова, уголь, керосин — это все нам не подходит... Ну вспомнил: как-то я был в цирке, там один гипнотизер пристальным взглядом воду кипятил.

Вот бы, думаю, мне так! Воля у меня могучая, железная воля. Почему не попробовать? Уставился на льдину — не кипит, не тает даже... Ну, я понял, что все это ерунда, обман, просто цирковой номер. Ловкость рук или, проще сказать, фокус... И только это слово вспомнил, блестящая идея зародилась в извилинах моего мозга.

Я схватил топор, выбрал подходящую глыбу льда, разметил, обработал соответствующим образом и возвращаюсь к нашему лагерю.

— А ну-ка, товарищи, помогите мне установить фокус. Лом поднялся, ворчит:

— Удивляюсь я, Христофор Бонифатьевич: впору в сосульку обратиться, а вы фокусами развлекаетесь. Фукс тоже ропщет:

— Фокусы-покусы! В Красном море я в одних трусиках купался, и то было жарко, а тут три пары надел, все равно никак не согреюсь. Вот это фокус так фокус!

Ну, я прикрикнул на них:

— Отставить неуместные разговоры! Слушать команду! Поднять эту ледышку! Так держать! Пять градусов влево. Еще левее...

И вот, знаете, подняли творение моих рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лед, глядим — так и буравит, как в редьку, только пар свистит. Навели на чайник — мгновенно закипел, даже крышка взлетела. Вот каким образом и холод одолели. Живем. Привыкать стали, обжились так, что и уезжать не хотелось. Волка пеммиканом кормим, корову — сеном. Сами тоже сыты, не голодаем. А тут и льды сошлись.

Запрягли мы своих рысаков в последний раз и помчались прямым курсом на Петропавловск.

Прибыли, высадились. Представились местным властям. Ну, должен сказать, приняли нас великолепно. Тут, знаете, за нашим походом следили по газетам, последнее время беспокоились, и, когда я рассказал, кто мы, нас, как родных, обласкали: кормят, ухаживают, по гостям водят. Корову мы расковали, сдали в колхоз по акту, волчонка ребятам в школу подарили для живого уголка... Да что рассказывать... Век бы там гостить, так и то мало.

Но тут, знаете, весна подошла, сломало льды, и мы затосковали по морю. Как утро — на берег. Когда на охоту — моржей пострелять, а то и просто так — посмотреть на океан.

И вот однажды выходим все втроем, прогуливаемся. Фукс на сопку полез. Вдруг слышу — кричит страшным голосом:

— Христофор Бонифатьевич, «Беда»!

Я думал, что случилось: или там камнем ногу придавило, или медведя встретил, — мало ли что! Бросился на помощь. Лом тоже полез. А Фукс все кричит:

— «Беда», «Беда»!

Взобрались мы к нему и, представьте, действительно видим — идет «Беда» под всеми парусами.

Ну, бросились в город. А там уже готовятся к встрече... Мы — на пристань. Нас пропустили, ничего. Однако смотрят уже несколько недоверчиво.

Я ничего не понимаю. Как же так, черт возьми! Ведь на моих глазах «Беда» пошла ко дну. Да что глаза, глаза и обмануть могут. Но ведь есть соответствующая запись в вахтенном журнале. А ведь это как-никак документ, бумага. И Фукс свидетель, а выходит так, что я дезертировал, что ли, с судна в минуту опасности. «Ну,— думаю,— подойдут поближе, разберемся».

А подошла яхта — и вовсе стало непонятно. Смотрю — за рулем стоит Лом, тут же рядом — Фукс, шкотовым. А у мачты — я и команду подхождением.

«Да такого,— думаю,— не может быть! Может быть, это не я?» Пригляделся: нет, я. Тогда на берегу не я? Пощупал живот: нет, и на берегу вроде я. «Что же это,— думаю,— раздвоение личности, что ли? Да нет, ерунда все это, просто сон мне приснился...»

— Лом,— говорю,— ну-ка, ущипните меня.

А Лом тоже сам не свой.

Однако, знаете, ущипнул, постарался так, что я не сдержался, вскрикнул даже...

Тут внимание собравшихся обратилось на меня, на Лома, на Фукса. Обступили нас.

— Ну,— говорят,— капитан, может быть, вы объясните создавшееся положение?

А «Беда» между тем подходит по всем правилам. Вот, знаете, кранцы выложили. Дали выброску, пристают. Вот этот двойник мой раскланивается, берет под козырек.

— Разрешите,— говорит,— представиться: капитан дальнего плавания Врунгель с командой. Заканчивая кругосветный спортивный поход, прибыл в порт Петропавловск-Камчатский...

Публика на пристани кричит «ура», а я, знаете, так ничего и не понимаю.

Нужно вам сказать, что я ни в какую чертовщину не верю, но тут пришлось призадуматься. А как же, понимае-

те? Стоит передо мной живое привидение и разговаривает самым нахальным образом.

А главное, я в дурацком положении. Вроде этакого мистификатора или самозванца... «Ну ладно,— думаю,— поглядим, что дальше будет».

И вот, знаете, сходят они на берег. Я стремлюсь выяснить положение, пробираюсь к ним, но меня оттирают, и слышу, тому Врунгелю рассказывают, что тут есть уже один Врунгель с командой.

Он остановился, осмотрелся кругом и вдруг заявляет: — Ерунда! Не может быть никакого Врунгеля: я его сам потопил в Тихом океане.

Я как услышал, так сразу все понял. Вижу, понимаете, старый приятель, мечтатель адмирал, господин Хамура Кусаки под меня работает.

Ну, пробился я со своей командой, подхожу вплотную к нему.

— Здравствуйте,— говорю,— адмирал! Как доехали?

Он растерялся, молчит. А тут Лом подступил, да как размахнется — и Лома номер два одним богатырским ударом поверг наземь. Тот упал, и глядим — у него вместо ног ходули торчат из брюк.

Тут Фукс осмелел, подлетел к Фуксу номер два, вцепился ему в бороду и оторвал разом.

Лому-то с Фуксом хорошо: у одного рост, у другого борода, а у меня никаких характерных признаков... «Чем же,— думаю,— мне-то своего двойника донять?»

И вот, пока думал, он сам придумал лучше меня. Видит, дело дрянь, достает кортик, хватает двумя руками — раз-раз! — и распорол живот накрест... Харакири, самый самурайский аттракцион... Я даже зажмурился. Не могу я, молодой человек, на такие вещи хладнокровно смотреть. Так с закрытыми глазами и стою, жду.

Вдруг слышу — народ на берегу тихонько посмеивается, потом погромче, а там и хохот пошел. Тогда я

открыл глаза — и опять ничего не понимаю: тепло, солнце светит, и небо чистое, а откуда-то вроде снег идет.

Ну, пригляделся, вижу — двойник мой заметно поху-дел, однако жив, а на животе у него зияет огромная рана и из нее пух летит по всему берегу...

Тут, знаете, кортик у него отобрали, взяли под белые руки довольно вежливо и повели. И команду его повели. А мы не успели опомниться, смотрим — качают нас.

Ну, покачали, успокоились, выяснили отношения, потом пошли яхту осматривать.

Я вижу — не моя яхта, однако очень похожа. Не обошел бы я на своей весь мир — сам мог бы перепутать. Да. Ну, заприходовали эту посудину, как полагается, а на другой день и пароход пришел.

Распрощались мы. Потом я с Фуксом уехал и вот, видите, до сих пор жив, здоров и молод душой. Фукс исправился, поступил на кинофабрику злодеев играть: у него внешность для этого подходящая. А Лом там остался, командовать этой яхтой.

Вскоре я от него письмо получил. Писал он, что ничего, справляется, и яхта неплохо ходит. Конечно, эта «Беда» не «Беда». Ну, да это не беда, все-таки плавает... Да.

Вот так-то, молодой человек. А вы говорите, что я не плавал. Я, батенька мой, плавал, да еще как плавал! Вот, знаете, стар стал, память слабеет, а то бы я вам рассказал, как я плавал.

дополнительная, без которой иной читатель мог бы и обойтись

До позднего вечера сидел я тогда и слушал, боясь проронить слово. А когда Врунгель закончил свой необыкновенный рассказ, я спросил почтительно и скромно:

— А что, Христофор Бонифатьевич, если бы записать эту историю? Так сказать, в назидание потомству и вообще...

— Ну что же, — ответил он, подумав, — запишите, пожалуйста. Мне скрывать нечего, правду не утаишь... Пишите, голубчик, а как закончите, я посмотрю и поправлю, если что не так...

В ту же ночь я сел за работу, и вскоре объемистый труд, начисто переписанный крупным почерком, лежал у Врунгеля на столе.

Христофор Бонифатьевич внимательно просмотрел мои записки, кое-где сделал незначительные, но весьма ценные поправки, а через два дня, возвращая мне рукопись, сказал несколько огорченно:

— Записали вы все правильно, слово в слово... Вот только с вами-то я по-свойски говорил, как моряк с моряком, а иной попадется бестолковый читатель и, может случиться, не так поймет. У меня у самого в молодости презабавный был случай: я еще тогда только-только на море пришел, юнгой плавал. И вот стояли мы как-то на якоре... Штурман был у нас — серьезный такой человек, не дай бог. И вот собрался он на берег. Прыгнул в шлюпку и кричит мне:

— Эй, малый, трави кошку, да живо!

Я услышал и ушам не верю: у нас на судне кот был сибирский. Пушистый, мордастый, и хвост как у лисы. Такой ласковый да умный, только что не говорит. И вдруг

его травить! За что? Да и чем травить, опять же? Я в этом смысле спросил у штурмана... Ну и выдрали меня тогда — как говорится, линьков отведал. Да-с... Вот я и боюсь: станут люди читать, напутают в терминологии, и тут такая может получиться двусмысленность, что я перед читателем предстану в нежелательном виде. Так что уж вы, батенька, потрудитесь: все морские слова в отдельный список, по порядку русского алфавита, подберите и мне представьте. А я на досуге займусь, обдумаю это дело и дам свои объяснения.

Я не преминул выполнить это указание и вскоре представил Врунгелю небольшой список, слов в шестьдесят. Он просмотрел, обещал к утру написать объяснения, потом попросил неделю сроку, потом заявил, что раньше чем через месяц не управится, а когда год спустя я как-то напомнил об этом злополучном словаре, Христофор Бонифатьевич рассердился не на шутку, обозвал меня мальчишкой и дал понять, что дело это серьезное и торопиться с ним не следует.

Так и вышла книжка без словарика. И ничего, читали люди и, в общем, кажется, правильно все понимали. Но вот недавно, когда готовилось новое издание «Приключений капитана Врунгеля», Христофор Бонифатьевич вызвал меня и торжественно передал свой последний научный труд.

Мы тщательно изучили эту интересную работу и, оценив ее по достоинству, решили напечатать полностью.

Рассуждение капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля о морской терминологии

Мною и другими наблюдателями неоднократно было замечено, что человек, вдоволь испивший соленой влаги из бездонной чаши океана, поражается странной болезнью, в результате которой со временем наполовину теряет бесценный дар человеческой речи.

Такой человек вместо слов родного языка, вполне точно обозначающих тот или иной предмет, применяет вокабулы, столь затейливые, что порой с личностью, не зараженной этой болезнью, уже и объясниться не может. Когда же такая личность в непонимании разводит руками, больной глядит на нее с презрением и жалостью.

В ранней молодости недуг этот поразил и меня. И сколь настойчиво ни пытался я излечиться, меры, принятые мною, не принесли желанного исцеления.

По сей день выстрел для меня не громкий звук огнестрельного оружия, а рангоутное дерево, поставленное перпендикулярно к борту; б е с е д к а — не уютная садовая постройка, а весьма неудобное, шаткое висячее сиденье; к о ш к а в моем представлении, хотя и имеет от трех до четырех лап, является отнюдь не домашним животным, но маленьким шлюпочным якорем.

С другой стороны, если, выходя из дому, я спускаюсь по лестнице, на бульваре отдыхаю на скамейке, а придя домой, разогреваю чай на плите, то, стоит мне попасть на судно (хотя бы и мысленно), эти предметы сразу превращаются в трап, банку и камбуз соответственно.

Поразмыслив над этим, я решил было вовсе изгнать все морские термины из своего лексикона, заменив их теми словами, которые с давних пор существуют в обычном нашем живом языке.

Результат, однако, получился весьма нежелательный: первая же лекция, прочитанная мною в соответствии с принятым решением, доставила много ненужных огорчений как мне, так и моим слушателям.

Начать с того, что лекция эта продолжалась втрое дольше против обычной, ибо оказалось, что в морском языке есть немало терминов, вовсе не имеющих замены. Я же, не желая отступать от принятого решения, каждый раз пытался заменить эти термины их пространственными толкованиями. Так, к примеру, вместо слова *рея* я каждый раз говорил: «Круглая деревянная балка, несколько утолщенная в средней части, горизонтально подвешенная на высоком тонком столбе, вертикально установленном на судне...» Вместо слова *руль* я принужден был повторять: «Вертикальная пластина, с помощью рычага или иного специального привода поворачивающаяся на вертикальной оси, укрепленной на подводной части задней оконечности судна, служащая для изменения направления движения последнего...»

Сожалея при этом о напрасной трате времени, потребного для неоднократного произнесения этих определений, я старался выговаривать их одним духом, скороговоркою. А так как слов, требующих подобных разъяснений, попадалось немало, лекция моя стала походить на заклинание волшебника или на камлание шамана. И вполне естественно, что слушатели мои, несмотря на все старание, в котором я не имею оснований сомневаться, ничего из моих объяснений не усвоили и, более того, не поняли.

Огорченный неудачей, я тем не менее не пал духом. Терпеливо и внимательно я снова проработал этот вопрос, и после всестороннего изучения имеющихся на эту тему трудов и литературных источников, сопоставив их с собственными наблюдениями, я пришел к выводу, что:

морская терминология есть не что иное, как специальный морской инструмент, которым каждый моряк обязан владеть столь же уверенно и искусно, сколь уверенно плотник владеет топором, врач — ланцетом, а слесарь — отмычкой.

Но, как во всяком деле, инструмент непрерывно совершенствуется, частично вовсе исключается из обихода, частично заменяется новым, более простым и удобным в обращении, нередко заимствованным из другого ремесла, так и в морской практике — одни термины широко входят в состав общегражданского живого языка, как то произошло, например, со словами: мачта, руль, штурман; другие же, напротив, вовсе утрачивают свое бывшее значение и заменяются новыми, общепринятыми, как то было со словами антретно или триангль, которые не так еще давно прочно держались в морском словаре, а ныне совсем забылись, уступив свое место словам приблизительно и треугольник соответственно.

Изложенное позволяет рассчитывать, что со временем, путем взаимных разумных уступок, моряки и сухопутные люди придут наконец к одному общепонятному языку. Надеяться, однако, что такое слияние произойдет в ближайшем будущем, нет оснований. А посему сегодня при чтении всякой серьезной работы по морскому делу, такой, например, как описание моих приключений во время плавания на парусной яхте «Беда», для человека, не овладевшего вполне морским языком, обязательн о (!) пользование хотя бы небольшим пояснительным словариком, который и предлагается мною читателю.

морской Такелажный словарь

для бестолковых
сухопутных читателей.

Составлен Х. Б. Врунгелем

Анкерок.— Не случайно многие морские словари начинаются у нас этим словом, с которым некоторым образом связано самое начало русского флота. Как известно, в строительстве первых русских кораблей принимали участие голландские специалисты — мастера корабельного дела и мастера выпить. Нельзя сказать, однако, что пили они без меры. Мерой для вина как раз и служил анкер — крепкий деревянный бочонок ведра на два, на три. Такой бочонок — анкерок — и сейчас держат на каждой спасательной шлюпке, только хранят в нем не вино, а пресную воду.

Балл.— Не следует путать со словом «бал»! Бал — это вечер с танцами, а балл — отметка, которую моряки ставят погоде, мера силы ветра и волнения. 0 баллов — штиль, полное безветрие... 3 балла — слабый ветер... 6 баллов — сильный ветер... 9 баллов — шторм, очень сильный ветер. Когда дует шторм, и судну и экипажу тоже порой приходится потанцевать! 12 баллов — ураган. Когда небольшое судно попада-

ет в зону урагана, случается, что моряки говорят: «Кончен бал!» — и бодро идут ко дну.

Балласт — на суше лишний, ненужный груз. А на море когда как: если много балласта — нехорошо. А совсем без балласта — еще хуже: можно перевернуться. Вот и приходится возить камни, чугунные чушки, песок и прочие бесполезные тяжести, которые кладут на самое дно, чтобы придать судну устойчивость.

Боцман. — Слово это состоит из двух голландских слов: б о т — судно и м а н — человек. Б о ц м а н — судовой человек, лодочник. А у нас боцман — старший матрос, хозяин палубы.

Брашпиль — тоже составное слово из голландских: б р а д е н — жарить и с п и т — вертел. Только на брашпилье никто ничего не жарит. На него наматывают якорный канат, чтобы в ы х о д и т ь — поднять якорь. Выхаживать якорь — работа не легкая. Если брашпиль ручной — изжариться не изжаришься, а запариться очень просто.

Бункер — угольная яма на корабле, склад угля. Тут и объяснять нечего.

Ванты — растяжки, которые удерживают мачту, чтобы не упала, чего доброго.

Вира. — С этим словом всегда неприятности. Все моряки твердо знают: в и р а — поднять, м а й н а — спустить. А на берегу многие путают.

Гарпун — палка с острым, зазубренным наконечником, привязанная к длинной веревке. Такими гарпунами в старину били крупного морского зверя. Случалось, что и друг друга били, когда ссорились. Современный гарпун совсем не похож на старинный. Им стреляют из пушки. Бить китов им очень удобно, а вот для рукопашной драки он не годится — тяжел.

Грот — пещера, обычно искусственная. А в морском деле г р о т — главный парус на главной мачте.

Док — маленький искусственный залив с воротами. Корабль вводят туда, плотно запирают ворота, а воду выкачивают. В доке корабли осматривают, ремонтируют, красят, а когда заканчивают работу, напускают в док воды, корабль всплывает и выходит.

Драить — накручивать. З а д р а и т ь — закручивать. А вот н а д р а и т ь — почему-то начистить до блеска.

Дрейф. — В пяти буквах этого слова заключено шесть значений: 1) л е ч ь в д р е й ф — так поставить паруса, чтобы судно топталось на месте; 2) д р е й ф — отклонение от курса (см. к у р с) под влиянием ветра и течения; 3) плавание по воле стихии без руля и без ветрил, как говорится; 4) плавание вместе со льдами; 5) движение судна, стоящего на якоре, когда в сильный шторм якорь не держит. В этом случае капитан порой тоже начинает: 6) дрейфить, как бы не бросило на мель.

Заштилеть — попасть в штиль (см. б а л л).

Зенит — точка в небе прямо над головой наблюдателя. Эту точку каждый может увидеть. **Н а д и р** — противоположная ей точка небесной сферы. Эту точку даже самый внимательный наблюдатель увидеть не может — земной шар мешает.

Зыбь — волнение на море. Когда зыбь без ветра, капитану волноваться не приходится, а вот когда с ветерком — бывает, и поволнуешься.

Зюйдвестка — очень некрасивая штормовая шляпа из промасленной ткани. Вода с полей такой шляпы стекает на плечи и на спину, а за шиворот не попадает. Вот уж, как говорится: «Некрасиво, да спасибо!»

Камбуз — судовая кухня и судовая кухонная плита — это все уже знают.

Кашалот — кит без усов, но с зубами. Любопытен, но глуп.

Киль — хребет корабля, к которому крепятся корабельные ребра. Килем называют еще плавники, приделанные к корабельному брюху, служащие для улучшения мореходных качеств судна.

Клотик — крыша мачты. Казалось бы, зачем мачте крыша? А вот нужна. Иначе дождевая вода просочится по порам дерева, и мачта изнутри загниет. Вот и делают круглую деревянную нашлепку наверху мачты — клотик.

Контркурс — это когда два корабля идут параллельно навстречу друг другу.

Корвет — трехмачтовое военное парусное судно. В наше время существует только на картинах и в книжках.

Кубрик — общая жилая каюта и распространенная собачья кличка.

Курс — направление движения судна. Также направление ветра по отношению к идущему под парусами судну. Если ветер дует прямо в корму, говорят, что **к у р с ф о р д е в и н д**. Когда не в корму, но сзади — **б а к ш т а г**. Когда прямо в бок — **г а л ф и н д**. В скулу — **б е й д е в и н д**. Ветер, дующий прямо в нос, прежде названия не имел, но этот пробел в морской терминологии заполнен Х. Б. Врунгелем, предложившим название «**в м о р д у в и н д**», которое прочно вошло в морской словарь.

Лавировать — на суше дело хитрое: и нашим и вашим угодить, и направо и налево поклониться, и по грязи пройти, ног не замочив. А у нас на море — проще простого: идти против ветра зигзагами да обходить опасности. Вот и всё.

Л аг и л о т — приборы. Первый — для определения скорости хода и пройденного пути. Второй — для определения глубины. В старину говаривали: «Без лота — без ног, без лага — без рук, без компаса — без головы».

Лоцман — человек, который проводит корабли в опасных и трудных местах.

Люк — отверстие в палубе.

Милья — морская мера длины, равная 1852 метрам. Часто нас, моряков, упрекают за то, что мы никак не перейдем на километры, а мы и не собираемся, и вот почему: часть меридиана от экватора до полюса разделена на 90 градусов и каждый градус на 60 минут. Величина одной минуты меридиана как раз и составляет милю.

Набить. — Смотря по тому, что набить. Если снасть набить — это значит натянуть так, что дальше некуда.

Надир — см. зенит.

Нактоуз — буквально: «ночной домик». В старину так называли ящик с фонарем для освещения и защиты компаса. В наше время нактоуз — высокий шкафчик вроде тумбочки. На нем наверху ставят компас, а внутри прячут хитрые приспособления, которые следят за тем, чтобы компас врал, да не завирался.

Оверкиль — слово, которое часто произносят, но почти никогда не пишут, вероятно из скромности. Сделать оверкиль — это значит перевернуть судно кверху килем.

Оверштаг — такой поворот парусного судна, при котором оно проходит через положение вмордувинд (см. к у р с).

Остойчивость — то же, что и устойчивость.

Пакгауз — склад.

Пассаты — восточные ветры, весьма постоянно дующие в тропических широтах (см. это слово).

Подвахта, подвахтенный — сменившийся с вахты. В случае необходимости подвахтенные в первую очередь вызываются для помощи вахтенным. Поэтому у подвахтенных есть правило: если хочешь спать в уюте — спи всегда в чужой каюте.

Порты — всякие ворота. В бортах кораблей — пассажирские, грузовые, угольные, пушечные порты. У доков батопорты — специальные суда, которые затопляются в воротах доков и своим корпусом запирают вход в док. Порт — также место стоянки кораблей. Торговые и военные порты — морские ворота страны.

Прокладка курса — постоянно ведущаяся отметка на карте места, в котором находится судно.

Рангоут — буквально: «круглое дерево» — мачты, реи и т. п. Сейчас на больших кораблях почти весь рангоут металлический, клепаный или сваренный из стальных листов. Получается круглое дерево, сваренное из стальных листов... Вот и разберись тут!

Роль судовая — ничего общего не имеет с ролью в спектакле. Там роль играют, а с судовой ролью играть не положено. Это важный документ — список всех людей, находящихся на корабле. Внести в роль — значит зачислить в состав команды. Списать — значит вычеркнуть из роли, уволить из состава команды, удалить с корабля.

Семафор — разговор, вернее — переписка с помощью ручных флажков. Каждой букве соответствует особое положение рук с флажками. Про сигнальщика, который передает буквы по семафору, говорят: пишет.

Секстан, секстант — инструмент для определения места судна. Последние тридцать лет идет спор, как писать это слово. Штурманы, которые пользуются этим прибором, называют его «секстан» и пишут так же, а все остальные и говорят и пишут «секстант». Кто прав — так и неизвестно.

Склянки — полчаса. В ту пору, когда на судах были песочные часы — «склянки», вахтенный каждые полчаса ударом в колокол оповещал весь корабль о том, что он следит за временем и не забыл перевернуть получасовую склянку. Песочных часов давно нет на судах, а обычай остался: на всех кораблях каждые полчаса звонят в колокол — бьют рынду. У этого выражения тоже интересное прошлое. Англичане говорили: «ринг дзз белл» — бить в колокол, а у нас переделали в «рынду бей» — так и пошло!

Снасть — см. трос.

Списать — см. роль.

Сходня — дачное место под Москвой. А на судне — переносный мостик из доски, иногда с перильцами, по которому сходят с судна на берег. Обрато с берега на судно входят по той же сходне, но входней ее в этом случае не называют.

Счисление — приближенное определение места судна путем расчетов и построений на карте.

Такелаж — см. трос.

Трафальгарская битва — знаменитое морское сражение, в котором 21 октября 1805 года английский адмирал Нельсон разбил превосходящую по силам соединенную эскадру французских и испанских кораблей под командой адмирала Вильнева.

Трос — снасть, всякий канат, веревка, веревочка. Если веревка привязана хотя бы одним концом к чему-нибудь на судне, она уже становится частью такелажа.

Трюм — корабельное брюхо, помещение для груза на корабле.

Утка — деревянное или металлическое приспособление для крепления снастей. Так еще называют водоплавающую птицу, различая при этом утку домашнюю и утку дикуую.

Фальшборт — часть борта выше главной палубы. Приходится следить, чтобы в этой части корабля никакой фальши не было, а то, не ровен час, и в воду свалиться недолго.

Фиорд — узкий извилистый залив с высокими берегами.

Флюгер — легкий флажок на мачте для определения направления ветра.

Фордевинд — см. курс.

Фрахт — плата за перевозку груза по морю, также груз, за перевозку которого по морю взимается плата.

Фут — мера длины, около 30 сантиметров.

Хронометр — точные астрономические часы.

Швартовы — тросы, которыми корабль привязывают к берегу или к другому кораблю.

Широта — выраженная числом удаленность от экватора.

Штиль — см. балл.

Штурмтрап — веревочная лестница. По ней и в тихую погоду нелегко взбираться, а в шторм и подавно. Особенно в зрелом возрасте!

Якорь. — На этом слове удивительным образом замыкается круг морского словаря, ибо якорь на голландском языке называется, произносится и пишется точно так же, как и бочонок для вина — анкер, с которого начинался этот словарик (см. а н к е р о к).

ГЛАВА I, в которой автор знакомит читателя с героем и в которой нет ничего необычного	7
ГЛАВА II, в которой капитан Врунгель рассказывает о том, как его старший помощник Лом изучал английский язык, и о некоторых частных случаях практики судовождения	12
ГЛАВА III. О том, как техника и находчивость могут возместить недостаток храбрости, и о том, как в плавании надо использовать все обстоятельства, вплоть до личного недомогания	20
ГЛАВА IV. О нравах скандинавских народов, о неправильном произношении некоторых географических названий и применении белок в морском деле	34
ГЛАВА V. О селедках и о картах	43
ГЛАВА VI, которая начинается недоразумением, а кончается неожиданным купанием	49
ГЛАВА VII. О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон»	62
ГЛАВА VIII, в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии	73
ГЛАВА IX. О старых обычаях и полярных льдах	86
ГЛАВА X, в которой читатель знакомится с адмиралом Кусаки, а экипаж «Беды» — с муками голода	97
ГЛАВА XI, в которой Врунгель расстается со своим кораблем и со своим старшим помощником	105
ГЛАВА XII, в которой Врунгель и Фукс дают небольшой концерт, а затем торопятся в Бразилию	110
ГЛАВА XIII, в которой Врунгель ловко расправляется с удавом и шьет себе новый китель	118
ГЛАВА XIV, в начале которой Врунгель становится жертвой вероломства, а в конце снова попадает на «Беду»	125
ГЛАВА XV, в которой адмирал Кусаки пытается поступить на «Беду» матросом	133
ГЛАВА XVI. О дикарях	146
ГЛАВА XVII, в которой Лом вновь покидает судно	151

ГЛАВА XVIII. Самая печальная, так как в ней «Беда» гибнет, на этот раз уже безвозвратно	157
ГЛАВА XIX, в конце которой неожиданно появляется Лом и поет про себя	162
ГЛАВА XX, в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках, а Врунгель практически проверяет законы алгебры .	168
ГЛАВА XXI, в которой адмирал Кусаки сам помогает Врунгелю выпутаться из весьма затруднительного положения	173
ГЛАВА XXII, дополнительная, без которой иной читатель мог бы и обойтись	180
Рассуждение капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля о морской терминологии	182
Толковый морской словарь для бестолковых сухопутных читателей. Составлен Х. Б. Врунгелем	185

Андрей Сергеевич НЕКРАСОВ

Приключения капитана Врунгеля

Редактор А. Г. Казакова. Художник В. И. Боковня. Художественный редактор Б. Г. Смирнов. Технический редактор В. И. Демьяненко. Корректор Н. Г. Ковенская

ИБ № 2218

Сдано в набор 18.01.82. Подписано к печати 06.09.82. Формат 70х108 1/32. Бумага офсетная. Гарн. журн. рубл. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 52,07. Уч.-изд. л. 9,98. Тираж 50 000 экз. Заказ № 384. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Фотонабор выполнен в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» им А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

